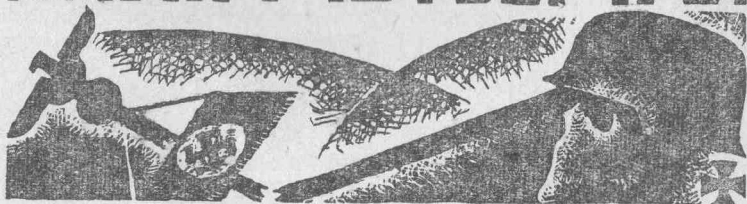
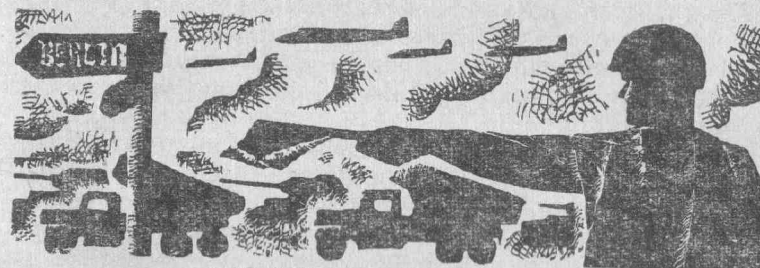

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Весна 1944 года рано пришла сменить короткую и теплую зиму. В середине февраля на Украине подули с юга сырые мягкие ветры, поднимались по ночам туманы, съедая рыхлый неглубокий снег. Днем в лесу пахло оттаявшей корой. Быстро набухали почки. К вечеру подмораживало, тонкий ледок звенел под ногами.

Генерал армии Ватутин возвращался в штаб фронта после поездки на передовую. Близились сумерки. По дороге рассказывали деловитые, похудевшие в дальнем перелете грачи. Водитель сказал, что днем видел жаворонка. Ватутин усомнился: слишком рано. Но шофер упорствовал — он ждал генерала в штабе 13-й армии, а тут как раз закричали, что в небе жаворонок.

— Мог бы меня позвать, — с упреком произнес Николай Федорович, поднимая воротник шинели: в машину проникали струйки холодного воздуха. — Я с прошлого лета жаворонок не слышал. А люблю их, весну люблю. Весной и жить веселей, и сил больше, и голова лучше работает. — Ватутин усмехнулся, сцепил на животе пальцы рук. — Вот позавчера обнову себе заказал. Фуражку легкую и с большим козырьком. Чтобы солнце не било в глаза. По-моему, большой козырек удобней. И для шоферов тоже.

— Посмотрю, как у вас будет, — ответил водитель.

— Да, спешить не надо, — сказал генерал и надолго умолк, задумался, полuzакрыв узкие, глубоко запрятанные глаза. Шофер, изредка поглядывая на него в зеркальце, думал: неужели генерала всерьез занимают жаворонки и ко-

зырек? Ведь у него столько забот, он держит на своих плечах целый фронт. Про него пишут, что он — выдающийся военный талант. А он сидит и рассуждает о фуражке. Может, он просто отдыхает? Или говорит одно, а мысли заняты другим?

Скоро Ватутин будет маршалом. Это ни для кого не секрет, тем более для шоферов. Ждут только указа. Ходят даже слухи о том, что его назначат заместителем Верховного Главнокомандующего. Тогда дело плохо: Николая Федоровича заберут в Москву, придется возить нового генерала, привыкать к новому начальнику.

Шофер расправил занемевшие плечи и чуть подался вперед. Дорога втянулась в густой старый лес, голый и неуютный. Среди серых сугробов виднелись проталины. Колея петляла, огибая воронки. «Студебеккер» с автоматчиками, двигавшийся впереди, замедлил скорость. Водитель хотел посигналить: чего, мол, тормозишь, ночь скоро, спешить нужно, но не стал, чтобы не тревожить Ватутина.

Лес поредел, впереди завиднелась большая прогалина, появились крайние дома деревни Милятин. Длинная широкая улица, а на ней ни единой живой души. «Поумирали все, что ли?» — удивился шофер и вдруг вскрикнул от острой боли, словно опалившей его лицо. Где-то длинно, безостановочно стрекотал пулемет, осколки стекла впились в щеки и в лоб шофера, но он, ослепший, окровавленный, теряя сознание, все же сумел остановить машину, едва не врезавшись в корму «студебеккера».

Из кузова прыгали ошалевшие от неожиданности автоматчики, строчили куда попало: в лес, по домам, вдоль улицы. Ватутин, широко расставив ноги в лакированных сапогах, стоял между двух машин, медленно поворачиваясь, осматриваясь. Среди шума и суматохи властно прозвучал его спокойный голос:

— Противник слева от дороги, в лесу и на окраине деревни. Капитан, где ваши пулеметы? Прикройтесь пулеметами и ведите автоматчиков туда!

По кузову «студебеккера» ударили разрывные пули. Их мелкие осколки разлетались со стелющим звуком. Ватутин, пригнувшись, добежал до кювета и лег в мокрый хлопотный снег. Рядом плюхались сопровождавшие его штабные офицеры. Автоматчики развертывались в цепь, пытались перебежать к лесу, но падали, сраженные метким огнем. Невидимый противник вел стрельбу сразу из не-

скольких пулеметов, им вторила сухая дробь автоматов, резко хлопали винтовочные выстрелы.

Ответный огонь был недружным. Даже броневик и тот стрелял неуверенно, наугад, поворачивая ствол то в одну, то в другую сторону.

По кювету подполз член Военного Совета генерал Крайнюков. Приподнялся, сгребая с шинели мокрый снег:

— Николай Федорович, берите портфель с оперативными документами и выходите из боя. Мы с автоматчиками прикроем. Машина на ходу, прорветесь.

— Нет, — усмехнулся Ватутин. — Стыдно нам от врага бегать, да еще на своей территории. Видите, они вперед не идут, боятся ближнего боя. Сейчас мы их вышибем.

По цепи передали команду генерала: приготовиться к атаке! Сигнал — две красные ракеты!

* * *

Машина, в которой ехал Прохор Севостьянович Порошин, была в колонне одной из последних. Утром Ватутин приказал ему передать дела начальнику штаба, а самому следовать в Киев. Зачем — не объяснил. Ничего плохого Прохор Севостьянович не ожидал. Да и привычка Ватутина была ему известна: плохое выкладывал сразу, не тянул за душу, а вот с радостными сюрпризами не торопился, любил обставить торжественно, преподнести новость в удобную минуту.

Когда машины остановились и впереди началась сильная перестрелка, Прохор Севостьянович очень удивился. Торопясь с группой бойцов в голову колонны, он недоумевал, что могло случиться? В этом районе недавно проходила их армия, прочесала все леса и населенные пункты. До передовой далеко, откуда тут взяться немцам? Может, бандиты, бандеровцы?

Лежа в общей цепи, Прохор Севостьянович видел, что почти весь огонь враг сосредоточил там, где стояла машина Ватутина, где находился сам командующий. Противник охотился именно за Ватутиным. И это сосредоточение огня — не случайность, а чей-то тщательно продуманный план. Но как враги сумели узнать, по какой дороге и в какое время поедет командующий фронтом? На одну секунду мелькнула у Порошина мысль: не слишком ли странное совпадение?

Стрельба вдруг резко усилилась. На окраине деревни раздался крик: «Ура!»

— За мной! — командовал Порошин и, пригнувшись, побежал по мелкому кустарнику. Вместе с ним — десятка полтора автоматчиков и шоферов. Впереди, среди деревьев, мелькали темные силуэты. Противник, отстреливаясь, отходил в глубь леса.

Возле старого дуба валялись на снегу винтовка и черная барашковая шапка. Среди ветвей мешком повисло обмякшее тело. Кто-то вскарабкался по стволу, столкнул тело вниз. Оно шлепнулось в двух шагах от Порошина.

Убитый лежал, приоткрыв рот, выставив небритый подбородок. Бекеша из шинельного сукна была посечена пулями на груди. Теплые ватные брюки заправлены в добротные, салом смазанные сапоги.

— Бандера! — с ненавистью плюнул на него один из шоферов. — Самостийник, сволочь, на своих руку поднял!

Порошин приказал обыскать труп и нести его к дороге.

В лесу потрескивали редкие выстрелы; автоматчики не решались углубиться в заросли, опасаясь быстро надвигавшейся темноты. На окраине деревни урчали моторы машин. Там уже не было видно ни головного «студебеккера», ни легковушки командующего.

Возле дома стоял молодой офицер в длинной шинели, покачивал свою забинтованную руку, иногда будто приплясывал, морщась от боли.

— Где генерал армии? — обратился к нему Порошин.

— Увели.

— Как? — шагнул Прохор Севостьянович. — Что с ним?

— Не знаю, — плачущим голосом воскликнул офицер. — Ранен он! Меня как раз перевязывали, а его ранило.

Порошин бегом бросился к своему «газiku». Скорей вперед, догнать Ватутина!

Самое главное — какое ранение?! Даже если и легкое — все равно скверно. Значит, госпиталь, значит — фронт на какое-то время останется без головы. Или приплот нового командующего... Ни о чем более страшном Прохор Севостьянович не хотел и думать. Он гнал от себя

тяжелые мысли, но в мозгу неотвязно звучала весть откуда взявшаяся строфа: «Русский гений издавна венчает тех, которые мало живут...»

* * *

Командовать 1-м Украинским фронтом было приказано маршалу Жукову. Он охотно принял эту должность, получив от предшественника закаленные в боях войска, отлично налаженный штабной аппарат, а главное — продуманную и тщательно подготовленную Ватутиным новую наступательную операцию.

Войска фронта начали быстро продвигаться на запад, освобождая села и города Правобережной Украины, стремясь к государственной границе Союза.

А в это время в одном из киевских госпиталей лучшие врачи день за днем вели отчаянную борьбу, стараясь сохранить жизнь генерала Ватутина.

2

Поезд пришел в Москву утром. Прямо с вокзала Прохор Севостьянович отправился в управление кадров Наркома обороны. Знал, что в этом учреждении спешить не привыкли, любят откладывать решения со дня на день, поэтому добился, чтобы его сразу назначили на прием.

Генерал-полковник, начальник управления, встретил Порошина с равнодушной вежливостью. О причине вызова заговорил не сразу. Задал несколько пустяковых вопросов насчет дороги, насчет погоды. Да и Прохор Севостьянович не хотел втягиваться в беседу. Видел генерал-полковника не в первый раз, знал его неприятную манеру покровительственно, свысока разговаривать с теми, кто стоит ниже по служебной лестнице.

Начальник полистал бумаги в папке, на губах появилась усмешка.

— Ну и расписывают вас тут... Хотя сразу на армию ставь...

Встретил твердый пристальный взгляд Порошина, быстро отвел глаза. Голос зазвучал строже и резче:

— Относительно вас имеются два мнения. Генеральный штаб не против вернуть вас к себе. А Ватутин хочет дать

корпус. Но с Ватутиным сейчас не все ясно. Однако такая же вакансия есть у Рокоссовского. У вас-то у самого к чему больше душа лежит?

— Товарищ генерал-полковник, прошу оставить на фронте. Прошу самым решительным образом.

— Все так, — снова недобро усмехнулся начальник. — Все на фронт хотят. Конечно, там и рост, и награды, и слава. А в штабе кто будет? В Москве тоже люди нужны!

Прохор Севостьянович подумал, что, наверно, час или два назад начальник таким же недовольным тоном говорил прямо противоположное кому-нибудь из тех генералов, которые привыкли к штабной работе и неважно чувствуют себя на командных должностях. Говорил для того, чтобы подчеркнуть свою власть: мало ли, мол, чего вы хотите! Как мы решим, так и будет. Видимо, ощущение собственной значимости доставляло ему большое удовольствие.

Вслух Порошин сказал:

— На мой взгляд, нецелесообразно отзывать в тыл тех, кто накопил опыт вождения войск.

— Ну, вопрос о целесообразности позвольте решать нам, — чуть приподнялся генерал-полковник. — Вызову вас в ближайшие дни. Сейчас зайдите к дежурному и оформите документы. Вы в гостинице?

— Нет, на квартире.

— Желаю отдохнуть, — равнодушно сказал начальник, подвигая к себе следующую папку.

* * *

Старинный дом на Бакунинской хотели ремонтировать еще до войны, да так и не собрались. Выглядел он неважно — на фасаде кое-где обвалилась штукатурка, облезла краска, стены сделались грязно-желтыми. В некоторых рамах вместо стекол вставлены куски фанеры. Прохор Севостьянович стоял на противоположной стороне улицы, смотрел на знакомые окна, улыбался и хмурился своим мыслям, не замечая любопытных взглядов: люди стороной обходили генерала в длинной голубоватой шинели, в высокой папахе, стоявшего прямо посреди тротуара.

Два года не был он в этом доме. Да, уже больше двух лет. Но всегда, вспоминая Москву, вспоминая прошлое, он видел перед собой именно это старое здание. Так полу-

чилось, что к сорока годам он не обзавелся ничем своим, жил вольным казаком, бобылем. Только в последнее время появилась у него тяга к какому-то определенному углу, к уюту, к хорошему давним знакомым.

Он стоял и думал о своем одиночестве. Здесь, через улицу, единственная дверь, которую ему хочется открыть. И все его близкие — за этой дверью. Правда, теперь там нет Степана. Но ведь там Евгения Константиновна, там Нелька — коза: он помнил ее еще с пеленок. Когда-то носил ее на руках, даже кормил манной кашей и укладывал спать.

А потом была глупость. Осень сорок первого года, холод, мрак, расставания без надежды на встречу. Неля — экспансивная девочка, можно понять ее непосредственность, вспыхнувшее в ней чувство. Но все-таки не надо было слушать ее... Даже тогда Прохор Севостьянович понимал, что это — лишняя боль. И дело не в возрасте. Ей теперь перевалило за двадцать, взрослый человек. Но он никогда не перестанет видеть в Неле ребенка и не сможет увидеть, почувствовать в ней женщину.

Они давно не встречались, не переписывались, и Прохор Севостьянович надеялся, что время сделало свое дело...

«Чего же я торчу, будто столб посреди тротуара!» — спохватился он. Посмотрел влево, нет ли транспорта, и поразился: как крепко въелась эта привычка, три года войны не выжили ее.

Дверь Порошину открыла Евгения Константиновна. Она не удивилась его появлению, равнодушно ответила на его «Здравствуйте!». Скрестив на груди тонкие, иссохшие руки, молча смотрела, как он снимает шинель, причесывается перед зеркалом. Она очень похудела и от этого выглядела еще более высокой. Лицо словно бы восковое, неизменные седые буки стали совсем жидкими.

— Неля дома? — спросил Прохор Севостьянович. И, узнав, что она на работе, почувствовал даже некоторое облегчение.

Евгения Константиновна провела его в комнату, показала, где взять полотенце. Коснулась темным, похожим на сухой сучок пальцем плеча Порошина, сказала негромко:

— Слава богу, теперь хоть генералы на генералов похожи! А Степан так и не дожил до погонов...

— Почему не дожил? Пропал без вести — это еще не погиб. Вполне возможно, что и вернется.

— Погиб, — резко ответила она. — В Одуев лесничий какой-то приезжал, который сам его хоронил. Настя письмом получила, она и расскажет.

Старуха умолкла, вздохнула, а потом вдруг заторопилась: ей нужно было ехать куда-то. Пока Порошин брился, она переделалась в черный строгий костюм, который был ей велик, как и платье. На лацкане блестела медаль «За оборону Москвы».

— Вас поздравить можно? — спросил Прохор Севостьянович, подавая истертую ветхую шубу.

— С чем? — не поняла старуха. — Ах, с наградой! Ну, это давно было. — Пожевала губами и добавила строго: — А улыбаетесь напрасно, молодой человек! Такую медаль каждому россиянину почетно носить.

— Вполне разделяю ваши чувства, — склонил голову Порошин, тронутый ее искренним и немного наивным пафосом. Старая актриса прошла мимо с подчеркнутой неторопливостью, горделиво выпрямившись. А из просторного воротника шубы смешно и жалко торчала длинная, морщинистая, как у черепахи, шея.

Оставшись один, Прохор Севостьянович отправился в ванну. Можно было затопить колонку, согреть воду (мелко наколотые полешки лежали у дверцы), но Порошину не захотелось возиться. Громко побрякивая под холодными струйками, он шлепал ладонями по груди и животу, яростно растирался мочалкой.

Стоя под душем, освеженный и бодрый, он подумал: в квартире Степана что-то очень изменилось, но что именно, — он никак не мог понять. Стало вроде светлее и просторнее. Или это только кажется, потому что нет людей? Но ведь и раньше Порошину случалось бывать у Степана Степановича, когда тот оставался один...

Прохор Севостьянович оделся и, закулив, еще раз не спеша прошел по комнатам. Свободно-езде, хоть ганцуй. Опустился в кресло в бывшем кабинете Ермакова, обвел глазами стены. Зеленые грязные обои потрескались в нескольких местах. Железная кровать с тощим матрасом накрыта серым одеялом, а над ней портрет Степана Степановича в черной рамке и артиллерийский бейбут, прицененный хозяином еще с той немецкой войны.

Возле окна — старинный двухтумбовый стол, за кото-

рым столько раз сидивал, бывало, Порошин, готовя какой-нибудь срочный доклад. Он весь завален книгами, стопки их высятся в человеческий рост. Прежде книги стояли в шкафах, но теперь их нет. Не видно и этажерок, и секретера.

Порошин вышел в столовую. Так, ясно. Исчез буфет, затенявший окно. Исчез большой обеденный стол, вместо него — какая-то фитюлька на шатких ножках, похожая на учительский столик.

Оголилась и кухня. Ни полок на стенах, ни посуды. Прохор Севостьянович дернул дверцу шкафчика, увидел три тонких ломтика хлеба на тарелке, три кусочка сахара и половину брикета пшенной каши.

— Да, небогато, — вздохнул он.

Закрыв шкафчик, Порошин прилег на кровать в комнате Степана Степановича, не сняв даже сапог, чтобы вскочить сразу, едва стукнет входная дверь. Смотрел в потолок, рассуждая мысленно о том, что в тылу, конечно, людям скверно. На фронте человек живет всплесками: бой, атака, мобилизация всех душевных и физических сил. Потом отдых. А в тылу напряжение постоянное. Работа, забота, голод — каждый день, каждый час одно и то же. Требуется огромное терпение, выносливость, чтобы пройти сквозь все это. Но на фронте расплачиваются самым ценным — жизнью. А в тылу, в худшем случае, здоровьем. И это все-таки легче.

* * *

Во дворе мальчишки сказали Неле: «А к вам генерал приехал!» Она бегом поднялась по лестнице, размахивая сумкой, не замечая, как повторяет в полный голос, почти кричит: «Прохор Севостьянович! Прохор!..»

Долго не могла открыть дверь, ключ не поворачивался: она сообразила, что пытается повернуть его в обратную сторону.

В прихожей увидела длинную шинель с красными кантами, необычайную шапку-папаху из серой мерлушки, широкий золотой погон. И что-то оборвалось у нее в душе. Шагнула в комнату неуверенно, остановилась возле порога. А он вышел из отцовского кабинета спокойно, как хозяин: рослый, плотный, с тяжелым подбородком, с большими залысинами, — седой стареющий мужчина в новом мундире, в блеске наград, погонов и пуговиц.

— Дядя Проша, — сказала она. — Прохор Севостьянович, здравствуйте!

Он пожал ее руку и коснулся щеки жесткими губами. От него пахло духами, и Неле стало нехорошо: то ли от этого запаха, то ли от волнения, то ли от того, что с утра, кроме чая, ничего не было у нее во рту.

Закружилась голова, но девушка напряглась, справилась со слабостью, села в кресло. И разговор у них начался самый обыкновенный. Прохор Севостьянович расспрашивал, на каком заводе работает, не собирается ли в институт. Неле сейчас не очень хотелось рассказывать о себе: не такой сухой и деловитой представляла она эту встречу. Но иначе не получалось, и девушка даже повеселела, когда речь зашла о Евгении Константиновне.

Да, бабушка переменялась. Читает только исторические романы о том, как наши французов и немцев били, как в Берлин входили... Ну, и читать-то ей особенно некогда. Она теперь активистка Осоавиахима, загружена общественными делами...

— А сама ты как тут? Здоровье-то ничего?

— Ничего, — Неля вскочила и боком пошла к двери. — Вы отдыхайте, Прохор Севостьянович, отдыхайте, — пробормотала она. — А я сейчас умоюсь и чай поставлю.

Закрыла за собой дверь ванной, стиснула руками виски. Столько ждала, столько думала о нем, столько ласковых слов шептала потихоньку в подушку... И вот он: большой, красивый, холодный. «Дядя Проша, здравствуйте...», «Здоровье-то ничего?»

Она покосилась в зеркало. Жидкие, растрепанные волосы, острый подбородок, а губы длинные, да еще собранные посередине, словно гармошка. И уши торчат! Господи! Надо же родиться такой уродиной! Ну кому, кому она пужна, если даже самой на себя посмотреть противно? А теперь еще и нос покраснел!

Неля всхлипнула и начала умываться. А Прохор Севостьянович между тем думал о ней иное. Она осталась почти такой же, как и раньше, худой и угловатой. Как у подростка, торчали острые локти, острые колени, но фигура несколько округлилась, стройней стали ноги. Порошин как-то не заметил ни первых морщинок, прорезавших ее лоб, ни того, что кожа на лице ее стала серой, нездоровой, будто пергаментной. Зато особенно бросилось ему в

глаза сходство Нели со Степаном Степановичем. У них одинаковые черты лица. Правда, Степан был полноват, но в ту пору, когда Нелька еще только училась ходить, а Порошин первый раз встал к орудию, Ермаков выглядел совсем по-другому. Так-то оно получается. Нету больше на свете дорогого друга Степаныча. А вот увидел Нельку и будто вновь посмотрел на него, на живого!

Девушка долго возилась на кухне, Прохор Севостьянович, занятый своими мыслями, не мешал ей. А у Нели и дел-то никаких не было. Просто боялась сидеть в одной комнате с ним, вдруг не выдержит, вдруг выползет на щеку предательская слеза. Неля почувствовала облегчение, когда вернулась Евгения Константиновна. Начала собирать на стол стаканы и чашки: бабушкин сервиз «уплыл» в руки дворника еще в сорок втором году. Вытащила из-за оконной рамы неприкосновенный запас: кусок сала, привезенный Настей Коноплевой в начале зимы. Надо же чем-то накормить мужчину. Чай с сахаром для него мало, а картошка с салом — это еда.

Когда сели к столу, явилась, наконец, и сама Настя. Прохор Севостьянович даже не узнал сразу, когда в комнату вошла стройная девушка в черном платье с белым воротничком. Волосы зачесаны гладко, с пробором. Темные чуть раскосые глаза смотрят строго.

Увидела Порошина и, ахнув, кинулась к нему:

— Товарищ генерал! Это вы? А с Игорем что? Вы его мертвым видели?

Ухватила руками за китель, тянулась на носках, чтобы увидеть глаза Прохора Севостьяновича. Глядела не мигая, вопросительно, с затаенной мольбой. И генерал Порошин, легко ломавший своим жестким взглядом чужие взгляды, на этот раз не выдержал, наклонил голову.

— Игорь не вернулся с разведки, — негромко произнес он. — Ты ведь была на войне и знаешь, что это значит!

3

Минувшим летом начальник санитарного поезда, пожилой добросердечный хирург, отец пятерых детей, долго убеждал Настю возвратиться в институт. Она, мол, хорошая медсестра, но и только. А у нее все задатки для того, чтобы стать умелым врачом. Государству требуются спе-

циалисты высокой квалификации. Требуются и сейчас, и на будущие времена, как она этого не понимает?! Нужно поступать целесообразно, тем более что и ноги у нее поморожены, и пальца нет, и вообще она повоевала достаточно.

Настя поотрез отказалась. А через некоторое время пришло письмо из Одуева. Давняя подруга Соня Соломонова известила о смерти Игоря.

Ну, зачем ей теперь этот санитарный поезд? Ведь она пошла в армию, чтобы быть ближе к любимому, жить одной жизнью с ним и, может быть, хоть случайно, хоть на минуточку встретить его... А теперь не осталось такой надежды.

Да и война стала не та. Немцев гнали на запад, опасность сделалась менее острой. В поезде появилось много девчонок-медсестер, окончивших специальные курсы. А Насте надо было думать и о себе, и о маме, и о младшем брате. Мама больна. Еще несколько лет, — и придется брать на себя все заботы.

Старший сержант Коноплева Анастасия подала рапорт начальнику поезда.

В декабре она возвратилась в Москву и была восстановлена на втором курсе медицинского института.

Унылые и серые потянулись дни. Никогда еще ей не было так тяжело. А ведь она и раньше знала, что такое горе. Ведь она пережила женитьбу Игоря на другой женщине, знала об их ребенке... Ну и что же? Все равно он ходил где-то близко, она могла видеть его, могла ждать и надеяться. А теперь Настя жила без всякого интереса, по инерции, не радуясь и не огорчаясь.

Но вот однажды она поняла, что так невозможно. Это было в феврале. Она присела на минутку на мокрую скамейку в скверике у Елоховского собора, где много раз сидела с Игорем. И скамейка была та же. И лысая макушка старого собора, как и прежде, величаво плыла в высокой синеве, меж редких, ослепительной белизны облаков.

Пригревало солнце. С веток падал сырой подтаявший снег. Возле прозрачной лужицы прыгали по льду лохматые веселые воробьи. Настя послушала воробьев, посмотрела на ребятишек, лепивших снежную бабу, глубоко вдохнула холодный воздух и вдруг почувствовала облегчение. Какая же она дура! Она поверила, что Игоря нет!

Пришла похоронная, ну и что? Мало ли какая путаница бывает на войне! Может, он был тяжело ранен, может, попал в плен... Возвращаются же люди, которых считали погибшими. Надо только сильно верить и сильно ждать!

* * *

Телефонный звонок раздался вечером, часов в восемь. Сергей Панов попросил Настю приехать на площадь Революции. «Что случилось?» — удивилась она. «Ничего особенного, окажи мне эту маленькую услугу. Трудно, что ли?» — «Ладно, приеду».

Что там еще произошло у этого неуравновешенного человека? С тех пор как он выписался из госпиталя и разыскал Настю в Москве, они встречались раз пять. Настю эти встречи тяготили. Пустое времяпровождение, пустая болтовня, а ей нужно заниматься, наверстывать упущенное за два года. Но ей было жаль Сергея. В госпитале ему ампутировали правую ногу. Он неумело ковылял с костылем, был постоянно раздражен, от него часто пахло спиртным.

Вместе с ногой, вместе с надеждой вновь подняться в воздух, он потерял и свою самоуверенность. Он искал новый путь, искал самого себя. И Настя, вероятно, чем-то помогала ему. Во всяком случае она всерьез заставила его задуматься об авиационном институте и даже принесла учебники по физике и по математике.

Сергей ждал ее у входа в музей, опираясь на костыль. Шинель расстегнута, фуражка с голубым околышем надвинута низко, из-под козырька настороженно смотрят округлые, недобрые глаза. Увидев Настю, сразу повеселел, улынулся, поскакал ей навстречу.

— Ну, здравствуй. Быстро доехала, молодец! А теперь пошли. Ну, не отставай от меня на своих двоих!

Настя знала эту его манеру атаковать решительно, не давая опомниться. Чувствовалась ас-истребитель, сбивший четырнадцать немецких машин. Но немецкие летчики встречались с ним по одному разу, а Коноплева, слава богу, изучила его привычки.

— Куда это мы нацелились? — спросила она, удерживая Панова за рукав шинели.

— В «Метрополь». Есть веская причина дать разворот.

— Нет, в ресторан не пойду! Никогда не ходила и не буду ходить. Зачем мне эта срамота!

— Говорю, причина!

— Причину всегда можно найти. И не говори мне больше об этом!

— Ну и ладно, — неожиданно легко согласился он. — Ресторан — это так, для боевой заправки. Давай пройдемся. Извини, под руку не могу, руки заняты, — усмехнулся он. — Я не шокирую тебя на костылях?

— Не городи чепуху!

— Уважаю категоричность, — пробормотал Панов и потом долго шел молча, сосредоточенно ворочая костылем и тяжело сопя. Остановился возле какой-то чугунной ограды, прислонился, свертывая самокрутку. Затянулся пару раз, швырнул самокрутку за ограду. Левою рукою обнял плечи девушки, сказал резко:

— Вот что, Коноплева, люблю я тебя, понятно? И не могу без тебя. Давай будем вместе! В общем — жениться давай!

Рубанул, как пулеметную очередь выпустил, и напрягся, ожидая ответа, склонив голову и горячо дыша прямо ей в ухо.

— Да ты что? — растерялась Настя. — Разве мыслимо: серьезный разговор, и так неожиданно!

— А чего ждать? Решай, и все. Пойдем, запишемся завтра!

— Нет, Сергей!

— Что «нет»? — повысил он голос. — Не желаешь? Не подхожу для тебя?

— Я люблю другого. Я говорила тебе о нем, помнишь?

— Говорила! Что говорила? — взорвался Сергей. — Что дружба с детства? Что женат он? Что к другой привязан? Ну ладно, — перевел дух Панов. — Ну, я понимаю, старый друг... Но ведь теперь нет его, теперь ты свободна. А мне ты нужна, понимаешь?! Я ни о чем и ни о ком столько не думаю, как о тебе.

— Прости, Сергей, но я буду ждать Игоря.

Девушка сказала это так спокойно и твердо, что Панов сразу смолк. Он торопливо свернул новую папиросу и опять затянулся только два или три раза, а потом бросил ее за ограду.

Мертвых не ждут, — голос его звучал глухо. — Но

мне ясно! Мне все ясно! Конечно, на что я нужен тебе, инвалид без образования и без места... Вот будь у меня нога, да погони на плечах, тогда бы ты по-другому смотрела. Все вы на один манер, все ницете, где подходней... Но смотри не просчитайся, мужики теперь нарасхват!

Он скривил губы, вновь выдавил на лице усмешку.

— Ну, трахни меня по щеке, ты же гордая и принципиальная!

— Глупый, — спокойно сказала Настя. — Ты просто дурной, глупый и разгоряченный. Ты совсем ничего не можешь понять. Если Игорь вернется без обеих ног и даже без обеих рук, я все равно буду счастлива. Я буду кормить его с ложки, буду одевать его, буду причесывать его волосы... Если бы он только вернулся!

— Уйди! — сквозь зубы произнес Панов. — Уйди от меня...

Настя ушла, и ее несколько не мучила совесть. Не было никакого раскаяния, потому что она сказала только правду, а это было лучше и для Сергея, и для нее.

* * *

Панов позвонил ей дня через три. К удивлению Насти голос его звучал бодро и даже весело.

— Ты знаешь, Коноплева, после нашего разговора я себя человеком почувствовал, — заявил он. — Да, да, ты не удивляйся. Ты же со мной без всякой жалости толковала, без всякой скидки. Я вроде и про инвалидность свою позабыл. Человек — и баста! Верно?

— Само собой разумеется.

— Разумелось, да не для всех... В общем, так, — голос Панова посерьезнел. — То, что сказано мной, остается в силе. Это ты заруби на своем носу. Но навязываться я больше не буду. Слово летчика. Ты мне только скажи, на твою помощь рассчитывать можно? В смысле института?

— Да я и сама не сильна в математике.

— Ничего, для меня твоих знаний хватит.

— Ну, если понадобится, пожалуйста, — согласилась девушка.

Панов помолчал, потом у него вырвался короткий хриплый смешок.

— Слушай, Настя, а в «Метрополь» ты зря не пошла.

Причина, правда, была очень серьезная. Может, раз в жизни такая причина бывает.

— Опять к тому же самому возвращаешься!

— Нет, нет! — вновь хохотнул он. — Понимаешь, звезду я с тобой сполоснуть хотел. Чтобы не потерялась и не варжавела.

— Какую звезду? Ты ведь в отставке.

— Героя мне вручили. Я тогда только что из Кремля вышел и тебе позвонил. Указ-то еще осенью был, а вручили теперь. У Калинина и без меня забот много.

— Что же ты мне сразу-то не сказал?!

— А если бы сказал, разве пошла бы?

— Н-не знаю, — заколебалась Настя. — Случай действительно такой... Нет, все равно, не место мне там!

— Я так и думал. Я ж тебя знаю немножко, дорогая ты Коноплева!

— Ладно, Сергей! У тебя найдется с кем звезду обмы-вать. А я поздравляю тебя. Слышишь, Сережа, от души поздравляю и радуюсь вместе с тобой!

— Да, слышу. Спасибо! — ответил он и повесил трубку.

4

Славка Булгаков ни разу в жизни не видел море, а попал в моряки.

Месяц проманижили его в Ярославле, во флотском полуэкипаже, таскали по всяким там медицинским и мандатным комиссиям, проверяли биографию, политическую подкованность, а потом выдали форму и отвезли в Москву на курсы.

На курсах был такой строгий порядок, что уволиться в город — целое событие. Обидно ведь жить в столице, слышать звонки трамваев за высоким забором, видеть из окна, как ходят по улице девушки, — и при всем том сидеть, словно на привязи.

Вообще служба давалась ему легко. Городским интеллигентным ребятам, отощавшим за время войны, трудно было привыкнуть к физическому напряжению, к нарядам в кочегарку, к марш-броскам, к разгрузке угля и прочим веселым прелестям. Эти ребята легче усваивали радиотехнику и теоретические дисциплины, мучавшие парней, приехавших из деревень. А Славка был в середине. Физичес-

кая закалка у него дай бог, хоть с виду и тощий. Вырос в учительской семье, и на школьной парте не зря штаны протирап, долбил физику с химией.

К тому же и некоторые навыки службы познал он от отца в Осоавиахиме и в истребительном батальоне. Он твердо усвоил, что самое главное — это дисциплина. Зажми свое самолюбие и подчиняйся. Даже если не уважаешь своего командира. А что поделаешь, без дисциплины всяк будет тянуть в свою сторону, и любые вооруженные силы развалятся.

Приглядевшись, Славка уяснил и некоторые тонкости, облегчавшие службу. От начальства держись подальше, вперед не высывайся, не попадайся на глаза. А уж если попался и получил к примеру приказ выдрать пол в нужнике, который по-флотски именуется гальюном, то сделай это в лучшем виде. Самому выгодней. Не придется переделывать заново, да и командир после нескольких таких случаев поймет, что ты человек надежный.

На фронт Славка не рвался. Святая месть за отца и за Игоря — это, конечно, правильно. Да вот только в семье у них остались теперь три женщины и двое детишек, а он — последний мужчина. И он был рад, что попал на учебу. Война заметно пошла под уклон, пока он прокантуется месяцев десять на курсах, многое может измениться.

Кроме всего прочего, Славке очень понравилась флотская форма. Для таких длинноногих и высоких, как он, морская одежда самая подходящая. Славка договорился с портным, который работал на офицеров, и тот подогнал ему по фигуре шинель, фланелевую рубаху и брюки, взяв за это немецкую зажигалку и две пачки махорки.

Тяготило Славку только одно: сидел, как монах в келье. Просто обидно. Сколько в городе девчат, сколько женщин, которые тоскуют от одиночества. А здесь молодые ребята томятся без всякой пользы.

Первые уволили его в город, когда приехал Порошин. Генерал сам позвонил начальнику курсов, попросил отпустить Булгакова. А поскольку Москвы он не знал и мог попасть в комендатуру, дежурный офицер распорядился доставить его на грузовике и предупредил, что утром грузовик снова заедет за ним.

В квартире, не сняв шинели, Славка представился генералу по всей форме: краснофлотец Булгаков прибыл в ваше распоряжение!

Прохор Севостьянович хлопнул Славку по плечу, сказал ласково:

— Раздевайся. Игорь говорил про тебя. Братишка, мол, подрастает. Ничего себе, братишка, меня обогнал...

— Правда, — кивнула Настя, не сводя с него глаз. — Просто удивительно, какой ты длинный. Игорь тоже хуленький был до десятого класса. Но коренастый. А лицо... — Она умолкла, взяла его шинель, пояс с медной бляхой, потрогала пальцами полосатый воротник. — Славка-то, Славка-то наш... — И вдруг, всхлипнув, выбежала в прихожую.

Всем сделалось как-то неловко. Славка полез за махоркой. А Порошин прикрыл дверь и сказал:

— Не рано ли куришь, служивый?!

— Нет, — серьезно ответил Славка. — Не рано.

— Тогда «Казбек» вон возьми! Есть у меня думка в Одуев съездить. Вот ты и расскажи, как лучше туда добраться, где остановиться и где разыскать лесничего Брагина.

* * *

В управление кадров генерал-майора Порошина вызвали только 15 марта.

— Ну, отдохнули? — встретил его улыбкой генерал-полковник. — Можно за дело?

— Вполне.

— Тогда поздравляю. Поедете на корпус к Рокоссовскому. Он ждет вас. Довольны?

— Разумеется. Спасибо.

— Вопросы, просьбы будут? — спросил начальник.

— Да. Можно ли взять с собой несколько человек, с которыми воюю с сорок первого? Не больше десяти.

— Мы не одобряем таких перебросок, — поморщился генерал-полковник. — Слишком много хвостов. Люди везде одинаковые. Простые советские люди.

— Мне нужно десять человек, — повторил Порошин. — Восемь офицеров и двое сержантов.

— Согласен. Оформляйте. Еще что?

— Прошу разрешения задержаться на трое суток. Нужно заехать в Тульскую область, узнать о судьбе полковника Ермакова. Вы, вероятно, помните его...

— Ермаков? — сдвинул брови начальник. — Артиллерист Ермаков? На дивизию его бросили! Помню... Можете ехать, это проще. — Помолчал и добавил неофициально: — У Рокоссовского пока тихо, пока никакой горячки. Но кадры мы туда переводим. Не вас одного...

— Да, там опасный выступ в Белоруссии. Опасный и выгодный.

— Вот именно, — засмеялся начальник, прощаясь с Порошиным. И, когда тот был уже у двери, сказал вслед: — Послушай, Прохор Севостьянович, вы же с Ватутиным еще в генштабе служили... Умер ведь он.

Порошин повернулся к столу.

— Николай Федорович?!

— Что ж поделаешь, — развел руками начальник. — Не выдержал операции. Мне ночью прямо домой позвонили. Да вот газету возьми, посмотри.

Порошин чуть не столкнулся в дверях с каким-то другим генералом, входившим в приемную, прошел мимо дежурного, не ответив на приветствие: перед глазами прыгали черные буквы, с трудом укладываясь в длинные строчки.

«Совет Народных Комиссаров СССР, Народный Комиссариат Обороны СССР и Центральный Комитет ВКП(б) с глубоким прискорбием извещают... верный сын большевистской партии и один из лучших руководителей Красной Армии... В лице товарища Ватутина Государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны...»

Прохор Севостьянович силен был вспомнить, о чем они говорили последний раз.

Ну да, это было в штабе армии, перед самым отъездом, когда садились в машины. Ватутин рассказывал о командире полка, который, потеряв свою артиллерию, собрал двенадцать немецких пушек и сформировал дивизион. Так и наступал с этим дивизионом, благо трофейных снарядов с избытком. Потом он сказал, что в Киеве ждут хорошие новости. А в это время бандеровцы уже сидели в засаде, ожидая, когда появится машина командующего фронтом...

Не стало старшего умного друга, и не с кем теперь будет посоветоваться в случае острой необходимости, открыть надежды и сомнения. Николаю Федоровичу можно было выкладывать все: получишь дельный совет и не раскрасишься в откровенности. Вот почему искали люди возможность

служить с ним, зная его исключительную порядочность...

Через день после того как Прохор Севостьянович уехал из столицы, над шумной, по весеннему помолодевшей Москвой раскатились двадцать четыре артиллерийских залпа. «Вы не знаете, какой город освободили?» — радостно спрашивали люди на улицах. И, получив ответ, умолкали.

В эти минуты в Киеве, на высоком берегу Днепра, опускали в могилу тело генерала Ватутина, и Родина отдавала ему печальный салют.

Николай Федорович Ватутин был первым советским полководцем, который удостоился таких почестей.

5

Возле реки, на откосе, с тихой настойчивой радостью журчали невидимые ручейки. Они пробивали себе путь под серыми поздраватыми сугробами, похожими на груды крупной соли. Скатываясь на голый стеклянный лед, ручейки тревожили своим течением голубые лужи; в мелких, едва заметных волнах весело покачивалось и дробилось отраженное солнце.

Сырой, возбуждающий запах талого снега пьянил, как вино, вызывал в памяти неясные, но приятные воспоминания. В детстве Прохор Севостьянович очень любил весну, ждал с нетерпением, когда же ослабнет стужа, зазвонит первая капель?! Но вот уже многие годы он как-то не испытывал радости, не замечал пробуждения природы. Вернее сказать, воспринимал весну с чисто профессиональной точки зрения: как период распутицы, со всеми вытекающими для войск последствиями.

Может, размягчил его этот сверкающий искрометный день — светозар, может, подействовало соседство женщины, такой красивой, что смотреть на нее можно было только украдкой, чтобы не выдать своего восхищения, во всяком случае Прохор Севостьянович как-то ошалел, позабыл и про возраст, и про солидность. Увидел на проталине желтые огоньки, да и полез на крутизну по мокрой глине. Ноги в лакированных сапогах разъезжались, длинная шинель волочилась по земле: он карабкался почти на четвереньках, цепляясь за вялую прошлогоднюю траву.

— Оставьте! Не нужно! — смеялась за спиной Ольга, и этот смех словно подстегивал его: «Не отступлю, доберусь!»

Он нарвал целый пучок подснежников, таких необычных после долгой зимы, осторожно держал в руке безлистные хрупкие стебельки. С поклоном вручил букетик женщине. А маленький Николка посметрел обидчиво из-под мохнатой шапки, дернул Порошина за шинель. Тот нагнулся, взял малыша на руки.

— Ты что, тоже цветов хочешь? Нет, брат, мы с тобой мужчины, нам не положено. Понял?

Николка подумал, вытирая губы, а потом сказал строго, как говорила бабушка:

— Понял. Не тобой положено, не тобой возьмется.

— Молодец, солдат! — со смехом подбросил его Порошин.

— Надоел ты, наверно, дяде-то, — сказала Ольга, протянув руку. — Иди ко мне, что ли!

— Не надоел, — решительно сказал Николка и уцепился за воротник шинели. Он вообще как-то сразу, с первых минут привязался к Порошину. Дома все время вертелся вокруг него, показывал свои игрушки да книжки, приоткрыв рот, слушал «про войну и про фашистов», а едва Прохор Севостьянович замолкал, просил рассказать еще.

Порошину интересно было возиться с маленьким человеком: все в нем такое миниатюрное, хрупкое, а соображает прямо как настоящий... Кроме того, Николка спасал его от долгих тяжелых разговоров. В первый же вечер Порошин рассказал Антонине Николаевне, Ольге и Марфе Ивановне то, что ему было известно об Игоре. В подробности вдаваться не стал. Объяснил, что старший лейтенант Булгаков выполнил важное задание и погиб как герой. Антонина Николаевна замучила его вопросами: где это случилось, кто там был, как разыскать могилу? Ольга молчала. А Марфа Ивановна спросила тихо:

— Похоронили-то по-хорошему, с гробом?

— Да, с гробом, — твердо сказал Прохор Севостьянович, и ему, наверно, поверили.

Антонина Николаевна готова была расспрашивать его снова и снова, но он больше не хотел возвращаться к этому. Он спешил закончить то дело, ради которого приехал в Одуев, — навести справки о Степане Степановиче. Побы-

вал в лесничестве, где работала фельдшером жена Брагина, взял у нее адрес Егора Дорофеевича — послать запрос.

Пора было отправляться к новому месту службы, но Порошин задержался еще на сутки: жаль было прощаться с весной, с журчанием ручьев, с тихим маленьким городком...

...Домой они возвращались по главной улице. Шли не спеша, обходя лужи: высокая гибкая женщина в пестром платочке, в драповом пальто, из которого выросла, которое обтягивало ее фигуру, а рядом — осанистый генерал в кучерявой серой папаче, с ребенком на руках. Голубоватая шинель потемнела на груди от мокрых Николкиных ботишков, но Прохор Севостьянович только покосился: высохнет — ототрется.

— Занятная картинка, — усмехнулась Ольга.

— Ничего особенного, — сразу понял ее Порошин. — Вы что думаете, если у генералов появляются дети, то их обязательно носят адъютанты?

— Меня, во всяком случае, папа носил сам. А сейчас мне просто хочется доставить удовольствие любопытным.

— И прежде всего — себе самой. Вы умеете быть мстительной.

— Немножко, — согласилась она. — Но если вам трудно...

— Нет. Тем более что мальчик спит, не нужно тревожить его. Однако — увы! — улица почти пуста, зрителей нет.

— Это так кажется. На нас смотрит каждая занавеска. Теперь на три дня пересудов хватит. Все косточки мой перемоют.

— Вам это очень неприятно?

— Наоборот, я довольна. Пусть удивляются и завидуют.

— В таком случае давайте идти медленно, с подобающим случаем торжеством. И возьмите меня под руку.

Ольга посмотрела на него, дрогнули ее губы: хотела сказать что-то, но промолчала. Когда свернули в переулок, она чуть обогнала Порошина, повернулась к нему, ловко сняла с его рук ребенка и спросила скороговоркой, невнятно:

— Вы верите, что мой отец?.. Ведь потом многих выпустили!..

— Мне понятны ваши чувства. Но почему я не должен верить?

— Спасибо за откровенность, — голос ее прозвучал устало. Она отвернулась, прижимая к себе Николку.

— Почему вас интересует именно мое мнение? — спросил Порошин.

— Мне надо вырваться отсюда. Я не хочу, чтобы через несколько лет на сына показывали пальцем, как на меня.

— Его отец — фронтовик!

— Оставьте, — рассердилась Ольга. — Вы что, не знаете, как это бывает, особенно в провинции?! А я ведь могу быть санитаркой, машинисткой, прачкой, кем угодно. Даже переводчицей. Но на столь высокое доверие я не рассчитываю.

— Между прочим, еще до войны Степан Степанович говорил со мной о Викторе, о вашем брате. Вы знаете это?

— Нет, — насторожилась Ольга.

— Ваша мать хотела, чтобы он поступил в училище. Я не стал вмешиваться в это дело. Я вообще против протекций, а при таких обстоятельствах — тем более.

— Спасибо. Я все поняла.

— Нет, вы не поняли. Я всегда считал и считаю, что настоящий мужчина пробьет себе путь сквозь любые преграды. А слезняк, тряпка, безвольное существо пусть сидит там, куда посадит его жизнь.

— Зачем вы рассказываете мне все это? — пожала плечами Ольга. — Любуется собой: ах, какой я честный, режу правду прямо в глаза! По крайней мере, могли бы не вспоминать о Вите. Я не знала, что мама прошла и через унижение быть просительницей...

— Все матери считают своим долгом опекать сыновей и унижения в этом не видят, — возразил Прохор Севостьянович. — А с Виктором я поступил правильно, жизнь подтверждает это.

— Оставим разговор, — вяло произнесла Ольга. — Дом близко.

— Нет, почему же, — замедлил шаги Порошин. — Должен признаться: с вами гораздо труднее.

— Трудней отказать?

— Нет, решиться. Вы можете стать переводчицей. Буквально через месяц: в армии нужны люди, владеющие

языками. Но здесь, в этом городке, вы наверняка останетесь живой и здоровой, а на фронте калечат и убивают. Я не могу подставить вас под удар. Тем более теперь, после смерти Игоря.

— Только это?! — воскликнула она.

— Тише, Николка спит...

— Он не просыпается от знакомых голосов.

— Ваша жизнь, это и его жизнь.

— Прохор Севостьянович, дорогой! — в голосе Ольги звучала мольба. — Прошу вас! Ради всего святого, что у вас есть! Николка останется в надежных руках. И ведь это не надолго! Ну, год, два...

— Я подумаю, — строго сказал Порошин, глядя на мальчика. Смотрел с грустью и так пристально, что ребенок зашевелился и открыл глаза, Ольгины глаза, только еще маленькие, блестящие, удивленные.

Николка поморгал, потянулся и сказал хриплым сонным голосом:

— Дядя Прош, на войну поедем?

— Да вы что, с ума, что ли, все посходили? — засмеялся Прохор Севостьянович. — Дома вам не сидится!

— Скучно дома, — ответил Николка. — Только мама, и бабушка, и Людмила. Давай будем или фашистов стрелять или снегирей ловить. Ладно?

— Ох и воинственное племя эти Дьяконские! — проворчал несердито Порошин, осторожно сжимая в своей руке хрупкую руку ребенка.

* * *

После чая Марфа Ивановна, покряхтивая, внесла в столовую патефон. Порошин подхватил, поставил на стол.

— Зачем это, мама? — удивилась Антонина Николаевна.

— Чего ж сумерничать? Пусть покрутят, а то уж заржавел, поди.

Антонина Николаевна любила раньше потанцевать и пластинок хороших собрала много. Только не повезло ей: муж едва топтался под музыку, а у старшего сына было какое-то отвращение к танцам.

Она смутилась, когда генерал пригласил ее на танго. Но встала и пошла с ним, с первыми же шагами ощутив уверенность: Прохор Севостьянович танцевал хорошо, водил ее легко и спокойно.

— Ну, вот и слава богу, — тихо сказала Марфа Ивановна, притулившись возле печки.

Потом Антонина Николаевна отправилась укладывать детей, а Порошин пригласил Ольгу. Затишная бабка видела, как обрадовалась молодая женщина, как внимательно смотрел на нее Прохор Севостьянович.

Бабка встала и бочком вышла за дверь.

Пластинка кончилась, но Ольга не остановилась. Чуть слышно напевала она песню. Слова были незнакомы Порошину, но мотив он слышал где-то.

После тревог спит городок,
Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок...

Волосы Ольги чуть заметно пахли геранью, Прохор Севостьянович с трудом сдерживал желание закрыть глаза и окунуться лицом в этот странный и теплый запах. И еще он старался не смотреть вниз, на смуглую ложбинку в вырезах платья: иногда Ольга касалась его грудью, даже не замечая этого, а ему становилось так жарко, что сразу влажнел лоб.

В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоем,
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чем...

Да, да, ему непременно нужно сказать что-то! Утром он уедет, ему нужно ехать. Но этот солнечный день и эта женщина — они останутся ярким пятном в веренице будней.

— Оля! — позвала из кухни Марфа Ивановна. — Может, за водой сходишь?

— Я схожу, — ответил Порошин.

— Ну вас! — засмеялась Ольга. — Еще ведро утопите.

— Вы командуйте, я только помогать буду.

После теплой комнаты ночной воздух показался морозным и колким. Кособокая яркая луна, подвешенная в темном небе, была перечеркнута резкими штрихами голых ветвей.

Ольга, щелкнув собачкой, подцепила за дужку ведро. Заскользила веревка. Далеко внизу раздался шлепок.

— Тяните, — сказала женщина. Они стояли рядом,

склонившись над срубом, и Прохор Севостьянович снова уловил тонкий запах герани.

Ему очень не хотелось возвращаться сейчас домой. Пойти бы в поле, в лес, где лежат на твердом припорошенном насте синие тени деревьев. Или хотя бы постоять на крыльце, посмотреть на осыпанные инеем березы, на сверкающие в лунном свете сосульки, нависшие под карнизом.

— Прохор Севостьянович, у вас какая-то неприятность? — спросила вдруг Ольга.

— Неприятность? — удивился он. — Разве заметно?

— Вы очень задумываетесь иногда. Тяжело задумываетесь, будто ищете, что вас тревожит.

— Да, пожалуй, — согласился Порошин. — Пожалуй, я еще не вошел в ритм... Вы ведь знаете о смерти генерала Ватутина...

— Он был вашим другом?

— Старшим товарищем, наставником, примером. Надеждой, если хотите.

— Надеждой — в смысле войны? — переспросила она.

— Да. Страшно, когда уходят такие, как он. Кто займет их посты?!

— Вы, — спокойно сказала Ольга. — И ваши товарищи. Я уверена, что у вас получится...

— Спасибо, — усмехнулся он, в глубине души польщенный ее словами. — Постараюсь оправдать ваше доверие.

— Я не шучу, Прохор Севостьянович. Вы образованный человек и, кажется, довольно гуманный... Интересно, — перебила она себя. — Вы хорошо знали Ватутину? Ну, не с казенной, не с официальной, а просто с человеческой стороны?

— Нет. Пожалуй, не очень. Мы встречались только по службе. Впрочем, трудно найти границу. Вот, знаете, последний раз кто-то поздравил его с удачей. Большой начальник поздравил, из Москвы приехал. А Ватутину даже спасибо не сказал. Засмеялся и по-суворовски: «Да что это такое! Раз удача, два удача — помилуй бог, надобно, наконец, и умение...» И еще сказал, что удача может быть там, где ошибается враг. А у нас противник аккуратный, расчетливый, взвешивает и учитывает все. Этого противника просто так не возьмешь. Тут желания и решительности мало, тут нужно точно взвесить все факторы... Впрочем,

как человека это его не характеризует, — спохватился Порошин. — Как человек, он любил землянику. С сахаром и с молоком...

— Нет, его характеризует как раз то, о чем вы говорили, — возразила Ольга. — Я узнаю в нем очень знакомое... Скажите еще что-нибудь.

— Просто не знаю, не угадаешь с вами, — улыбнулся Прохор Севостьянович. — Вот в книжечке у меня слова его записаны. Прямо как цитата... «Руководство войсками — это одновременно наука и искусство. В каждой операции необходимо сочетать самый точный расчет со смелым творчеством. Тогда — победишь!»

— Ему поставят памятник?

— Я надеюсь.

— Прохор Севостьянович, предложите, чтобы эти слова были выбиты на пьедестале.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо, Оля!

Взялся руками за воротник ее пальто, повернул к себе и поцеловал гладкую холодную щеку.

6

В эту весну на Черноморском побережье только и разговоров было, что о Крыме и Севастополе. Еще шли бои на Перекопе и возле Ялты, а рыбаки уже собирались на промысел к мелководью Керченского пролива, флотские тылы, учреждения и мелкие гарнизоны, раскиданные до самой турецкой границы, постепенно свертывали свое имущество, готовясь к возвращению в главную базу.

Моряки, лечившиеся по госпиталям, срывались с коек при первой возможности, в больничных халатах добирались до причалов, искали оказию в Крым. А оттуда приходили быстроходные катера, приходили тральщики, везли искалеченных в боях солдат и матросов. Доставили в Адлер группу раненых партизан, провоевавших в крымских горах по году и больше. И к каждому из них подсаживалась потом в госпитале высокая чернобровая медсестра, расспрашивала пристрастно, а не было ли среди партизан капитан-лейтенанта Горбушина, не слышал ли дорогой товарищ такой фамилии?..

Она давно уже не выходила на берег, почти с самой осени. Однако в апреле опять начала появляться возле при-

чала; через сутки, в свободное от дежурства время. Приносила на руках смуглую большеглазую девочку, в пышным бантом в волосах. Ножки у нее были полные, крепенькие, но идти по крупной гальке она еще не могла, падала. Зато по деревянному причалу поровила припущиться бегом. Знакомый пожилой матрос, поправляя повязку дежурного, неодобрительно косился на женщину:

— Следи, следи за ней! Ну, как в воду-то свалится!

Садился на теплые доски, спустив ноги в выгоревших поряжевших брюках, звал ласково:

— Эй, Светлана Матвеевна, иди ко мне, я сказку знаю.

Но девочка смотрела на него отчужденно, прижималась к полной, крепкой ноге матери.

— Не трогай ее, — смеялась женщина. — Не уважает она вашего брата — мужчину.

— Как она может уважать или не уважать? — степенно рассуждал матрос. — Мала она для такого слова. А дикарка потому, что родителя своего не спознала. И о щетину его ни разу не укололась, какой это порядок! Ты спрос-то давала о нем?

— Молчат пока.

— Ну, жди, авось и объявится. Сейчас не угадаешь, кого куда раскидало. Только на кой ляд его в эту дыру занесет? Корабли сюда раз в неделю заходят, да и то мелкие. Погоди, Севастополь возьмем, все пути-дороги там скрестятся.

Женщина наморщила лоб, сказала полувопросительно:

— Вот и мы с дочкой туда же...

— Не спеши, голо там по первости.

— Перебьемся. Светланка летом на свои ноги станет. Ест она теперь все, что бог пошлет. Хлеба в пайке дадут, а рыбы на уху сами добудем.

7

Головную походную заставу вел старший лейтенант Дьяконский. С утра его рота продвинулась на пятнадцать километров. Могла бы и больше, но мешала весенняя грязь. А Виктор не торопил бойцов, так как колонны полка, следовавшие за ГПЗ, были отягощены техникой и шли еще медленней.

Противник отступал, оставляя для прикрытия лишь

мелкие подразделения, которые без труда сбивала разведка. Серьезных боев не было вот уже несколько дней, и это служило верным признаком того, что впереди у фашистов есть линия заранее подготовленной обороны, за которой они спешат укрыть свои части.

С самого утра на западе низко над горизонтом висели темные, словно грозовые, тучи. Они постепенно поднимались выше, но почти не меняли своих очертаний. Сначала Виктор не обратил на них внимания. И только в полдень, сверяя по карте дорогу, сообразил — это же горы! Он не распознал их сразу потому, что всю войну провел на равнинах, в степях...

Дьяконский ничего не сказал бойцам. Велел сделать часовой привал, взводным командирам проследить, чтобы все побрились, почистились и подшили свежие подворотнички. Старший сержант Гафиуллин спросил:

— Начальство едет?

— Выполняй приказание! — усмехнулся в ответ Виктор.

Через час он выстроил роту на невысоком холме за селом, на краю дороги. Чтобы хоть как-то подчеркнуть торжественность момента, вышел к солдатам без шинели, в новой гимнастерке, к которой только что пришил самодельные зеленые погоны с полосой, прочерченной карандашом.

Помолчал, немного волнуясь и не зная, с чего начать. Взялся не за свое дело: завтра, а может, еще и сегодня, приедут политработники, в батальоне наверняка состоится митинг, собрание. У строевого офицера другие задачи, но разве можно сейчас не сказать хоть несколько слов людям, с которыми воевал, с которыми дошел сюда!

— Товарищи, — вытянул он руку. — Смотрите, вот там словно тучи клубятся! Это не тучи, это Карпаты, товарищи! Там — Румыния. Мы с вами вышли на государственную границу! Отсюда, с этих мест, война начиналась. И мы опять здесь!

Он оглядел лица солдат. Казалось, эти обрадованные, немного удивленные люди ждут от командира еще каких-то слов или объяснений. Но Виктор не знал, что еще говорить. Он просто подошел к шеренге и пожал руку каждому из своих пятидесяти семи бойцов, и каждому сказал только одно слово: «Поздравляю».

А потом повернул строй и повел роту дальше, по обочине дороги, мимо застрявших в грязи немецких автома-

шин, мимо раздувшихся лошадиных трупов, мимо бомбовых воронок, наполненных голубоватой весенней водой.

На марше роту догнал мотоциклист. Связной из штаба полка протянул Дьяконскому короткий приказ: в 18.00 явиться к командиру полка. Попросил расписаться.

Дьяконский поинтересовался, в чем дело? Связной молча пожал плечами, поправил свой кожаный шлем.

Виктор не любил таких неожиданных вызовов, ему всегда чудилась за ними какая-нибудь неприятность. Уж во всяком случае о командирских совещаниях или о вручении наград объявляют заранее.

В приказе были названы еще три фамилии, все знакомые Виктору: двое политработников и один комбат. Все из разных подразделений, с разных должностей. Странно, зачем понадобилось собирать их вместе!

* * *

Командир полка, очень моложавый майор, известный в дивизии своей решительностью, остановился на обед в крестьянской хате. За стол сели вдвоем: он сам и тучный подполковник-кадровик, приехавший из штаба армии. По возрасту кадровик был немного старше майора, но так растолстел и обрюзг на тыловой спокойной работе, что дать ему можно было лет сорок, а то и больше. Левый глаз подполковника был закрыт черной повязкой, это придавало ему мрачноватый и даже отталкивающий вид.

Подполковник приехал, чтобы на месте познакомиться и отобрать кандидатов на должность городских и районных комендантов и их помощников. Впереди были чужие страны, наступление предполагалось большое. В войсках искали грамотных офицеров, владеющих языками или со средним образованием.

Отобедав, кадровик долго изучал личное дело Дьяконского. Потом вздохнул и отложил в сторону.

— М-да... Хорошая кандидатура. Но не пройдет.

— Безупречный офицер, — прищурившись, отрекомендовал майор. — Инициативец, опытен... Вы аттестации посмотрите.

— Все равно не пройдет, — повторил кадровик. — Да вы-то что его так расхваливаете, если он больно хорош? Для себя бы поберегли...

— А он куда не стремится, — махнул рукой майор. —

Его уже два раза в верх брать хотели. То в штаб корпуса, то в оперативный отдел...

— А в комендатурах работа не менее ответственная, чем в штабах. Сорвется человек на каком-нибудь пустяке, недосмотрит, — скверно получится. Нет уж, пусть он лучше в строю остается.

— Поближе к смерти, — проницески усмехнулся майор. — Между прочим, у Дьяконского столько боев, что и сосчитать трудно. Формально все правильно. Только вот в штаб вы его не берете, в комендатуру тоже. Вы думаете, он этого не чувствует?

— А вы на батальон его ставьте, — посоветовал кадровик. — У батальонного командира забот столько, что для своих переживаний времени не найдется...

На том и сошлись в конце послеобеденной деловой беседы майор и подполковник. Когда Дьяконский прибыл в штаб, приказ о его новом назначении уже был подписан.

Одного капитана и двух старших лейтенантов кадровик увез с собой в штаб армии. Дьяконский в тот же вечер возвратился на передовую, принимать батальон.

Виктор был доволен новой должностью и знал, что справится с ней не хуже тех многочисленных комбатов, с которыми довелось послужить и повоевать. Но если говорить по совести, он не ожидал такого доверия и теперь даже гордился собой! Черт возьми, не каждому офицеру в двадцать три года поручают командовать таким крупным подразделением!

8

«Войну выиграть невозможно. Остается либо почетный мир, либо поражение». Такой вывод сделал для себя генерал-полковник Гудериан весной 1944 года. Русские сложили то шаткое равновесие, которое сложилось до Курской битвы, и теперь чем дальше, тем сильнее проявлялось их преимущество буквально во всем.

Обе стороны истощили людские резервы, вычистили под метелку тылы. Германия начала призывать в армию стариков и шестнадцатилетних юношей. А русские освободили десятки областей, где сохранилось значительное количество мужчин военно-активного возраста: особенно в за-

надных районах Украины, не тронутых мобилизацией в первые дни войны.

Кроме того, русские пополняли свои войска за счет партизанских отрядов, а также за счет военнопленных, освобожденных из лагерей. Русские не спешили вводить в бой призванную осенью молодежь 26-го года рождения. Молодые солдаты обучались где-то в глубине страны, пополняли технические части. А их ровесники — солдаты фюрера — уже гибли в белорусских болотах и на подступах к Карпатским горам.

При наступлении немецкие потери были сравнительно невелики. Только убитые и тяжелораненые. А теперь, при отходе, войска не успевали вывозить раненых, многие солдаты попадали в плен, и это тоже сказывалось весьма ощутимо.

Гибла безвозвратно техника, подбитая на поле боя, доставались противнику пушки, танки, машины, завязшие в грязи или оказавшиеся без горючего. А у русских сейчас не было этих побочных потерь, которых, в общей сложности, получается больше, чем непосредственно при боевых действиях.

Немецкие войска вынуждены были оставить богатейшие промышленные и сельскохозяйственные районы, очистить почти всю Украину. Собственно говоря, на территории Советского Союза немецкие армии удерживали только Белоруссию и часть территории прибалтийских республик. Гудериан не сомневался, что русские скоро освободят и эти земли. А там — Восточная Пруссия, там — дорога к центральным районам Германии.

Да, война зашла в тупик! Не осталось никаких шансов разбить русских, а ведь в схватку еще не вступили их союзники, американцы и англичане.

Обстановка была скверной, однако это еще не означало, что Германия потерпела поражение: во всяком случае Гейнц Гудериан так не думал. Можно еще затянуть войну на несколько лет, измотать русских жесткой обороной на дальних подступах к рейху. А за это время многое может перемениться. Третья империя окрепнет экономически, усилит свою армию.

Кроме того, имелась еще одна надежда избежать поражения: дипломатия. С русскими, конечно, не договоришься, это исключено. А западные державы заинтересованы в том, чтобы сохранить в центре Европы сильную Герма-

нию, как барьер на пути распространения коммунизма. Западные державы прощали Гитлеру многое. Они могут простить и еще раз, получив взамен надежные гарантии. Но гораздо охотней они вступят в переговоры не с Гитлером, а с кем-либо из его преемников. Поэтому фюрера и ближайших его помощников следует отстранить от власти, передав ее в руки военных, — так заявил Гудериану давнишний знакомый доктор Герделер. Никакого террора, никакой революции — Гитлер тихо сойдет со сцены. Участники заговора — авторитетные, солидные люди, они ориентируются на Запад и не допустят беспорядков.

Доктор Герделер назвал видных военачальников и среди них — фельдмаршала фон Клюге. Услышав эту фамилию, Гудериан даже губу прикусил. Фельдмаршал рассчетлив, медлителен и осторожен. Он пользуется авторитетом в войсках. Если уж он решился, то за ним могут последовать многие генералы.

Сразу после беседы с Герделером, Гудериан вызвал машину и попросил Маргариту съездить с ним за город. Пока жена одевалась и собирала в корзину закуску, подошел большой штабной «мерседес».

В машину они сели порознь. Жена — рядом с шофером, а Гейнц — в салоне, задернув занавеску. Маргарита сама выберет место, где остановиться. А он должен еще раз взвесить все «за» и «против».

Итак, победить в этой войне немцы не смогут. Русские выходят к границам рейха. Остается либо разгром, либо почетный мир. Но мир без Гитлера для Гудериана опасен. Ведь он не просто заурядный генерал Третьей империи. Он создал для фюрера бронетанковые войска, он был одной из опор Гитлера в армии. Он будет нести ответственность вместе с фюрером. Не за то, конечно, что вывез серебро из собора в Смоленске, это — мелочи. Его могут судить за подготовку войны, которая унесла миллионы жизней. Он связан с фюрером слишком долго и слишком крепко для того, чтобы безболезненно выбрать новый путь.

Примкнуть к заговорщикам? Но если заговор раскроют? Тогда — гестапо! — у Гейнца похолодели ладони. — Даже если заговор удастся, еще неизвестно, выиграет ли от этого лично он!

Значит, надо нарушить слово, данное Герделеру, и заявить о заговоре, не то в случае провала его могут привлечь к ответственности за сокрытие. А какова выгода? Фюрер

после сдачи в плен Паулюса заявил, что до конца войны никому больше не присвоит звание фельдмаршала. Это отпадает. Но есть еще такие посты, на которых можно обессмертить себя. Высшая честь, высшая мечта каждого немецкого генерала занять кресло начальника первого в мире германского Генерального штаба, этого центра военной мысли, в кабинетах которого разрабатывались самые важные стратегические замыслы, самые тайные планы.

На стороне заговорщиков — фельдмаршал фон Клюге. Он знает о заговоре, и этого достаточно. Погубить своего старого врага и соперника, добиться должности начальника Генерального штаба — вот цель! Для этого стоит лишь сказать кому нужно несколько слов. Но не оставлять записей, никаких документов, чтобы впоследствии никто не мог предъявить ему никаких улик.

Раньше он не советовался по служебным делам с Маргаритой. Но сейчас дело касалось не только его службы, но и будущего всей их семьи. К тому же во всем этом мире, полном зависти, предательства и злобы, она была единственным человеком, с которым он мог говорить откровенно.

Они шли по краю дубового леса. Старые деревья стояли ровными рядами, как солдаты в строю, и это успокаивающее действовало на Гудериана. Шофер со складными стульями и с корзинкой провизии держался в почтительном отдалении.

Гейнц выбрал место на берегу ручья, открытое со всех сторон, велел шоферу оставить ношу и вернуться к машине. Маргарита расстелила на траве скатерть, нарвала букетик цветов и поставила его в серебряную вазочку посреди скатерти.

— Слушай меня внимательно, — сказал жене Гудериан. — Сядь, слушай и отвечай не торопясь. Мы должны принять решение, может быть, самое важное в нашей жизни со дня свадьбы.

— Я слушаю, дорогой, — белые, со вздувшимися венками кисти рук ее спокойно лежали на коленях. Почти неувимым движением она повернула кольцо на пальце внутрь камнем, чтобы блеск его не мешал Гейнцу сосредоточиться.

— Есть люди, которые хотят отстранить от власти фюрера...

— Это невозможно! — испугалась она.

— Но если это произойдет?

— Будет плохо! Будет очень плохо, мой дорогой!

— Объясни мне подробнее.

— Я не знаю, как объяснить, — беспомощно взмахнула она руками. — Германия стала такой большой и сильной. Мы разбогатели. И ведь это благодаря ему.

— Разбогатели далеко не все.

— Но у всех есть надежда, — возразила она. — Наш шофер надеется открыть мастерскую где-то в Югославии, ему нравится там климат. Кухарка хочет ехать в Эстонию: ее брату дадут там землю и ферму. Простые люди много страдали, Гейнц, теряли своих родных. Фюрер обещал богатство и счастье всем немцам. И немцы ждут награды за свои лишения и страдания. Все надежды связаны с фюрером.

— И твои тоже?

— Мой дорогой, для новой власти нужна будет новая опора. Мне страшно за тебя и за детей. А я?.. Я везде буду рядом с тобой. Даже на том свете, если это только возможно.

— Хорошо, — сказал Гейнц, резко поднявшись. Заложив руки за спину, он медленно пошел вдоль ручья.

Маргарита, поглядев ему вслед, со вздохом принялась выкладывать из корзины припасы. Но Гудериан вдруг повернулся и быстро подошел к ней.

— Я принял решение, — торжественно произнес он. — Мы остаемся с фюрером. Остаемся до тех пор, пока в этом есть смысл. А сейчас мы возвращаемся.

— Но, Гейнц... — попробовала возразить она.

— Брось все, шофер потом заберет, — сказал генерал и пошел к дороге.

Задержался на краю леса, обернулся к жене: в злой усмешке обнажились его зубы.

— Ну уж из этой проруби он не выплывет!

В голосе Гейнца звучала такая ненависть, что Маргарита вздрогнула.

— Ты о ком?

— Я имею в виду господина фон Клюге, своего старого соратника и доброжелателя, — саркастически пояснил Гудериан.

Больше они не обмолвились ни словом до самого дома. Гудериан прошел в кабинет, не сняв даже плащ. Маргарита последовала за ним и плотно прикрыла дверь.

— Шмундт, это вы? — спокойно и торжественно говорил в телефонную трубку Гудериан. — Мне нужно увидеть вас немедленно. Есть очень важная новость. Из ряда вон выходящая новость.

Он положил трубку. Тонкие бескровные губы его слегка подрагивали. Лицо покрылось испариной. Маргарита открыла сумочку, достала батистовый платочек и молча вытерла им лоб Гейнца.

9

Русские наносили один удар за другим, не давая противнику передохнуть. В январе отбросили немцев от Ленинграда и Новгорода. Весной разгромили десятки вражеских дивизий на Правобережной Украине и вступили на территорию Румынии. В апреле — мае очистили Крым, затем обрушились на войска белофиннов.

Однако высшее германское командование отдавало себе отчет в том, что все эти операции, хотя и крупные сами по себе, носят все же второстепенный характер. Советские войска были способны на большее.

К лету 1944 года Советские Вооруженные Силы достигли такого могущества, какого не достигала еще никогда ни одна армия. Они возросли численно, получили новейшее техническое оснащение. По самым скромным подсчетам степень насыщенности войск танками и артиллерией была в пять раз выше, чем полтора года назад, во время битвы под Сталинградом. Советские солдаты, офицеры и генералы прошли высшую школу войны, тактика их стала гибкой, целесообразной, они в совершенстве владели всеми формами и видами боя.

Оценивая эти факторы, немецкий генералитет ожидал в ближайшее время мощного, решающего наступления русских, которое повлияет на дальнейший ход войны. В том, что подобное наступление будет, немцы не сомневались. Но им требовалось знать, где и когда? Они должны были подготовить жесткую оборону, чтобы парировать удар или хотя бы смягчить его.

Логика подсказывала, что успех летней кампании русские будут искать на юго-западном направлении, южнее Припятских болот, в тех районах, где они далеко продвинулись вперед. Там находилась почти половина воинских

соединений, действовавших на фронте, и все шесть танковых армий, которыми располагало советское командование: а ведь танковые армии были главной ударной силой.

Волей-неволей подчиняясь закону взаимного притяжения, немцы тоже сосредоточили на южном крыле основную массу своих танковых войск, направляли туда резервы. Всецело занятые угрозой южнее Припяти, они упустили из виду другие участки фронта, не учли возросших возможностей Советской Армии, которая, не ослабляя свои войска на Украине, могла теперь подготовить крупнейшую операцию на любом другом участке. И пока фашисты ожидали наступления на юге, операция готовилась в центре, в Белоруссии, против немецкого выступа, выдвинутого к востоку, нависшего над освобожденной Украиной. Начертание линии фронта открывало тут возможности для расчленения и окружения гитлеровских дивизий. А главное — победа здесь выводила советские войска на самые важные направления и рубежи, на прямой путь к столице рейха.

К этому времени руководители США и Англии пришли к выводу, что Германия истекает кровью в борьбе с русскими и что теперь советские войска способны сами, без помощи союзников, разгромить фашистскую империю. Причем, способны сделать это так быстро, что союзники придут слишком поздно: советские солдаты встанут на всех важнейших перекрестках Европы. Затягивать открытие второго фронта больше было нельзя. 6 июня американско-английские войска высадились наконец на территории Франции.

Немцы сочли эту высадку сигналом для русского наступления. Фашисты ожидали удара с часа на час. Но удара не последовало. Советское командование не торопилось. Может быть, впервые с начала войны оно получило возможность подготовить операцию без спешки, планомерно, тщательно продумав и взвесив все варианты. Кроме того, была еще одна причина, имевшая не столько военное, сколько чисто моральное значение: великое наступление приурочивалось к третьей годовщине начала войны.

22, 23, 24 июня в сражении одно за другим вступали соединения 1-го, 2-го и 3-го Белорусских, 1-го Прибалтийского фронтов, части и корабли Днепровской военной флотилии, сотни партизанских отрядов, действовавших в немецком тылу. На семьсот километров протянулась

огненная полоса боев: в этой полосе советское командование бросило в наступление два с половиной миллиона человек, более 45 тысяч орудий и минометов, 6 тысяч танков и 7 тысяч самолетов. Эта могучая волна смыла немецкие укрепления и тяжелой, грохочущей лавиной покатила на запад.

Так началась расплата!

* * *

Вчера в этом лесу были немцы, и наши войска прорывали здесь вражескую оборону. Шквал артиллерийского огня оказался таким сильным, что не уцелело ни одно дерево. Поломаны, расщеплены были стволы сосен, многие сосны выворочены: они лежали пластом, задрав комли с обвисшими жилами корней.

Сбитые верхушки деревьев покрывали собой разрушенные траншеи, осевшие дзоты и блиндажи, разбитые дерево-земляные заборы и трупы: множество трупов, разлагавшихся среди веток, среди искромсанных кустов, на изрытой земле. И разрушенные укрепления, и мертвецы, и воронки, и брошенное оружие — все казалось серым от толстого слоя пыли, а сверху осыпано было листвой и хвоей.

По полю вчерашнего боя деловито расхаживали пожилые солдаты из похоронной команды, стаскивали убитых к холму, на вершине которого, на месте взорванного блиндажа, готовили братскую могилу. Иногда бойцы криками звали санинструктора, значит, кто-то из тех, кого посчитали мертвым, подавал признаки жизни...

По дороге катились два встречных потока. На запад, вслед за войсками, шли автомашины и тягачи с пушками, грузовики и повозки с боеприпасами. Колоннами двигались батальоны из вторых эшелонов. А навстречу везли раненых, гнали пленных.

Километрах в десяти от леса гремела сильная канонада: там, в стороне Глусска, наши войска прорывали вторую оборонительную полосу немцев. А здесь, среди искалеченных деревьев, было тихо, и даже уцелевшая кукушка подавала время от времени свой голос.

В лесу сосредоточился отряд подполковника Бесстужева, сформированный для развития прорыва. Отряд такой, что не уступит любому полку. Стрелковый батальон,

рота разведчиков, рота противотанковых ружей и взвод саперов разместились на двадцати автомашинах и на броне танков, которых выделили Бесстужеву тоже целый батальон. Кроме того, к машинам прицеплены были четыре противотанковых и четыре полевых орудия. Рота самоходок и мотоциклисты укрылись в глубине леса.

Взято горючее и боеприпасы. Командиры снабжены картами, радисты знают позывные и номер волны. Задача доведена до каждого бойца, ждали только команду.

Юрий, сняв сапоги, лежал на плащ-палатке. Вторая плащ-палатка, брошенная на оголенный куст бузины, спасала от солнца. Казалось, что он подремывает, уронив голову на туго набитую полевую сумку. И никто не догадывался, как волнуется сейчас подполковник, сколько мыслей и воспоминаний проносятся у него в голове.

Да, три года! Круг почти замкнулся, война привела его в те же места, где служил в далекое, сказочное и невероятное мирное время. Служил молодой румяный лейтенант с белесыми бровями; застенчивый лейтенант, красневший и перед начальством, и перед женщинами, и даже перед своими подчиненными. У него была любовь, у него был друг — чего бы еще желать?! А он, глупый, мучился ревностью, встречая иногда бывшего мужа своей Полины... Да разве имело это хоть какое-то значение? Важно было одно: они любили друг друга. Вот и все. Очень просто. Он еще не умел тогда ценить жизнь, не умел по-настоящему радоваться и беречь радость.

Юрий пошевелился, сорвал травинку и перекусил ее. На губах остался привкус горечи, как от горелой взрывчатки. Вдали снова торопливо прокуковала кукушка. Да, круг замкнулся. Вот лежит он, огузневший подполковник с коричневым морщинистым лицом, с уродливым пирамом от виска через всю щеку, лежит одинокий человек, потерявший любимую женщину и друзей, видевший тысячу смертей. Его загрубевшие руки оборвали много жизней, его сердце ожесточилось; за три года он так привык к стрельбе, к холоду, к грязным портянкам, к водке с консервами и солдатской махре, что ему трудно представить, как можно жить иначе. Он даже опасался оказаться в какой-то другой обстановке, среди других людей. Тут он был на месте, знал свое дело, знал бойцов: служба, война поглощали все его мысли, и это было хорошо, потому что он боялся

остаться без привычного круга забот, наедине с собой. Он был благодарен генералу Порошину за то, что тот, уезжая на новое место, не забыл Бесстужева. Неважно было Юрию, что генерал доверил ему полк, что прибавилась звезда на погонах. Тронула его забота Порошина. Ведь ни один черт на этом свете не думает, не ждет, не вспоминает Бесстужева. Разве что Виктор Дьяконский, затравившийся где-то на фронтовых дорогах. А Прохор Севостьянович не забыл, вспомнил.

И вот отдыхает теперь подполковник Бесстужев в искалеченном лесу, ждет приказа, и перед ним, как в сказке, лежат три дороги. Двинешься по левой, вдоль Припяти через Пинск — значит, ступишь на тот путь, по которому отходил в сорок первом... Есть там поселок среди леса, а в том поселке живет худенькая женщина с красивым чистым лицом и с чистой душой. В один день привязалась эта женщина к молодому лейтенанту, а он полон был мыслями о другой. А может, и нет давно того поселка и нет той женщины. Теперь ведь вся жизнь делится на две эпохи: до немцев и после немцев...

Самая трудная для него дорога та, что лежит справа. Через глухие леса приведет она в маленький деревянный город Мир. Неподалеку от города есть хутор на краю осинового леса. Он отмечен черным крестом на карте Бесстужева и во всей его жизни. Там, на склоне холма, одинокая, заросшая могила. Ее, может, и не разыщешь теперь, но Юрий обязательно придет на этот холм, использует его на коленях, пальцами ощупает каждую ямку и найдет. И осыплет ее цветами — единственную свою женщину. И потом поселится где-нибудь поближе, чтобы чаще бывать возле нее...

Прямо впереди лежит третья дорога, самая главная. Она тянется в город Брест, в старую русскую крепость, потом бежит дальше, к Варшаве, и еще дальше — в Берлин. Долго пришлось Бесстужеву мыкаться и страдать по российской земле, прежде чем вышел он на этот, хоть и не короткий, но прямой путь. Вышел не мальчишкой-лейтенантом со взводом бойцов, у которых винтовки без патронов, а опытным подполковником с сильным отрядом на колесах, с танками, с пушками, с надежным тылом.

Он лежал и думал, закрыв глаза. А подчиненным казалось, что их беспокойный командир умаялся и теперь от-

дыхает, разморенный влажной духотой сырого летнего дня.

Бесстужев сразу вскопчил, едва услышал близкое гудение мотора и треск сучьев. Вездеход командира корпуса мчался прямо по лесу, лавируя меж высоких островерхих обрубков — пней. Генерал Порошин спрыгнул с подножки. Танковый комбинезон на нем растегнут, лицо покрыто бисером пота. Остановился возле Бесстужева.

— Ну, заскучал тут?

Быстро развернул на плащ-палатке карту, показал пальцем:

— Вот полоса нашего корпуса. Здесь разграничительная линия. Туда не ходи. Ты — в центре. Ты, как иголка, потянешь за собой всю нитку, весь корпус. Помнишь, как шли от Воронежа, как рвались к Днепру? Вот так. На фланги не оглядывайся, теперь не мы, а немцы флангами мучаются. Ну, учить не буду, но два совета дам. Не позволяй немцам мосты взрывать. Ты ведь знаешь, какая тут местность!

— Знаю. До Щары надо пять речек форсировать, — усмехнулся Бесстужев. — Не считая ручьев, заболоченных пойм и просто болот.

— Мосты береги. Иначе застрянем. И второе — связь со мной держи непрестанно. Чтобы я в любую минуту знал, где ты, какая помощь нужна. Ну, ни пуха ни пера!

Юрий моргнул растерянно, задвигал бровями. Надо ответить, но как? Не пошлешь же вовсе услышанье генерала к черту! А тот стоял, глядел, прищурившись, веселыми глазами. Спросил насмешливо:

— Ты что же, подполковник, обычаев народных не знаешь? Еще раз: ни пуха ни пера вам!

— Идите к черту! — ответил Юрий, и услышал смех генерала.

Порошин хохотал гулко и басовито. Повернулся, не сказав больше ни слова, и зашагал к машине, переступая через сбитые сучья и неубранные немецкие трупы.

Смеялись связанные, толпившиеся неподалеку, улыбались офицеры, слышавшие ответ Бесстужева. Но самому Юрию было почему-то не очень приятно, он не привык шутить с генералами. Гораздо проще официальный разговор: «Разрешите выполнять?» — «Да». Коротко, понятно и никаких настроений. Так положено, и так было всегда. А теперь, когда война пошла веселей, даже у генералов по-

явились не служебные, а просто человеческие эмоции. К этому тоже требовалось привыкнуть.

* * *

Отряд Бесстужева вошел в прорыв ночью и к середине дня продвинулся на тридцать километров. Головной дозор то и дело натывался на отходящих гитлеровцев, сбивал их с дороги. А главные силы отряда останавливались и ожидали, растянувшись по извилистому шоссе. С обеих сторон лес, не съедешь, не развернешься для боя, чтобы помочь дозору.

Иногда из леса появлялись фашисты, блуждавшие в поисках своих частей, выходили к шоссе целые подразделения, отброшенные с оборонительного рубежа. Немцы либо поднимали руки, либо шарахались обратно в заросли. Преследовать их Бесстужев не велел — это отвлекло бы людей от главной задачи.

Отряд действительно был похож на иглу, вонзившуюся во вражеский организм и ощутимо тревоживший его. Противник еще сохранил управление войсками, еще уцелели линии связи: чувствовалось, что фашисты пытаются отвести войска организованно и, конечно, прежде всего будут контратаковать, задерживать те советские подразделения, которые вырвались вперед.

Юрий даже отыскал на карте район, где немцам удобно создать оборону. Вот он — ручей с болотистой поймой, а за ним деревня на возвышенности. Справа и слева леса и топи, деревушку не объедешь и не обойдешь. Значит, надо остановиться, подтянуть артиллерию, подвезти боеприпасы, организовать штурм. А немцам только это и нужно: затормозить, выиграть время.

Когда головной дозор донес, что встретил сильное сопротивление именно возле этой деревни, Бесстужев даже не очень огорчился, он испытал некоторое удовлетворение тем, что предугадал ход противника. Больше того, у Юрия в общих чертах уже готов был план действий. Он немедленно отправил назад взвод мотоциклистов, приказав им ехать до развилки, а потом сделать крюк километров в семьдесят и по проселкам выйти на рассвете к деревне с тыла. Затем сообщил по радио обстановку в штаб корпуса, попросил выслать к нему дивизион «катюш» и, по возможности, артиллерию.

Штаб ответил сразу же. Радиограмма была короткой и точной. Реактивные минометы и гаубицы придут к ручью не позже двадцати ноль-ноль... Чувствовалась твердая рука генерала Порошина.

Отдав распоряжения, Юрий выехал вперед на разведку. Остановился на краю леса. Впереди — старая вырубка, заросшая мелколесьем. Высокая, сочная трава на болоте. Ручья почти не видно. За ним — кочковатый луг, потом зеленый склон и серые крыши домов: деревня скрыта от глаз гребнем бугра. В деревне что-то горело, дым стлался низко, его будто прижимали к земле тяжелые свинцовые облака, набухшие влагой.

Возле взорванного моста стоял танк с перебитой гусеницей — это была машина из головного дозора, наскочившая на мину. Танкисты сидели в ней, наверное, злились и стреляли из пулемета, а потом выпустили два снаряда из пушки. Немцы ответили коротким огнем: двенадцать снарядов тремя залпами.

Бесстужев смотрел в бинокль, разыскивая чуть приметные холмики на гребне бугра, и отдавал распоряжения. Посадить на высокие деревья наблюдателей, засекать цели. Разведывательной роте повзводно начать наступление в центре, на левом и правом фланге. Вызвать на себя огонь. Ночью просочиться через лес и болото, достичь крайних изб. А главное — измотать немцев, не дать им ночного отдыха. Саперам — делать штурмовые мостики для пехоты. Танкистам — заготовить побольше бревен и поднять на брону: будут сами мостить дорогу через болото.

Ничего не забыть, ничего не упустить из виду: Бесстужев был похож сейчас на дирижера, умело управлявшего большим оркестром. И оттого, что оркестр этот действовал слаженно, привычно, без суеты, Юрий ощущал уверенность в своих силах.

На этот раз все складывалось хорошо. Своевременно прибыли гаубицы — целая дюжина. Приехали тяжелые машины с реактивными установками. Бесстужев тут же сел с артиллеристом и командиром «катюш» за карту, чтобы спланировать огонь.

В сумерках начал накрапывать мелкий дождь. Вот уж он-то как раз ни к чему, и без него достаточно сырости. Бесстужев прислушивался к звукам, долетавшим со стороны деревни. Разведчики молодцы. Трудно им сейчас ползать по болотам, но передохнуть немцам они не дают.

Стрельба там такая, что не заснешь. Работают не менее десяти пулеметов. Даже пушки начинают бить время от времени.

Юрий еще раз вызвал к себе командиров подразделений. Сверили часы, получили последние указания. Все нормально, только хозяин «катюш», длинный молодой капитан, едва не напортачил. Первый залп наметил правильно, по немецким позициям. А второй — по центру деревни, где стояли вражеские орудия.

— Не пужно, — сказал Бесстужев. — Кладите оба залпа по переднему краю.

— И мне и вам выгодней уничтожить батарею, — возразил капитан.

— Для сводки выгодней? — У Бесстужева вверх и вниз заметались брови, побагровел шрам на щеке. — Да вы не понимаете, что ли?

— Все понятно, товарищ подполковник, — спокойно произнес капитан, и глаза у него стали совсем равнодушные, словно замороженные: он даже не моргал. — Все понятно. Однако, если я не уничтожу орудия, у вас могут быть лишние потери...

— Слушай, капитан, у тебя семья есть? — подался к нему Бесстужев.

— Ну, есть, конечно. У кого ее нету?

— Где она, семья-то твоя?

— Под Куйбышевом, а что?

— Если бы твоя мать и твои дети в этой деревне сейчас были, ты бы тоже по ним залп запланировал?

— Война, товарищ подполковник, — развел руками капитан.

— Ты скажи прямо, запланировал бы или нет? Представь себе ребенка своего и ответ...

— Не-не знаю, — опустил взгляд капитан. — Я не знаю. Но если прикажут...

— Идите, — двинул правой рукой Бесстужев. — Идите, пора отдыхать.

Капитан сделал несколько шагов и обернулся. Спросил обрадованно, будто только что догадался:

— Товарищ подполковник, у вас семья в деревушке в этой?

— Да, — сказал Бесстужев. — У меня там семья.

— И дети тоже?

— Да. И жена, и дети.

— Вот это номер! — капитан покрутил указательным пальцем возле виска. — А я-то хорош, не сообразил сразу!

— Идите, — резко повторил Бесстужев. — Мне надо отдохнуть!

Подполковник набросил на плечи плащ-палатку. А капитан, отойдя подальше, прикурил трофейную сигарету и покачал головой. «Ну и характер у человека — железой! У него тут семья рядом, а он вздремнуть собирается!..»

Утро выдалось сырым и туманным. Молочно-белая завеса недвижимо стояла в безветрии. Но наблюдатели с деревьев сообщали: туман стелется низко, наверху его нет, бугор виден. Разведчики ведут перестрелку, а на левом фланге добрались даже до огородов.

Да, туман, конечно, будет мешать бойцам. Но откладывать атаку нет смысла. Кто знает, не загустеет ли туман еще больше, не хлынет ли проливной дождь?

В белом месиве сверкнули длинные хвосты ракет, и туман вдруг на короткое время будто озарился изнутри, стал багряным, потом бело-розовым и опять белым. Вспышки артиллерийских залпов почти не пробивали его толщу. Грохот в сыром воздухе казался каким-то расплывчатым, тягучим: звук одного залпа сливался со звуком следующего.

Наблюдатели сообщали, что снаряды ложатся хорошо. Саперы уже ремонтировали взорванный мост. Роты под прикрытием тумана перебросили штурмовые мостики через глубокий ручей, переправились на западный берег, но там застряли в болоте. Из деревни наугад, в туман, били две немецкие батареи. Потерь почти не было, но Бесстужев понимал, что, если роты долго провозятся в болоте, бой может затянуться слишком надолго.

Ему хотелось сбросить танки. Они еще очень нужны будут ему. Но делать нечего. Он дождался, когда саперы восстановят мост, и отдал приказ. Десять машин с автоматчиками на броне двинулись, лязгая, по дороге. А следом пошли четыре грузовика с противотанковыми пушками на прицеле.

Слышно было, как за мостом танки прибавили скорость: сквозь орудийные залпы долетал рев моторов. Танки помчались по дороге напропалую. Но вот головной подорвался на mine и загородил собой путь. Машины свернули влево, на сырую луговину, автоматчики сбрасывали с брони бревна под гусеницы,

Бесстужев ничего не видел в тумане, хотя дважды влезал на сооруженную наблюдателями площадку. Туман пошел, сделался серым, будто смешался с дымом, и поднялся выше деревьев. Наступили самые неприятные, самые мучительные минуты. Трудно понять, как развивается бой, кого из подчиненных надо подбодрить, куда направить резервы.

Нет, все-таки атака была задумана правильно, и ей не помешали ни туман, ни то, что пришлось из-за плохой видимости отменить второй залп «катюш», ни то, что взвод мотоциклистов не вышел в тыл противника.

Пехота преодолела болото на левом фланге, где оказалось посуше, и ворвалась в деревню вместе с разведчиками. Почти одновременно с ней в деревню вошли и шесть танков. Они обрушились на батарею и подавили ее. Уцелевшие немцы начали отходить, но отступили недалеко: дорогу им преградили мотоциклисты, выбравшиеся наконец к деревне. Бесстужев послал туда самоходные орудия, и немцы разбежались по лесу. И уж коль скоро самоходки оказались впереди, Бесстужев приказал им немедленно двигаться дальше вместе с мотоциклистами.

Сам поторопился собрать подразделения. Некогда было дожидаться оставших, хоронить убитых. Раненых и пленных пришлось оставить на попечение артиллеристов. Бросив пять подбитых танков и девять грузовиков, Бесстужев повел поредевшие подразделения дальше. Сбивая в коротких стычках немецкие заслоны, отряд до наступления темноты продвинулся на сорок километров.

«За двое суток — семьдесят верст! Совсем неплохо!» — весело прикинул Бесстужев.

10

Оперативная группа штаба корпуса размещалась в крытых зеленых «студебеккерах». Маленькая колонна следовала вслед за войсками, не отставая от них. Конечно, командир корпуса мог бы держаться и на более солидном расстоянии от передовой линии, но генерал-майор Порошин не хотел ломать своей привычки. К тому же наступление было стремительным, оперативная обстановка часто менялась и требовала быстрых решений.

В деревню, отбитую передовым отрядом, Порошин при-

ехал после полудня. Нескончаемым потоком двигались через нее войска. Батальоны, двое суток назад прорывавшие оборону противника, теперь преследовали немцев, свернувшись в колонны. Катились грузовики, орудия на механизированной и на конной тяге. Медсанбатовские девушки тряслись в открытом кузове и прямо на ходу ели кашу из котелков.

Возле моста стояли подбитые танки, над ними уже колдовали ремонтники в замасленных комбинезонах. А дальше чернел квадрат обугленной голой земли с полусасыпанной трахеей, с какими-то черными обгорелыми кочками. Туда пришелся залп дивизиона «катюш», отсюда несло теперь запахом гари.

Через ручей переправлялась колонна пленных. Вел ее хромой старик с красной лентой на фуражке, а по бокам и сзади шли бабы в платочках, вооруженные трофейными винтовками. У офицера на груди был приколот лист картона с надписью: «Немцы, 312 шт. Укажите им сборный пункт. Взятые в плен ротой мл. л-та Кузюркина».

В центре деревни, на небольшой площади, где стояли подбитые немецкие пушки, Порошина встретил командир дивизии: степенный и невозмутимый полковник Прохор Севостьянович ценил его опыт, его простоту и добросовестность. Перспективный он командир, и единственно, чего не хватало ему, по мнению Порошина, это самостоятельности, своего взгляда на вещи. Как-то уж очень покладисто принимал он установки и указания свыше, даже если они противоречили одна другой.

Полковник доложил, что его батальоны следуют за передовым отрядом Бесстужева, но разрыв постепенно увеличивается, так как Бесстужев идет на колесах, а пехота — ногами. Порошин ответил, что отряд-то все-таки встречает сопротивление противника и это тормозит движение. А полковнику надо использовать трофейные грузовики, мотоциклы, лошадей — все возможные средства. Сейчас успех зависит от темпов наступления. Не позволить немцам подготовить оборонительный рубеж в тылу — вот задача.

Командир дивизии тут же отдал несколько распоряжений и пригласил Порошина пообедать. Прохор Севостьянович не отказался, тем более что к столу, как выяснилось, была уха и жареные караси: бойцы комендантского взвода наглушили где-то в лесном озере несколько пудов рыбы.

За обедом разговор пошел неофициальный. Полковник расстегнул ворот гимнастерки, сидел раскрасневшийся, тяжело отдувался после горячей и жирной ухи. Когда остались вдвоем, сказал Порошину:

— Посоветоваться хочу. Тут такая история: один сержант у меня вроде бы посмертно звание Героя заслуживает.

— Почему «вроде бы»?

— В бою он получил приказ дзот обезвредить. Добрался, влез на него и гранату бросил. Но пулемет продолжал работать. Тогда сержант сполз сверху на амбразуру. Политрук доложил, что сержант закрыл амбразуру своим телом. А те, кто возле сержанта были, говорят, что его еще на дзоте убило, а потом он свалился. Я не спешу давать этому делу ход, а начальник политотдела и редактор дивизионки наседают: надо, мол, на щит сержанта поднять.

— А дзот? Что стало с дзотом? — спросил Порошин.

— Другой боец подобрался и гранату швырнул.

— Вот и поднимите на щит бойца, его заслуга бесспорна.

— Он жив, — сказал полковник.

— Тем более: и ему приятно, и другим пример. Ну, в общем-то дело ваше, сами разберетесь в своем хозяйстве. Я, Иван Иванович, думаю так: если бойцы пытаются закрыть грудью амбразуры, то это свидетельствует прежде всего о том, что командир плохо организовал бой или у него мало средств для подавления огневых точек. Раньше, в сорок втором году, так и было, согласен. А теперь средств хватает... Вы сами-то как смотрите на такие подвиги?

— Как смотрю? — пожал плечами полковник. — Смысла не вижу. Все равно, если ладонью ствол винтовки прикрыть. Одной очередью пулемет отбросит труп, а не отбросит, так разрежет его пулями. Понапрасну человек погибнет, а мог бы попытаться тот же самый дзот с тыла взять... Но тут ведь вот какая история, — вздохнул полковник. — Мнение утвердилось: если бросился на амбразуру, значит, слава тебе. В газетах так пишут и на семинарах об этом толкуют...

— Правильно, — кивнул Порошин. — Я с вами согласен почти во всем. С практической точки зрения кидаться на амбразуру бессмысленно. Однако в этом деле есть еще

моральная сторона. Рота лежит под огнем. Осталось сто метров, но их не пройти. И вот один храбрец бросается на амбразуру: «Товарищи, за мной!» Его порыв поднимает других. Это конкретный случай. А если брать шире, то такие факты служат примером для воспитания.

— Значит, вы сторонник?

— Отнюдь, — не согласился Порошин. — Героизм каждого отдельного бойца заслуживает высокой оценки. Но распространять такой опыт, на мой взгляд, не следует. Подвиг ради подвига нам не нужен. Нам надо победить врага и, по возможности, меньшей кровью.

11

Один из подчиненных, преданный Гудериану офицер, предупредил своего шефа в частной беседе: в ближайшие дни что-то произойдет. Нет, ничего определенного пока неизвестно, однако среди посвященных ходят упорные слухи...

В тот же вечер Гудериан выехал с инспекцией в отдаленные гарнизоны. Он хотел быть подальше от событий, хотел посмотреть со стороны и выждать. Он ставил сразу на обе масти. Если мятеж провалится, хорошо. В свое время он сообщил Шмундту о своих подозрениях, его не могли обвинить в сокрытии, в доносительстве — германская юриспруденция обогатилась в последние годы и таким термином. Он чист перед фюрером и сумеет напомнить ему о своей верности, о своем предупреждении.

Если заговорщики победят, Гудериан опять-таки сможет найти себе достойное место. О его беседе со Шмундтом никто не знает. А в его руках все нити управления танковыми войсками. Если не станет фюрера, танкисты будут выполнять только его приказы. Он позаботился, чтобы в Берлине задержали на всякий случай танковые части, предназначенные для отправки на восток. Если возникнет необходимость, Гудериан сумеет продиктовать свою волю. Что могут сделать заговорщики без его танков или против них?

Гудериан ждал, как развернутся события, делая вид, что ни о чем не знает и ни о чем не догадывается. 20 июля, после осмотра противотанкового полка, он даже позволил себе прогуляться по лугу. Вполне естественно: день душный,

пожилому человеку после трудов захотелось освежиться, подышать прохладой возле реки. Так должен был поступить тот, у кого спокойна совесть. Если кому-то понадобится потом проследить все его поступки, в них нельзя будет обнаружить ничего подозрительного.

Поздно вечером его вызвали к телефону. По радио как раз сообщали о неудачном покушении на фюрера. Гейнц выключил радио — теперь все ясно. Он снял телефонную трубку. Звонили из Берлина. Завтра утром за Гудерианом прилетит специальный самолет и доставит в Восточную Пруссию. Фюрер хотел видеть своего танкиста.

Встреча состоялась в середине следующего дня. Вид Гитлера произвел на Гудериана удручающее впечатление. Лицо серое, измученное, на ухе царапина, правая рука висит на перевязи. Но держался Гитлер спокойно, даже спокойней обычного. Он сказал, что ему известно о предупреждении Гудериана, Шмундт доложил ему. К сожалению, те, кто занимался этим вопросом, проявили халатность. Никто не думал, что дело зашло так далеко. Но это теперь позади, и все виновные будут наказаны без пощады (у Гитлера гневно блеснули глаза, но он сдержал себя). В момент покушения ранен генерал, которого собиравлись назначить начальником Генерального штаба. Этот трудный, но почетный пост свободен.

Гудериан понял, что хочет сказать Гитлер. Щелкнув каблуками, чуть склонил коротко постриженную голову.

— Мой фюрер! Я готов принять любой груз, чтобы нести его вместе с вами!

— Считайте, что вы назначены на эту должность. Но не вздумайте подавать прошения об отставке, как ваш предшественник. Я не могу предоставлять генералам таких прав, каких не предоставляю солдатам и офицерам на фронте. Там бывает трудней, но там не говорят об отставке...

Потом Гитлер спросил, есть ли у Гудериана какие-нибудь личные пожелания. Гудериан ждал этого вопроса, заранее торжествуя в душе.

— Мой фюрер! Командующий войсками на западе не имеет достаточного опыта в управлении бронетанковыми соединениями. Больше того, он недооценивает танки, нашу главную силу.

— Фельдмаршал фон Клюге?

— Да. И я, как начальник Генерального штаба, вряд ли смогу сработаться с ним. Я не верю в его преданность. Ведь он знал о заговоре.

— Знал. Но мне твердят, что фон Клюге незаменим.

— Он был лучшим конем в конюшне, — негромко сказал Кейтель.

— Вадор! — крикнул Гитлер. — Он всегда был только посредственным исполнителем! Он всегда колебался и опасался! Но он не колебался, когда стал заговорщиком! Отзовите его немедленно!

Гудериан стоял вытянувшись, со строгим лицом, с трудом скрывая свое ликование. Он еще не знал, что будет с Клюге, но был убежден: со старым противником покончено раз и навсегда. Это наука для врагов — рано или поздно, а победителем оказывается он!

Расставшись с фюрером, Гудериан сразу же, немедленно, взялся за дело. Он умел работать не паля сил, когда это было нужно и выгодно. Он знакомился с обстановкой, перемещал кадры, старался мысленно заглянуть в будущее. Войну выиграть невозможно. Но еще есть надежда найти спасительный выход, есть время для поисков. И ведь он теперь не просто генерал, он начальник германского Генерального штаба, один из немногих избранных полководцев, удостоившихся этой чести за всю историю немецкого государства. Теперь даже противники вынуждены будут считаться с ним и отдавать ему дань уважения.

Его взлет выглядел особенно блестящим по сравнению с концом карьеры фельдмаршала фон Клюге. Старый соперник побоялся явиться к фюреру, испугался расплаты. Он сделал попытку перейти фронт и укрыться у американцев. А когда попытка не удалась, принял яд.

Фельдмаршала зарыли в землю без всяких почестей. Эсэсовцы вешали и расстреливали других участников заговора. А генерал-полковник Гудериан радовался в эти дни своим личным успехам.

12

Из дневника генерал-майора Порошина,

24 июля 1944 года.

Давно, очень давно не делал записей. Желания не было, обстановка не позволяла. Остались только заметки в

записной книжке: об отданных и взятых городах, о смерти товарищей, о местах, где находятся их могилы. А сейчас такое состояние, что не могу снова не раскрыть тетрадь. Новую тетрадь.

Ведь я в тех же самых местах, где был три года назад, стрелы на карте рассекают те же поля, леса и дороги. Только стрелы повернуты теперь в противоположную сторону.

Вот уже месяц гоним немцев, гоним так, как не гнали еще никогда. Позади больше четырехсот километров. Фронта, как такового, нет. Противник бросает в бой тыловые части, резервы, пытается заткнуть дороги, пролегающие среди лесов и болот. Мы ломаем сопротивление и опять — на запад! Но темп снижается. В войсках большие потери. Не столько за счет убитых, сколько за счет ослабевших, отставших, больных: людям трудно выдерживать такое напряжение. Ведь мы воюем в основном пешком. И главный вывод — нужна механизация. В будущей войне пехота должна сидеть на машинах. Имей мы сейчас достаточное количество машин, я писал бы эти строки не в районе Барановичей, а где-нибудь за Вислой. Нас задерживает не столько сопротивление немцев, сколько малоподвижность стрелковых частей. Относительная, конечно, малоподвижность: применимая к сложившейся ситуации.

Плохо с подвозом боеприпасов. Плечо автомобильных дорог удлинилось до предела, а железные дороги еще не работают. С передовой доносят: в ротах осталось по двадцать — двадцать пять человек, число орудий и танков сократилось втрое и вчетверо. Бойцы имеют по десятку патронов. На пушку — несколько снарядов. Я требую шире использовать трофейное оружие и боеприпасы.

Радует меня Бесстужев. Лихо воюет: смело, со злостью и в то же время расчетливо. Вот уже месяц он идет впереди, тянет за собой корпус и не требует помощи. Иногда он вырывается вперед километров на пятьдесят.

Твердо решил послать его в академию, жду разнарядки. Часто командиры отпускают тех, без кого легко обойтись, а хороших офицеров приберегают. И я тоже грешил этим, сказать по совести. Но Бесстужева пошлю. Он талантливый командир, из него может получиться полководец. Опыт у него есть, нужны знания. И не только это. Ведь он последний из тех, кто начал воевать со мной в Подмоскovie. Случись что-то с ним и со мной — и некому будет вспомнить, рассказать о всем нашем трудном пути. Я имею воз-

можность уберечь Юрия, и я это сделаю. Он ходит рядом со смертью вот уже три года. Хватит ему испытывать судьбу, пусть другие попохают порохов.

Ближайшая задача корпуса — форсировать Западный Буг. Авиаразведка сообщает: немцы взрывают мосты, жертвуя теми своими полками, которые сопротивляются на восточном берегу. А командующий требует форсировать Буг с ходу, чтобы обеспечить плацдарм для дальнейшего наступления.

Основная надежда на передовой отряд Бесстужева. Он уже приближается к Бугу севернее Бреста. Я послал к нему понтонно-мостовой батальон с двумя понтонными парками. Всего 120 автомашин. Для усиления придал десять танков: больше ничего нет. Но не знаю, сумеет ли понтонный батальон пробиться к Бесстужеву. Ведь тот ведет свой отряд среди отступающих немецких колонн. Последняя радиграмма от него — просит обеспечить авиационную поддержку, когда выйдет к реке.

За месяц наступления подполковник Бесстужев потерял все свои танки и самоходные орудия. Из тяжелого оружия сохранились у него только три противотанковые пушки, но снарядов к ним не имелось; пушки везли с собой потому, что бросать не положено. Однако уцелевших артиллеристов Бесстужев в тыл не отправлял: они были сведены в две батареи, и на ходу, насколько позволяла обстановка, учились пользоваться немецкой техникой.

Людей хватало. Он шел первым, шел по местам, где хозяйничали партизаны, к нему присоединялось столько добровольцев, что он вынужден был формировать из них команды и отправлять на восток, навстречу своим. А себе отбирал из числа партизан тех, кто выносливее и опытней.

На подходе к Пружанам, в болотах у истоков реки Ясельды отрезал Бесстужев пути отхода немецкой колонны. Фашисты разбежались по лесу, бросив на дороге больше сотни грузовых машин: почти все советские, ЗИС-5, захваченные гитлеровцами еще в сорок втором году.

Половину грузовиков Юрий оставил под охраной, на другие машины (сколько нашлось водителей) посадил свое войнство, бойцов и партизан, и двинулся по шоссе к Бугу. Ехали всю ночь рядом с немцами, по тем же самым доро-

гам. Помогали темнота и путаница, царившая на шоссе. Здесь все перемешалось. Немецкая пехота шла вразброд, группами; много было солдат-одиночек. Тащились конные обозы, ехали офицеры, чиновники со своими семьями. В кузовах автомашин поверх груза лежали раненые. Бесстужев старался незаметно обогнать этот пестрый поток, сворачивал на проселки и лишь в крайнем случае шеп напролом, пустив впереди два трофейных броневедомости.

Рано утром переехали деревянный мост через реку Лесную. Охрану истребили в короткой стычке, Юрий оставил здесь взвод с тремя пулеметами, а сам поспешил дальше.

Солнце едва поднялось над крышами, было еще прохладно, когда колонна полным ходом проскочила через старый деревянный городок и выехала на понтонный мост. Немцы как раз пропускали в это время через мост артиллерийский дивизион, у въезда создалась пробка. Фашисты ни черта не поняли: на ЗИСах была намалевана свастика, люди набросили плащ-палатки и немецкие накидки, предусмотрительно сняв пилотки со звездочками.

Длинноногий офицер в сером мундире, со стеклом в руке бросился наперерез машинам и пронзительно закричал что-то. Грузовик Бесстужева резко затормозил. Юрий рывком распахнул дверцу и с подножки выстрелил в лицо офицера. Немец качнулся, распахнув рот: глаза его расширились, выкатываясь из орбит. Юрий успел подумать: плохо попал. И, досадливо морщась, выстрелил второй раз, прицелившись в лоб: посреди бровей и чуть выше. Офицер сразу исчез, провалившись вниз.

Это послужило сигналом. Бойцы прямо с машин расстреливали из автоматов немецких артиллеристов и саперов.

— Вперед! — крикнул Бесстужев.

Шофер двинул грузовик. Под колесами качнулись доски мостового настила. Впереди катились броневики, ведя пулеметный огонь по фашистам, метавшимся на западном берегу.

Немцы успели все-таки взорвать мост. Это произошло как раз в тот момент, когда машина Бесстужева оказалась на суше. Мост, раздробленный посередине, медленно развертывался по течению двумя крыльями, оседал под тяжестью грузовиков, распадаясь на отдельные звенья. Три машины успели проскочить вслед за командирской. В во-

де чернели головы пловцов, хватавшихся за бревна и доски.

Бесстужев выругался: ах, черт, упустили какую возможность! А потом рассудил и решил, что огорчаться нет смысла. Задачу он выполнил, плацдарм захвачен. Теперь надо удержать его. И пожалуй, лучше, что нет моста. Иначе немцы хлынули бы сюда в отчаянной решимости пробиться на запад и смяли бы его небольшой отряд.

Опасения Юрия оказались не напрасными. Как это ни странно, те бойцы, которые успели вместе с ним проскочить за Буг, находились теперь в безопасности. У немцев не было здесь сплошной обороны. Взвод фашистов, охранявших мост, отступил километра на два: немцы изредка постреливали оттуда. Зато на восточном берегу было трудно. К переправе подходили колонны немецкой пехоты, притащились обозы, которые отряд Бесстужева обогнал ночью. Появились даже остатки какой-то танковой части. Все они стремились к мосту, но натывались на огонь бойцов и партизан, занявших оборону на подходах к нему.

Особенно помогали захваченные на переправе немецкие 75-миллиметровые пушки. Их было десять штук, а ящики со снарядами высились штабелями. Вот тут и пригодились подготовленные заранее артиллеристы. Они встали к орудиям и при каждой попытке фашистов продвинуться встречали их беглым огнем.

Немцы, убедившись, что моста нет, начали обтекать городок южнее и севернее, используя для переправы лодки и паромы. И в то же время продолжали раз за разом атаковать советский заслон, пытаясь уничтожить его. Атаки стали особенно настойчивыми после того, как Бесстужев приказал артиллеристам бить по большому парому, который перевозил немецкие грузовики ниже по течению реки.

Бесстужев вызвал авиацию и долго втолковывал по радио штабному офицеру, что сам находится на западном берегу, а бомбить надо восточный, надо обработать немцев, которые атакуют предмостные укрепления. Штабной офицер подумал, наверно, что это немецкие радисты пытаются сбить его с толку, чтобы он нанес удар по своим. Но голос Бесстужева был ему знаком. На всякий случай он приказал произвести разведку самолетами У-2, и только после этого поднял в воздух эскадрилью штурмовиков.

Сидя на берегу, возле самой воды, Юрий смотрел за

реку, где парами ходили в небе самолеты, ныряли вниз, скользили, словно по крутой горке, опять лезли вверх: ниже того места, где ломалась линия их полета, взметывались черные клубы пыли и дыма, а потом докатывался гром, земля содрогалась, на гладком зеркале реки появлялась мелкая рябь.

Офицер, менее опытный, чем Бесстужев, решил бы, что его место там, где идет бой, и вернулся бы назад, на восточный берег. Но Юрий даже не помышлял об этом. Суть дела сейчас в том, чтобы удержать плацдарм. С востока идет корпус, он сомнет фашистов и построит новую переправу. Бойцам не придется плыть через широкую реку под огнем, прикрытие им обеспечено. А не будь прикрытия, одна рота фашистов способна сорвать переправу целого батальона и даже полка.

И еще Юрий думал: воспользуется ли генерал Порошин благоприятной обстановкой, рискнет ли он вопреки всем правилам выбросить вперед понтонно-мостовой батальон, который способен на колесах обогнать свою пехоту, пройти по немецким тылам и навести переправу как раз к тому времени, когда к Бугу выйдут главные силы корпуса?

Этот вопрос начал особенно тревожить Юрия во второй половине дня. Он совсем перестал беспокоиться о боях на восточном берегу. Там работала наша авиация, там имелись пушки, там нашим солдатам помогали местные жители. А вот на западном берегу дело ухудшалось. Немецкая пехота, кое-как переправившаяся через Буг, не уходила дальше, а накапливалась возле плацдарма. У Бесстужева было восемьдесят бойцов, два броневика и легкая пушка. Немцев скопилось уже не меньше батальона, и они попытались даже атаковать.

Юрий, конечно, зря сомневался: генерал Порошин не упустил благоприятной возможности. Еще до захода солнца стрельба на восточном берегу стихла, начала рассеиваться, оседать стена дыма и пыли. Возле Буга появились советские танки, а за ними потянулись машины. Они заполнили весь берег, с них начали сгружать понтоны, детали моста. По реке на лодках зашипыряли саперы, обследуя то, что уцелело от немецкой переправы.

На восточном берегу все теперь было в порядке, зато на западном положение быстро осложнялось. Фашисты рассчитывали остановить на водной преграде наступление

русских, отсидеться за Бугом. Неразбериха, вызванная появлением отряда Бесстужева, прошла, немцы уяснили обстановку. Их атаки усиливались. В сумерках появились танки. Но к этому времени рядом с Бесстужевым сидел уже артиллерийский корректировщик. Трофейные пушки ударили с восточного берега и заставили гитлеровцев откатиться назад, в темноту.

Через Буг переправлялись на лодках бойцы передового отряда. Цепочка людей на плацдарме становилась все гуще. А за рекой стучали топоры, раздавались громкие голоса и время от времени вспыхивала стрельба.

В четыре часа тридцать минут на мост въехал первый советский танк. Понтоны оседали под ним, почти скрывались в воде, иногда струйки, журча, обмывали пыльные гусеницы. Но танк прошел. За ним двинулись остальные. На очереди стояли отбитые у немцев ЗИСы, груженные немецкими снарядами, с трофейными пушками на прицепе.

Бесстужев разыскал командира понтонно-мостового батальона. Пожилой подполковник в мешковатой, слишком просторной для него гимнастерке, покуривал посреди моста, прислонившись к перилам. Юрий представился и сказал «спасибо». Тот пожал плечами: за что? У вас своя служба, у нас — своя.

Приближался очередной танк, мост постепенно оседал все глубже, вода начала заливать доски. Юрию сделалось жутковато. Вот рухнет сейчас танк, оборвется понтон: попробуй выплыть в одежде... Он только теперь заметил, что у подполковника ноги мокры до колен.

— Ну и выбрали место! Пойдемте на берег, — предложил Бесстужев.

Подполковник проводил взглядом танк, подышал на стекла очков, протер их и сказал с улыбкой:

— Это, знаете ли, традиция такая у инженеров-мостовиков. Старая традиция, с царских времен. Когда начинается движение по мосту, то инженер, который его строил, должен стоять под ним.

— Ага, — засмеялся Бесстужев. — Значит, если плохо построил...

— Вот именно... А здесь под мостом не станешь, — развел руками подполковник. — Здесь по-другому. Помощник мой у въезда, а я на центральном пролете. Убедимся, что мост надежный, тогда и отдыхать будем.

Офицеры германского Генерального штаба говорили о своем новом начальнике, что он повернулся лицом к востоку, а спиной к западу. И это так — другого выбора у Гудериана не было. Американо-английские войска закрепились на обширном плацдарме в Нормандии, развивали наступление на территории Франции. Но там, по крайней мере, немцы имели сплошной фронт и отходили организованно. А на востоке зияли огромные бреши, разрозненные немецкие войска отступали, почти не сдерживая противника.

Если в ближайшие полтора-два месяца не удастся остановить русских, то зимой они дойдут до Берлина. А этого допустить невозможно. Раз уж Германии суждено быть побежденной, то пусть лавровый венок наденут на себя американцы и англичане. С ними можно будет договориться, как договорились четверть века назад после поражения кайзеровской армии. Американцы не видели войны на своей территории, они не обозлены, они могут простить. А русские не простят!

Главную цель своей новой работы Гудериан видел в том, чтобы остановить советские войска или, в крайнем случае, хотя бы затормозить их движение, создав сплошной фронт по реке Висле. Он выискивал резервы в оккупированных странах, снимал войска с других участков за счет сокращения оборонительной полосы: навстречу русским были брошены тыловые эсэсовские дивизии и учебные роты, охранявшие полки и команды выздоравливающих. В общей сложности тридцать три дивизии и десять бригад были выдвинуты к новому рубежу.

На западе американо-английские войска продвигались без особых трудностей, быстро растекаясь по территории Франции. Зато русские встретили в Польше сильное сопротивление новых дивизий, и их наступление начало затухать.

* * *

Варшава горела. Вот уже неделя, как Бесстужев пробыл наконец к берегу Вислы, а пожары за рекой не прекращались, над городом висела черная дымовая хмарь, по ночам виднелись сквозь дым и тьму багровые языки пламени.

Красавец город горел с августа, с того самого дня, когда польская столица восстала. Поднялись десятки тысяч варшавян, объединенных в боевые группы. Они заняли вокзалы и основные магистрали, но им не удалось сделать главное — захватить мосты через Вислу.

Немцы послали на подавление восстания крупные силы эсэсовцев. Улицы города были завалены трупами. А советские дивизии и полки Войска Польского не могли оказать помощь. Они были ослаблены долгим наступлением, коммуникации их растянулись. Фашисты бросили навстречу им свежие части, отборные соединения «Герман Геринг» и «Викинг», штрафные офицерские батальоны.

За месяц наступления советские войска прошли пять-сот километров. И столько же времени потребовалось им, чтобы в ожесточенных боях преодолеть еще сорок, которые отделяли от Вислы. Лишь 14 сентября удалось освободить Прагу — правобережный пригород Варшавы. Мосты через реку были взорваны. За рекой — сильная, заранее подготовленная оборона гитлеровцев. Переправиться не удалось.

С утра и до вечера над городом, над дымной хмарью, патрулировали советские самолеты, разгоняя «фокке-вульфов» и «мессершмиттов». Взрывы и треск стрельбы особенно громко доносились через Вислу, когда ветер дул с запада. На улицах Праги делалось сумрачно от дыма, закрывавшего солнце.

На восточном берегу в эти теплые сентябрьские дни стояла тишина. Пестрели яркой листвой нарядные березовые перелески, проплывали в прозрачном небе стаи улетающих птиц. Только по ночам оживали дороги: двигались к реке колонны войск и машин, прибывали новые советские и польские дивизии. В лесах и рощах земля повсюду была изрыта: строились убежища для танков и автомашин, склады, землянки для пехоты. Сюда подтягивались тылы, подвозились запасы — готовилось новое наступление.

Подполковник Бесстужев принимал пополнение, налаживал боевую учебу молодежи, заботился о том, чтобы отдохнули ветераны. Впереди была еще трудная дорога.

Ранним утром приехал в полк Юрия генерал Порошин. Выслушал рапорт, потоптался возле машины, разминая затекшие ноги, потом спросил:

— У тебя в Москве знакомые имеются? Есть где остановиться на первый случай?

— Нет, — удивленно ответил Бесстужев. — Зачем мне Москва?

— Возьми ключ, это от моей квартиры. Пыль там сори, я давно туда не заглядывал. И записку вот прихвати, чтобы комендант препятствий тебе не чинил.

— Товарищ генерал, объясните?! — взмолился Юрий.

— Едешь в академию, учиться тебя направляем. Сегодня сдавай дела, а завтра на машину — и до Минска.. Ты что, недоволен, вроде? Или новость еще не переварил?

— Переварил, товарищ генерал. Только не время мне уезжать.

— Это еще почему?

— Вроде обидно, товарищ генерал. С первого залпа воюю, а теперь, когда победа на горизонте, меня в тыл!

— Э, подполковник, — усмехнулся Порошин, поглаживая массивный подбородок. — Горизонт — явление сложное. Ты идешь, а он отодвигается... — Посерьезнев, спросил: — Тебе сколько лет, подполковник? Двадцать пять, кажется? А мне под сорок. Лет через пятнадцать-двадцать я в отставку уйду, если доживем до тех пор. Кто тогда корпусами и армиями командовать будет? Ты и твои ровесники, ясно? Вот я и хочу, чтобы смена у нас надежной была. Война вас многому научила, а теперь за книгу пора. — Заметив, что Бесстужев порывается возразить, генерал добавил резко: — Все. Разговор окончен. Завтра зайдешь проститься, а сейчас — шагом марш! Нет, погоди! — Порошин положил тяжелую руку на плечо подполковника, сказал потеплевшим голосом: — Жаль мне тебя отпускать, Юра. Но так нужно. О завтрашнем дне думать надо. Ведь конец одних событий всегда расчищает дорогу другим, и мы не знаем, какими они будут!..

14

Два года назад фашистские пропагандисты категорически утверждали, что русские способны наступать только зимой, используя трудные условия, к которым привыкли. Пропагандисты вспоминали об этом даже в то недавнее время, когда пушки гремели на Курской дуге. А теперь эта теория выглядела просто смешной.

Летом 1944 года советские войска гнали противника сразу на всем фронте от Балтийского до Черного моря,

гнали стремительно, умело: не просто теснили фашистов на запад, а окружали и уничтожали немецкие дивизии, полностью выключали из дальнейших событий массы вражеских войск и техники.

Блестящую операцию провели в августе войска 2-го и 3-го Украинских фронтов. Наступая по сходящимся направлениям, они взяли в кольцо пять немецких корпусов. Несколько суток на обоих берегах реки Прут, в Яско-Кишиневском «котле», продолжалось сражение. Немцы пытались пробиться на запад, а над их колоннами висели советские самолеты, сбрасывали груз и улетали за новым; густые цепи фашистов выкашивались пулеметным огнем, их танки и штурмовые орудия горели от снарядов. Немцы прорывали боевые порядки одной дивизии, радовались, надеясь уйти в Карпаты, но на их пути вставала другая дивизия. И опять валились на сухую, опаленную солнцем траву немецкие цепи, опять пылали их танки. Немецкие солдаты, привыкшие повиноваться слепо, гибли без смысла, без всякой пользы, выполняя приказ своего командующего генерала Мита. А отменить этот приказ было некому. Сам генерал был убит, тело его штабные офицеры в спешке бросили где-то в гуще других трупов.

Командующий был мертв, но приказ продолжал действовать. Фашисты лезли напролом. Только за один день 25 августа нашли свою смерть на берегах Прута тридцать тысяч немцев. Еще двадцать тысяч сдались в плен.

Бои в «котле» длились еще целую неделю, а советские дивизии в это же время продвигались в предгорья Карпат и к Дунаю, в центральные районы Румынии, которая порвала свой союз с Германией и сразу превратилась из ее друга во врага: объявила немцам войну.

Виктору Дьяконскому не повезло: на реке Прут, когда штурмовали вторую оборонительную полосу гитлеровцев, взрывная волна бросила его на проволочное заграждение, колючки изодрали спину и руки. Старшина Гафиуллин подполз к Виктору под пулеметным огнем, и, пока снимал с проволоки, обоим досталось по пуле. Гафиуллина садануло в бок, вдоль ребра, а Виктору обожгло левую ступню.

После перевязки Дьяконский сразу возвратился в часть. Бойцы раздобыли для него трофейный мотоцикл с коляской. На этом мотоцикле и покатил он по пыльным румынским дорогам на юг, во главе батальона. А через четыре

дня явился и старшина Гафиуллин, догнавший своих на попутной машине.

— Не могу, капитан, — сказал он Дьяковскому. — Не могу без тебя. Ты мне, как командыр, ты мне, как отец. Скучно без тебя жить!

— Ну, ладно, ладно, поменьше эмоций! — усмехнулся Виктор, тронутый словами старшины. — Садись в коляску, вместе поедem.

— Нет, командыр. Пусть в коляске твой костыль и твои бумаги едут. У меня в роте пролетка есть, боеприпасы везет. На боеприпасе поеду.

Старшина командовал теперь у Дьяковского пулеметной ротой. Два с половиной года назад увидел Виктор в запасном полку молодого худенького татарина с обритой головой. Не так уж и много времени прошло с тех пор, но Гафиуллин изменился неузнаваемо, превратился в кряжистого уверенного мужчину. Повсюду у него были приятели и знакомые, даже в штабе дивизии. Энергичный, веселый, он мог раздобыть все что угодно: и патроны, и водку, и сапоги для бойцов. Конечно, помогало ему и то, что на выцветшей гимнастерке поблескивала Золотая звездочка. Гафиуллина знали, о нем несколько раз писала армейская газета, печатала его фотографии. При всем том Гафиуллин был чертовски упрям, всегда норовил сделать по-своему и авторитетом для себя считал одного Дьяковского.

Несколько раз старшину хотели отправить на краткосрочные курсы младших лейтенантов, но Гафиуллин категорически отказывался, боялся, что попадет в другую часть. Виктору в доверительной беседе сказал:

— Ты, командыр, меня на ноги поставил. Я тебя знаю, я тебе верю, при тебе ничего не боюсь. А без тебя мне опоры не будет. С тобой вместе я большой, а без тебя маленький.

Дьяковский не настаивал, ему тоже жаль было бы расставаться с товарищем. В грустную минуту тянуло его к Гафиуллину. Сядут, помолчат или вспомнят Емельяна Вышкварцева, вспомнят бомбежку на Дону, переправу через почной Днепр.

При свете копчушки посмотрит Виктор на круглую, бритую голову старшины, на знакомый его профиль, и всколыхнется в душе горячая волна, всплывут перед глазами знакомые лица. Он даже сам заметил, что все чаще уходит мыслями в прошлое: или устал от пережитого, или

слишком много накопилось впечатлений, они шевелились, пытались уложиться в его переполненной памяти.

Обугленные мертвые леса без листьев, закопченные печные трубы, развалины, развалины без конца, голодные дети в темных подвалах — неужели это все позади? И вот уже чужая земля разворачивается по обе стороны дороги, земля, не тронутая войной, не опаленная огнем, замершая в ожидании: что будет?

Крестьяне в высоких меховых шапках, осторожно приближавшиеся к дороге, усатые румынские солдаты, чинившие мосты, босые женщины, выносившие советским бойцам воду и желтую мамалыгу на больших блюдах, — все они смотрели настороженно и вопросительно. Ведь пришли русские, те самые русские, с которыми румыны воевали под Одессой, в Крыму, под Сталинградом. Сколько ценностей, скота, зерна вывезено оттуда... Русских убивали и грабили. И вот теперь они здесь!

Как повелось на земле испокон веков? Око за око, зуб за зуб. За грабежи — грабеж, за насилие и убийство — той же монетой! Так было всегда, и вряд ли кто удивился бы, узнав, что армия-победительница предъявляет счет. Но удивление вызывалось совсем другим. Счета не было. Вместе с бойцами шли в колоннах войск политработники всех степеней, от полковых до армейских, помогали командирам следить за порядком, объясняли бойцам, что ответственность за преступления несет правительство Румынии, бояре и буржуазия, а не народ.

Организацией вступления советских войск в первую зарубежную столицу — Бухарест занимался сам командующий 2-м Украинским фронтом генерал армии Малиновский. Он даже был ранен, когда пролетал на легком самолете над территорией, занятой противником: торопился лично дать указания. Только опыт и мужество пилота спасли самолет и командующего от гибели.

Вечером 30 августа капитан Дьяковский ознакомился в штабе с приказом. В нем говорилось: «Вхождение в Бухарест провести организованно. Обозы пропускать только за городской чертой. Пехота,двигающаяся походом, должна иметь оркестры. Командиры полков, дивизий — впереди своих колонн на конях».

Этот приказ доставил Виктору много хлопот. Пришлось размещать на повозках не только грузы, но и легко раненных бойцов. Осталась с обозом вся пулеметная рота: ее

командира, старшину Гафиуллина, Виктор назначил старшим.

Гафиуллин очень жалел, что не увидит Бухареста: он не бывал еще ни в одной столице, даже областные города посмотрел, только попав в армию. Но идти после ранения он не мог. Дьяконскому тоже нельзя было шагать, но командир полка разрешил ему ехать верхом. Бойцы доставили капитану высокого белого коня.

В общем, в город Виктор ввел только ядро батальона, его ударную силу: купую колонну из ста пятидесяти стрелков и автоматчиков. Но поскольку в Бухарест вступала не дивизия, не корпус, а сразу несколько армий, поток войск был таким мощным и долгим, что пехоте пришлось полдня дожидаться очереди.

Открыла шествие 1-я румынская дивизия имени Тудора Владимиреску, сражавшаяся вместе с советскими соединениями. Потом пошла 6-я танковая армия, залязгали, загрохотали тяжелые и средние танки, поползли бронетранспортеры с бойцами, самоходные артиллерийские установки, двинулись тягачи и автомашины с орудиями. Над крышами с ревом промчались краснозвездные эскадрильи: полтысячи самолетов приняли участие в этом своеобразном параде.

Колонна пехоты, вытянувшаяся на многие километры, медленно двигалась по шоссе через пригороды. Сначала виднелись по обе стороны сады и парки за чугунными решетками. Среди зелени высились виллы, особняки, дачи. Потом потянулись пустыри, лачуги, хибары. Часто попадались на глаза ярко-желтые бензоколонки.

Дома становились все выше, и, наконец, шоссе превратилось в душный каменный коридор. Дальше дело пошло веселей. Усталые девчонки-регулирующие направляли поток по нескольким улицам и проспектам к центру. Под ногами валялись груды измятых, затоптанных цветов. На тротуарах шпалерами стояли толпы румын. Столько войск, столько техники увидели они за день, что доброжелатели утомились радоваться, а враги устали от негодования. И те, и другие были потрясены никогда раньше не виданной силой, мощью и организованностью прокатившейся мимо лавины. Но и это, оказывается, было еще не все. Царница полей, русская пехота еще только вступала в город.

Гремели духовые оркестры, музыканты играли без отдыха. Многие из них по месяцам не брали в руки инстру-

ментов, работали в похоронных командах. Теперь дорвались, дули в свое удовольствие, вышагивая в голове колонн. Невольно вспомнил Виктор о дружке своем, о Фокине Сашке. Вот о таком торжественном марше мечтал он, бывало, на берегу Упы или в лесу у костра. Не судьба, значит. Не ему, а другим ребятам довелось исполнять победную музыку!

Люди на тротуарах выкрикивали какие-то приветствия, иногда выбегали девушки, совали солдатам букеты, но пехота шла молча и строго. Усталая, пропыленная пехота с автоматами за спиной и гранатами на ремнях, с мешочками запасных дисков, со скатками плащ-палаток, с притороченными к ним котелками. Пехота-труженица в брезентовых сапогах и обмотках, в гимнастерках, выбеленных потом и солнцем, в орденах и медалях, завоеванных под Москвой, на Волге и на Днестре.

После рева моторов и лязга гусениц негромким и мало-внушительным казался шорох подошв. Не строевым шагом, не вытянувшись по ранжиру в идеальные ряды и шеренги, а просто походом двигалась пехота через этот город, как прошла уже через сотни других, оставив за собой тысячи километров. И тот, кто смотрел на эти молчаливые, привычные к маршам и сражениям колонны, тот понимал: поднимутся на пути скалистые горы, разверзнутся болота и пропасти, устанет и откажет техника, сломаются моторы, сгорит в жарком пламени любое железо, любая сталь, а пехота преодолет все! Пехота дойдет туда, куда ей прикажут!

* * *

Расторопный старшина Гафиуллин разыскал на юго-западной окраине города большую виллу с просторным садом. Бойцы расположились во флигеле, в деревянных пристройках. Люди разделлись и легли спать спокойно: на завтра объявлена была дневка.

В полночь Виктор, прихрамывая, обошел двор и парк, проверил посты. Предупредил солдат: здесь не фронт, но ухо держите востро, не забывайте, что находимся на земле недавнего противника. Тут всякое может быть.

Задержался на крыльце. Ночь по-южному темная, звездная и душная. В пыльном сухом воздухе появлялись вдруг освежающие прохладные струйки, приносившие запахи цветов. В парке, под черными купами деревьев, хрупали

овсом привязанные к повозкам лошади. Кто-то негромко ругался, беззлобно и длинно. Вдали протарахтела автоматная очередь. Гудели на дороге моторы. Снова автоматная очередь.

— Проверяйте посты каждый час, — предупредил Дьяконский дежурного лейтенанта. — В одиночку не ходите, только вдвоем.

Высокая массивная дверь мягко закрылась за ним. Электричество не горело: пожилой слуга в ливрее пошел перед капитаном со свечкой в руках. Ковровая дорожка сбегала сверху по ступеням лестницы. На повороте стояла статуя с отбитой рукой — копия Венеры Милосской. Поравнявшись с ней, Виктор улыбнулся: старшина Гафиуллин был возмущен, увидев в доме «голую бабу». Пришлось объяснить ему, что это — произведение искусства. Старшина сказал, понятно: у них в райцентре тоже есть такие произведения. Спортсменка в аллее поставлена. Но на ней полная форма одежды, никаких безобразий. В довершение всего Гафиуллин нахлобучил на голову Венеры свою фуражку, но Дьяконский велел снять.

Умотался Виктор за день так, что уснул на диване, накрывшись плащом, хотя слуга приготовил ему роскошную постель с чистыми простынями. Это удовольствие он отложил до следующей ночи.

Утром он долго мылся в ванне: дважды наполнял ее водой, и дважды она делалась черной. Въелась в кожу пыль фронтовых дорог Украины, Молдавии и Румынии.

Ванна была коротка для Дьяконского, он полулежал в ней, согнув колено левой ноги — оно торчало над водой острым углом. Правая нога, худая и длинная, свешивалась через край ванны: ее будто оттягивал вниз тяжелый набалдашник бинтов на ступне.

Старшина Гафиуллин успел ни свет ни заря выбрить голову, чем-то смазал ее — она сияла, как молодая луна. Подтащил к открытой двери ванной кресло и сидел разваливаясь: довольный, улыбающийся Герой двадцати одного года от роду, с тремя нашивками за ранение, с красными лычками на мятых зеленых погонах. Смотрел, как плещается Дьяконский, щурил черные плутоватые глаза, говорил с завистью:

— Вот, командыр, зарастет у меня кожа, и я в ванну залезу. Тебе ванна мала, а мне как раз будет. Я ведь в ваннах еще не сидел, а тут посижу. Чудно, точно?

— Обыкновенно, — пожал плечами Дьяконский. — У нас в Москве ванна была.

— А кинотеатр у тебя дома был? Не было кинотеатра у тебя, командыр. А у этой хозяйки прямо в доме зал мест на двадцать. Крепко живут буржуи... Ты шевелись, командыр, хозяйка без тебя завтракать не садится.

Гафиуллин раскрыл чемодан, выложил перед Виктором белый офицерский китель с золотыми погонами, отглаженные галифе и майку с трусами. Майка тоже была белая и вроде бы шелковая.

— Где взял? — спросил Виктор.

— Вчера в ларьке в каком-то.

— Заплатил? — Дьяконский так взглянул на Гафиуллина, что у того враз сбежала с лица улыбка.

— Товарищ командыр! Зачем упрекаешь? Я тоже политику понимаю! Майку брал, деньги давал. Я сам агитатор, сам инструктаж проходил. Этот торговец деньги брать не хотел. Я даю, а он назад. Кричит, руками махает. Я тогда автомат наставил и сказал: бери, спекулянт, курва, а то сейчас в ящик сыграешь! Он сразу деньги схватил. Так что не беспокойся, командыр, все в порядке, — серьезно закончил Гафиуллин, а в глубине его прищуренных глаз прыгали веселые чертики.

— Значит, ты и распоряжение выполнил, и моральное удовлетворение получил? Но не злоупотребляй, старшина. Я никакого пятна не прощу. Даже тебе, по старому знакомству.

— Знаю, командыр, — кивнул Гафиуллин. — Но я у того торговца самовар видел. С тульским клеймом. Это как?

— А никак. Правительство разберется и, если нужно, возьмет контрибуцию.

— Я, командыр, такого не понимаю. А вот торговец теперь меня дураком считает, и я его понимаю. Русский человек хороший, только больно добрый для всех. Его обидят, а он забудет, простит. А татарин какой? Татарин для друга сердце вырежет и отдаст. Но если обидят — не подходи. Сто лет злость помнить будет.

— Ну, вот и учись у русских доброте.

— А русский пускай учится злым быть.

— Тут не в злости дело, — поморщился Виктор. — Я с тобой согласен вот в чем. Если тебя ударили палкой — ударь противника, чтоб неповадно было. Но в армии

нельзя допускать ни малейшего мародерства, разврата, самовольства. Иначе начнется разложение, упадет дисциплина, армия превратится в кучу разбойников. А такие армии не побеждают. Это тебе ясно?

— Да, командыр. Мне это ясно, и я сам заплатил деньги тому румыну. А теперь ты одевай майку и пойдем к графине пить чай. Я еще ни разу не пил чай с графинями.

Дьяконский натянул вычищенные до блеска сапоги, застегнул на все пуговицы белый китель. На ходу, искоса глянул в большое трюмо и остановился: впервые он испытал удовольствие, видя самого себя, любовался собой даже с некоторым удивлением. Неужели этот высокий офицер, на плечах которого золотые погоны, этот чистюля-военный с тонкими длинными пальцами, с насмешливым холодным взглядом — неужели это тот самый Виктор, который валялся раненный, полусасыпанный песком на дне окопа где-то на берегах Десны и держал в руке старую отцовскую бритву, чтобы полоснуть по своему горлу, если появятся немцы? Неужели это он, изможденный и обмороженный, на карачках полз по степи навстречу бурану, навстречу ветру, падал лицом в снег и снова полз, чтобы опередить фашистов, чтобы раньше их выйти на берег Мышковы...

Виктор и еще постоял бы возле зеркала, разглядывая себя, но было неудобно перед Гафиуллиным. Медленно поворачиваясь через левое плечо, он увидел на стене большие часы и вспомнил: сегодня первое сентября! Сегодня начало занятий в школе! А Василиса писала, что в этом году у нее педагогическая практика! Может, вот сейчас, сию минуту входит она в класс, волнуясь и робея. Какая она, в чем одета? Не в домотканом же платье с васильками по подолу, которое так нравилось ему?! Наверно, Василиса в городском платье, и он совсем не может представить ее. Только смутно: короткие косички с красными бантами, мягкий овал лица, просторная кофточка и по-детски длинная шея. Но ведь это было три года назад!

— Гафиуллин, выясни, можно ли послать отсюда телеграмму домой, в Союз.

— Все можно, командыр. Если очень надо — в штаб поеду, генерала просить буду.

Да, Гафиуллин сделает, найдет дорогу на узел связи. А Василисе будет приятно получить поздравление.

Занятый мыслями о ней, Виктор вошел в столовую,

рассеянно представился невысокой даме с большим декольте и сел на стул, подвинутый лакеем. Дама была сравнительно молода, не старше тридцати, смугла и привлекательна. Очень подвижное лицо ее выражало то восторг, то удивление, то неподдельную грусть. Она говорила по-немецки, восхищалась русским балетом, который никогда не видела, и вообще несла чепуху, кокетливо поглядывая на капитана. А Дьяконского раздражала ее болтовня, требовавшая внимания.

Потом его развеселил Гафиуллин. Еды на столе было мало. Яйца в специальных подставочках, салат и кофе. Зато посуды — великое множество. Старшина не знал, для чего служат все эти ложки, тарелки, вилки, за что браться в первую очередь. Он искоса следил за Дьяконским и точно повторял все его действия. Виктор нарочно три раза посолил свое яйцо. Гафиуллин сделал то же самое, а потом съел маленькой ложечкой, даже не поморщившись. Надежный товарищ! Такой нигде лицом в грязь не ударит!

Дама пригласила капитана осмотреть виллу, доставшуюся ей по наследству. Виктор поблагодарил и сказал, что с ее согласия они сделают это позже. Если будет время. Ему не хотелось слушать ее болтовню. И слишком уж кокетливо поглядывала на него дама, слишком жеманно поводила обнаженными плечами. Виктор знал, что скоро его вызовут в штаб и, наверно, на целый день. А пока надо было составить телеграмму, посмотреть последнюю сводку информбюро.

Он сидел тут же, в столовой, в кресле возле низкого столика. Гафиуллин, галантно улыбаясь и краснея, беседовал за столом с дамой на чудовищной смеси русско-румынско-немецкого языка, дополняя свою речь жестами. А дама отвечала ему, но поглядывала на Виктора.

— Очень понравился ты ей, командыр, — сказал Гафиуллин, когда хозяйка вышла. — Она говорит, что ты настоящий аристократ.

— Объясни ей, пусть не старается. Мы и без ее комплиментов ничего не тронем и никого не обидим. Объясни, если сможешь, — усмехнулся Виктор.

— Смогу, — сказал Гафиуллин. — Но лучше объясни сам. Ей приятно говорить с тобой. Она вдова, а ты сегодня молодой и красивый и с золотыми погонами. Доставь ей удовольствие.

— Катись ты ко всем чертям! — добродушно ругнулся

Виктор. — Не скаль зубы, допивай кофе и учти, что яйцо не обязательно солить три раза. Просто по вкусу.

— Я уже догадался, командыр. У меня запершило в горле. Но я выдержал.

— Ты молодец, — похвалил Дьяконский и развернул карту Европы, которую постоянно носил теперь в полевой сумке. Нанес красным карандашом несколько черточек. Польша, Восточная Пруссия. Линия фронта неуклонно приближалась к Гумбиннену, к тому самому немецкому городу, в районе которого разыгрывал отец Виктора учебные бои со своими слушателями — академиками. Большая карта лежала на полу в кабинете отца, и Виктор, ползая по ней на коленях, подавал заточенные карандаши. Тогда он сказал, отвечая на вопрос отца, что от нашей границы до Гумбиннена можно пройти за сутки. Отец посмеялся: такую ошибку допускает не только сын, даже в академии есть слушатели, которые готовы врага шапками закидать.

И вот теперь какие-то генералы ведут свои войска к границе Восточной Пруссии, ведут их на Гумбиннен. Как знать, может, среди этих военачальников есть и те, кто штурмовал город на карте, под руководством комдива Дьяконского. Ну, что же, полученные в ту пору знания помогут им избежать ошибок, уменьшат жертвы. Виктор подумал, что, хоть отца давно нет в живых, он все-таки воюет с немцами своей теорией массированного использования танков; воюет с врагом те люди, которых комдив Дьяконский обучал и воспитывал.

15

От мелкого дождя запотевали, туманились стекла бинокля, Альфред то и дело протирал их носовым платком. Унылый однообразный пейзаж простирался вокруг. Пожелтевшие поля, песчаные залысины, редкие одинокие сосны. Даже парки-лесочки геометрически-правильной формы, с красными черепичными крышами среди зелени, не оживляли окрестность. Очень уж аккуратными и скучными были они.

Утром, догоняя наступавшие части, начальник оперативного отдела штаба артиллерии армии майор Ермаков пересек границу Германии и въехал на территорию Восточной Пруссии. А вернее сказать, не въехал, а вошел.

Специально вылез из машины, хотел оглядеться, подумать. Но общий поток подхватил и понес его на свежий, пахнувший смолою, деревянный мост.

Сколько лет ждали люди этого события, ждали, как великого праздника, но внешне никакого торжества, никакой помпы не было, вероятно потому, что передовые части пересекли границу двое суток назад, а теперь шли тылы и обозы.

Группа офицеров, пустив по кругу фляжку, чокалась алюминиевыми кружками. Саперы под руководством капитана-политотдельца устанавливали возле моста большой щит с каким-то рисунком и с надписью: «Вперед! — логово фашистского зверя!»

Альфред сел на старое сырое бревно, закурил не спеша. Мог же он, черт возьми, позволить себе удовольствие отдохнуть тут сколько хочется. Рядом с ним, спросив разрешения, пристроился пожилой солдат-пехотинец, сутулый и рябоватый. На ногах облепленные грязью ботинки, туго накрученные обмотки, а через плечо перекинуты валенки, тоже какие-то рябоватые, серые с черным. Солдат, видно, был предусмотрительный: на улице октябрь, впереди зима.

Сидели рядом, майор и рядовой, молча курили махру. Потом солдат вздохнул и сказал:

— Помирать теперь страшно. В чужой земле косточки погниют...

Встал, поправил вещевой мешок и автомат, низко, в пояс, поклонился востоку и трижды осенил себя крестным знаменем.

— С богом, товарищ майор. Разрешите иттить?

Альфред пожелал ему обязательно дожить до победы и проводил сутулого пехотинца долгим взглядом. На душе было светло и немного грустно. Он наклонился за плащ-палаткой и только тут увидел, что сидел на старом пограничном столбе, с которого слезла почти вся краска. Может, у этого столба начался самый первый бой на рассвете 22 июня?.. Альфред подумал, что обязательно напишет стихотворение о пожилом пехотинце, о прощании с родной землей.

И вот теперь он изучает с наблюдательного пункта оборону противника. Фашисты закрепились на гребне высот. У них там заранее подготовленная система траншей, блиндажей и дотов, минные поля и проволочные заграждения. И людей у них достаточно, к воинским частям

присоединились жители окрестных немецких городов, способные держать оружие.

Командующий армией приказал взломать вражескую оборону, открыть путь к важному опорному пункту, городу Гумбиннен. Атака назначена на утро. Но какими силами наступать? Альфред знал, что пехота, не получавшая пополнения с весны, совсем измоталась. Сегодня он еще раз убедился в этом и был просто поражен, до чего живуч и гибок военный организм.

В минувших боях после больших потерь две-три обескровленные роты сливались в одну. Потом начали сливать батальоны. Месяц назад в полках вместо трех оставалось по одному стрелковому батальону. А теперь в дивизии, куда приехал Альфред и которая завтра должна начать наступление, насчитывалось всего 1400 человек. Сохранились штабы, артиллерийские и минометные батареи, сабат, обозы, тылы — то есть те подразделения, которые не принимали непосредственного участия в атаках, в штурмах. А пехота была сведена в один стрелковый батальон. 350 активных бойцов на всю дивизию! Из них больше половины тыловиков и нестроевиков, которых удалось наскрестить при последней чистке вторых эшелонов.

Конечно, придет пополнение, вновь развернутся батальоны и роты, вновь дивизия станет большим полнокровным организмом. Но сейчас практически наступать некому. А взять высоты необходимо. Завтра утром приказ командующего поднимет в атаку триста пятьдесят пехотинцев. Ну, может, присоединят к ним еще человек восемьдесят разведчиков, связистов, обозников. А у немцев на этом участке полторы тысячи солдат, пулеметы, орудия. Цепь наступающих сразу ляжет.

Даже если силы будут равны, даже если атакующие будут иметь значительное превосходство, все равно высоты взять трудно. Пологий склон далеко просматривается и простреливается. Наши окопались в километре — в полутора от гребня. Перед броском в атаку нужно сблизиться с противником. А как это сделать на открытом месте?

Но высоты приказано взять, приказано открыть дорогу на Гумбиннен. Главную роль в этом должна сыграть артиллерия. И вот майор Ермаков неуклюже топчется в тесном командном пункте рядом с измученным полковником, у которого один глаз закрыт черной повязкой, а другой красен от недосыпания. Потолок у КП низкий, Альфред

задевает его головой. Сверху за шиворот текут холодные неприятные струйки песка.

Что же все-таки делать? Предположим, что по немецким позициям ударит вся артиллерия, которую успеют подтянуть. Снарядов хватит на полчаса напряженной работы. Это не так уж много, особенно если учесть, что система вражеского огня вскрыта слабо.

Артиллеристы, конечно, постараются. Необходимо, чтобы прибыл дивизион новых 152-миллиметровых гаубиц. Ему будет поручена контрбатарейная борьба, разрушение выявленных дотов и кирпичных построек. По тем целям, которые за гребнем, ударят минометы. Ими Альфред займется сам. В душе он так и оставался минометчиком и больше всего привязан был к этому виду оружия, особенно к могучим 160-миллиметровым трубам новой конструкции. Они способны были бросать сорокакилограммовую мину больше чем на пять километров. Траектория крутая, мина взлетает очень высоко, а потом падает вниз почти отвесно, разрушая начисто дерево-земляные сооружения и живую силу. От такой мины не укроешься ни за гребнем, ни за высокой стеной, ни в глубокой траншее.

План артиллерийского наступления в общих чертах ясен. Обычная схема, ничего нового в таких условиях не придумаешь. Но вот отгремят пушки, а потом? Потом, вероятно, получится скверно. Подавить полностью вражескую оборону артиллеристы не в состоянии. Если они разобьют два дота, две пулеметные точки из трех, это будет замечательно. Но уцелевшие фашисты опомнятся от потрясения и бросятся к оружию. Пока советская пехота движется по голому склону, накапливаясь для броска в атаку, фашисты расстреливают ее прицельным огнем.

Значит, обычная схема не приемлема. Пехота должна ворваться в траншею сразу, едва артиллеристы перенесут огонь в глубину, пока немцы не очухались, не ухватились за свои пулеметы. Но для этого пехота должна вплотную прижаться к огневому валу, который не разбирает, кто свой, кто чужой. Пехота должна быть не только опытной, но и смелой.

Полковник с завязанным глазом понял Ермакова с полуслова, и Альфреду показалось — обрадовался.

— Мы пошлем в цепь всех офицеров, — сказал полковник усталым дребезжащим голосом. — У нас есть штабы трех полков. Мы пошлем их. — Добавил, будто оправды-

ваясь:— Взять высоты необходимо. Может, это последнее, на что мы сейчас способны, но мы это сделаем. Я поддержу вашу идею.

Полковник тотчас начал звонить в штаб корпуса. А Ермаков скорее поехал назад, чтобы доложить командующему артиллерией армии план, подготовить оперативные документы, поторопить с выдвижением на огневые позиции минометчиков и пушкарей.

Да, в чем другом, а в идеях у Альфреда не было недостатка. Иногда становилось даже обидно: люди получали награды за мужество и героизм, а он вроде бы только за смекалку. Вот и четвертый орден ему дали не за подвиг, а за «важное предложение, которое способствовало прорыву обороны противника с меньшими потерями»,— как было сказано в наградном листе.

Это, конечно, верно. Альфред видел с наблюдательного пункта, как прошел бой. Едва замолотили по немецким позициям снаряды и мины, загнав фашистов в укрытия, разрушая их укрепления, как из окопов поднялась жиденькая цепочка нашей пехоты. Она подтянулась на двести метров к стене разрывов, скрылась там в дыму и в пыли. Некоторые наши снаряды падали с недолетом, в цепи были жертвы. Но они, как выяснилось потом, насчитывались единицами.

Зато едва лишь артиллеристы сняли с гребня огонь, пехота рывком преодолела оставшееся пространство, не встретив никакого сопротивления. Оглушенные, подавленные, немцы еще только вылезали из укрытий, а советская пехота уже захватила траншеи.

Да, атака прошла очень удачно. И все-таки Альфреду было немного обидно, что его наградили даже не за умелую организацию этого боя, а только за «важное предложение».

Вскоре в армию поступило распоряжение перейти к обороне. Линия фронта стабилизировалась до зимы.

Взять Гумбиннен так и не удалось. Но зато немцы сидели теперь внизу, на голой равнине, которая просматривалась километров на десять, и несли потери от нашего огня. А советские войска, заняв господствующие высоты, пополняли и переформировывали свои части, подвозили вооружение и боеприпасы, готовясь к большому новому наступлению.

В первых числах октября Ольга получила предписание явиться в часть. Вернулась из военкомата, положила на стол бумаги, а сама отошла к печке, подняв на руки бросившегося к ней Николку.

Антонина Николаевна отодвинула в сторону ученическую тетрадь, поправила пенсне и осторожно, двумя пальцами, взяла предписание. Читала спокойно. Она вообще последнее время стала равнодушной и к себе, и к тому, что делалось вокруг. Оживала и радовалась только тогда, когда приходили письма от Славки, да еще тревожилась, если заболели дети.

Закончив читать, она даже не посмотрела на Ольгу. Глядя в окно, сказала ровным голосом:

— Ну что же, отправляйся, удерживать не могу. Пока я жива, за Николку не беспокойся. И помни: ты нам родная, наша дверь всегда для тебя открыта...

— Спасибо, — наклонила голову Ольга.

— Вот не пойму только, когда ты успела с Порошиным стакнуться, — продолжала Антонина Николаевна, упорно глядя на грязную дорогу, с пестревшими на ней кленовыми листьями. — И пробыл-то он у нас всего двое суток...

У Ольги к щекам прихлынула кровь, но ответила сдержанно:

— Я попросила — он обещал.

— Ну и хорошо! — произнесла Марфа Ивановна, стоявшая на пороге, плечом к косяку. — Человек он степенный, в возрасте, и не пьет как будто...

— Да вы что? — рассердилась Ольга. — Замуж меня выдаете, что ли? Я на фронт еду! Понимаете? На войну!

— И-и-и, ясочка ты моя! — только и сказала ей в ответ бабка, с печальной улыбкой глядя, как обнимает и целует Ольга своего сына.

На сборы Ольге хватило одного дня. Брала с собой что похуже. Остальные вещи пусть обменяют на базаре: за зимнее пальто вполне можно взять два мешка картошки. И платья нечего жалеть, и костюм. Будем живы — будут и вещи.

Рано утром, пока дети еще спали, Ольга быстро позавтракала на кухне, оделась и взяла чемодан.

С бледным, окаменевшим лицом отошла она от кровати сына. У порога задержалась, повернула было назад, но

Марфа Ивановна стала у нее на пути: «Не надо! Разбу-дишь!»

Потом, прикрыв дверь и держа Ольгу за рукав, объяс-нила ласково:

— Ты за него не болей, не первый он на моих руках, сама знаешь. Ты себя на будущее береги. Николка-то ма-ленький еще, а я ведь не вечная. Думай о нем, ты за двух живешь.

Антонина Николаевна на прощанье обняла Ольгу, ткну-лась в щеку губами, сказала коротко:

— Надеюсь, на фронте от тебя будет польза.

За спиной Ольги знакомо скрипнула дверь. В лицо хлестнул сырой ветер. Невидимые в темноте, печально шумели ветви старой березы. Ольга погладила мокрый корявый ствол, последний раз посмотрела на окна. Толь-ко в одном из них неярко светил огонек.

* * *

От Минска до Бреста Ольга доехала в воинском эпе-лоне, но дальше на запад поезда еще не ходили. Помощ-ник коменданта станции повертел в руках предписание, смотрел не столько на документ, сколько на молодую жен-щину в узком коротком пальтишке, с непокрытой головой. Сказал, улыбаясь:

— Хозяйство Порошина?! Знаем, знаем такое. Одну минутку, сейчас выясню.

Помощник коменданта позвонил куда-то, спросил, гру-зятся ли на складе машины от Порошина. Потом помощ-ник отправился сам провожать Ольгу, хотя мог бы послать кого-нибудь из солдат.

От вокзала повернули вправо, пересекли железнодоро-жные пути. Офицер что-то рассказывал, сам смеялся своим шуткам, а Ольга вежливо улыбалась, почти не слу-шая. Она смотрела на груди обгоревшего кирпича, на ого-ленные каштаны и думала о том, что когда-то здесь слу-жил Виктор, видел эти каштаны цветущими, а здания це-лыми, не тронутыми войной.

Помощник коменданта оказался таким любезным, что сам поговорил с начальником автоколонны и даже помог Ольге забраться в кузов высокого крытого грузовика.

Машины тронулись ночью. Грязную разбитую дорогу прихватило морозцем, грузовики медленно ползли по уха-

бам, качаясь, как на волнах. Ольга, забившись между мяг-кими мешками, то задремывала, то просыпалась от толч-ков. Мысли ее каждый раз возвращались к одному и тому же: к предстоящей встрече с Прохором Севостьяновичем.

Собственно говоря, Порошин выполнил свое обещание, вызвал Дьяконскую в действующую армию. В его гене-ральские обязанности не входит встречаться и беседовать со всеми вольнонаемными сотрудниками. Но с другой сто-роны, Ольга не просто одна из его многочисленных подчи-ненных. Порошин знал ее мужа, был в их семье, носил на руках ее сына. Тогда, в Одуеве, она поняла, что нравится Прохору Севостьяновичу. Может, это было только увле-чение одного дня?..

Во всяком случае, спасибо ему за вызов!

На рассвете машины въехали в лес. Грузовики один за другим сворачивали на просеки, на едва заметные дорожки, уводящие в чащу. Колонна быстро растаяла.

Ольгу высадили на большой поляне с десятком кир-пичных домиков. Вдоль опушки виднелись крыши земля-нок, из жестяных труб тянуло теплым дымком.

Подошел какой-то офицер с повязкой на рукаве, взял документы Дьяконской. Бумаги оставил у себя, а Ольге велел идти в крайний дом слева, где жили женщины.

В доме было жарко, держался странный запах таба-ка и духов. Несколько коек оказались свободными. На од-ной не было даже одеяла, только матрац и подушка без наволочки. Ольга сняла пальто, боты и прилегла на эту постель.

Несколько суток она дремала урывками, сидя, кое-как. А тут вытянулась и заснула настолько крепко, что ни-чего не слышала и открыла глаза только в десять утра, когда все ее соседки уже ушли. На столе, прикрытая сал-феткой, стояла кружка с молоком, а рядом — ломоть хле-ба. Ольга догадалась, что это для нее.

Она разыскала умывальник, потом достала из чемода-на зеркальце и задумалась: что же делать с волосами? Отрезать — жалко. Больше никогда уже не вырастут та-кие длинные и густые. А оставить — замучаешься. Есть ли тут возможность мыть их, сушить, расчесывать?

Ольга машинально отламывала кусочки хлеба, запивая холодным молоком. Ну, хорошо, как поступить с волоса-ми, будет видно. А сейчас? Сидеть ждать или идти в штаб? Но зачем, документы-то там?!

Она решила выйти наружу и осмотреться на первый случай. Взяла с койки свое порыжевшее пальтишко. Но в это время в сенах раздался топот ног, громкие голоса. На стук в дверь она ответила: «Можно, входите».

Дверь открылась, Ольга увидела дежурного офицера с повязкой, а следом за ним быстро вошел Прохор Севостьянович в распахнутой шинели, веселый, румяный от холода. Бросил на стол папаху, протянул Ольге обе руки:

— Ну, здравствуйте! Намучились за дорогу? А я как раз сегодня хотел машину послать, раньше не ждали! Дома-то как? Николка здоров? Наверно, тоже просился с фашистами воевать?..

— Просился,— сказала Ольга, смутившись от того, что тяжелые руки Порошина легли на ее плечи. Больше она ничего не могла произнести, потому что Прохор Севостьянович говорил сам, и еще потому, что ей стало вдруг так хорошо, что повлажнели глаза, и она старалась сдерживать слезы, не показывать свою слабость.

17

Перед выпускными экзаменами Славка налег на учебу, получил пятерки по специальным предметам, по уставам и даже по строевой подготовке. Кто-то сказал, что десяти лучшим курсантам предоставят право выбирать флот, вот Булгаков и старался. Но все это оказалось пустой болтовней.

Выпускников построили в длинном сумрачном коридоре. Басовитый мичман читал по списку фамилии, вызванные ребята отходили в сторону. Команда номер один была совсем маленькой: человек десять. Вторая побольше, третья вобрала в себя целую смену. Строй постепенно редел, а Славкину фамилию не называли. Наконец мичман объявил, что все оставшиеся числятся в команде номер шесть. Отправка послезавтра. А сейчас — р-р-разойдись!

Шестая команда оказалась самой большой: около пятидесяти выпускников. Ребята потолковали и решили: повезут либо в спецкоманду, либо на самый боевой флот, раз столько народу.

Через двое суток, ночью, молодых матросов посадили в старый пассажирский вагон, холодный и грязный. Слав-

ка едва успел расположиться на верхней полке, как застучали колеса. Сосед, утнездившийся этажом ниже, рассуждал вслух:

— С Ярославского едем. Не иначе, на север. Как до Вологды дотюкаем, так и ясно будет. Если прямо — то на Архангельск. Если влево — на Ленинград.

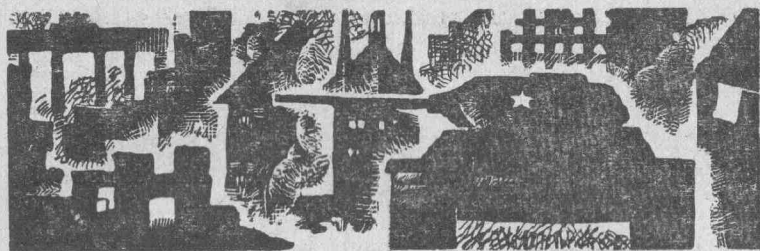
— Балтика все-таки лучше, теплей на Балтике, — сказал Славка. — Спать давай, завтра узнаем.

Наутро, устроив переключку, мичман объявил зычно и весело:

— В хорошем месте службу начнете, океанской водички попробуете! Во Владивосток едем!

У Славки даже ноги мягкими стали в коленях от такой новости. Ну и ну! Оттуда домой не вырвешься, на побывку не съездишь!

Огорченный, залез на полку, повозился, устраиваясь на жестком ложе. За окном тянулись мокрые поля, проносились оголенные, почерневшие от влаги деревья. Славка начал было подремывать и вдруг подумал: а ведь это неплохо! Владивосток — это не фронт, бомба в башку не стукнет. Он один мужчина в семье, ему жить надо, малышей на ноги ставить. А на востоке как раз никакого риска! Во всяком случае, мама и бабушка волноваться не будут. Надо скорей сообщить им, что едет он не навстречу опасности, а в спокойную даль!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Молодых солдат 1927—1928 года рождения, весь контингент последнего призыва, Гитлер приказал передать в распоряжение Западного фронта. Фюрер считал, что на востоке установилось затишье, русские выдохлись и будут накапливать силы для следующего рывка. К тому же на востоке еще имеется территория, позволяющая маневрировать, а на западе американско-английские войска подошли вплотную к важнейшим экономическим районам Германии.

Врагов следует бить поодиночке: фюрер дал указания подготовить и нанести решительный удар на западе, сбросить там противника в море, а потом взяться за русских. Конечно, Гитлер не рассчитывал теперь на победу, он надеялся достичь либо почетного мира, либо временной передышки, чтобы поправить свои дела.

Ведя войну на два фронта, Гитлер знал, что в случае проигрыша ему не будет пощады ни с той, ни с другой стороны: он был воплощением величайшего зла и для запада, и для востока. У него остался единственный выход: сражаться, очертя голову, до последнего шанса.

Но Гейнц Гудериан и многие другие генералы и высокопоставленные чиновники, окружавшие фюрера, рассуждали иначе. Русские — это полный крах, это гибель. А с американцами можно договориться, можно найти какое-то компромиссное решение.

Оборона на Восточном фронте, забота о бронетанковых силах, деятельность Генерального штаба — вот что состав-

ляло теперь смысл и содержание жизни генерал-полковника Гудериана. Но свою работу он подчинил одной цели: старался наглухо запереть восточные ворота. Американцы должны прийти раньше русских! — это стало его тайным девизом. И он делал для этого все, что мог, даже если его действия противоречили указаниям фюрера.

Когда вопрос об использовании солдат последнего призыва был окончательно решен в пользу Западного фронта, Гудериан внес предложение создать в восточных провинциях фольксштурм. Генерал помнил, как сражались в сорок первом году русские народные ополченцы, сколько неприятностей доставили они немецким войскам в районе Смоленска, под Тулой и под Москвой.

Гудериан предложил вооружить стариков, подростков, инвалидов. Пусть русских встретит огнем каждый дом. Это возместит в какой-то степени недостаток резервов. Гитлер согласился с такими доводами. Созданием и обучением фольксштурма занялись непосредственно партийные боссы. А начальник Генерального штаба позаботился о том, чтобы в каждом батальоне имелись опытные инструкторы из числа бывалых солдат, чтобы ополченцы получили оружие и боеприпасы.

Единственный из генералов, Гудериан открыто и категорически возражал против наступления на западе, в Арденнах. Это приведет только к трате сил и приблизит кризис. Но Гитлер не согласился с ним.

После того как фюрер перевел свою ставку в Берлин, генерал-полковник почти ежедневно бывал у Гитлера с докладом, и каждый раз между ними завязывались горячие споры. Фюрер прощал Гудериану вспыльчивость и даже грубость, так как видел в нем своего единомышленника, попутчика до конца. А в глазах генерала Гитлер быстро терял ореол величия и гениальности, окружавший его до сих пор.

Фюрер сутулился, походка его стала вялой, движения медленными. После покушения у него подергивалась не только левая рука, но и вся левая половина туловища. На сером, аскетическом лице — большие выпученные глаза, часто загоравшиеся злобой: при этом щеки его покрывались красными пятнами.

Он очень мало спал, потреблял большое количество возбуждающих средств, совершенно перестал выходить на воздух, потому что при ярком свете у него болели глаза.

Он предпочитал сидеть, придерживая правой рукой левую вздрагивающую руку. Лишь в порыве гнева вскакивал и бегал по комнате — вспышки ярости доводили его до изнеможения.

Внешне фюрер выглядел плохо, однако энергия его почти не уменьшилась. Не ослабевали его воля и дикая ненависть к военным противникам, к внутренним врагам, к коммунистам. Иногда Гудериану казалось, что фюрер ненавидит даже немцев, тех самых немцев, для блага которых начал он всемирную битву, которые умирали за него на многочисленных фронтах.

Не доверяя генералам, Гитлер сам пытался вникать во все мелочи, руководить всеми военными событиями. В ноябре 1944 года Гудериан предложил новую, более гибкую оборонительную тактику для Восточного фронта. Километрах в 20-ти от первой полосы обороны следует возводить сильные, хорошо замаскированные позиции. Противник длительное время готовит наступательную операцию, подтягивает артиллерию, подвозит массу боеприпасов, выявляет цели. И вот непосредственно перед началом артиллерийской подготовки немцы быстро отведут основные силы на вторую полосу обороны, оставив на первой лишь небольшое прикрытие.

Удар противника придется почти по пустому месту. Враг израсходует десятки или даже сотни тысяч снарядов, вся его тщательно налаженная машина сработает вхолостую. Он наткнется на новую оборонительную полосу и вынужден будет остановиться, готовить новое наступление.

Выслушав Гудериана, фюрер сказал, что это авантюризм. У русских неплохая разведка. И вообще он не позволит без боя оставлять территорию глубиной в 20 километров. Таким образом можно в несколько приемов пустить русских в Германию. На это Гудериан ответил: будет хуже, если противник прорвет линию фронта и хлынет вперед лавиной, как это произошло летом. Фюрер не уделяет должного внимания главной опасности, грозящей с востока. А между тем на Восточном фронте, в полосе, протяженностью 1200 километров, имеется только 12 резервных дивизий. Они не смогут ликвидировать прорыв.

— Раньше мы не имели и таких резервов, — сказал Гитлер.

— Раньше была другая обстановка, — решительно

возразил генерал. — Теперь русские стали гораздо сильнее.

— Что вы меня поучаете! — вспыхнул фюрер. — Я командую германскими сухопутными силами на фронтах уже пять лет, я накопил за это время такой практический опыт, какой господам из Генерального штаба никогда не получить. Я больше в курсе дела, чем все остальные. Вы обязаны подчиняться мне. Иначе я прикажу арестовать тех ваших сотрудников, которые плохо влияют на вас!

Это была явная угроза, и генерал смолк, почтительно наклонив голову. Ну, что же. Фронтовые генералы все равно поступят так, как подскажут обстоятельства. Но в случае неудачи у Гудериана будет козырь для оправдания. Перед фюрером и перед историей.

К удивлению генерал-полковника наступление в Арденнах началось вполне успешно. 16 декабря, в холодный туманный день, немцы неожиданно обрушились на позиции американцев. И те, впервые за время войны получив сильный удар, побежали в панике, бросая технику, не оказывая организованного сопротивления. Немецкие танки и мотопехота гнались за ними, захватывая богатые трофеи и множество пленных, особенно негров. Американцы, как и англичане, старались по возможности беречь своих безлокожих сограждан.

К 20 декабря немецкие войска расширили прорыв до 100 километров по фронту и до 50—60 в глубину. Лишь ценой огромного напряжения, сняв войска с других участков, американцам и англичанам удалось остановить наступающих. Однако через неделю союзники получили новый удар, на этот раз под Страсбургом, где откатились на 30 километров. Командующий 3-й американской армией генерал Д. Паттон записал 4 января 1945 года в своем дневнике: «Мы еще можем проиграть эту войну!»

— Американцы?! — выкрикивал Гитлер, бегая по кабинету во время очередного доклада. — У них десятикратное превосходство в воздухе, у них в шесть раз больше танков, а они удирают, словно стая трусливых кроликов! Это не солдаты, а торгаши! О, как бы я разделался с ними, не будь у меня за спиной русских!

— В этом все дело, мой фюрер, — вмешался Гудериан, не одобрявший активных действий на западе. — Пользуясь случаем еще раз напомнить, что русские готовятся к большому наступлению. По данным разведки, они нанесут удар не позже, чем в феврале.

— Нет! Я не верю в это! — возразил Гитлер, опустившись на подвинутый ему стул. — Советские руководители достаточно разумны! Три года американцы и англичане не высаживались в Европе, наблюдая, как сражаются немцы и русские. Три года они сохраняли своих людей, сохраняли свои силы, рассчитывая явиться к концу и диктовать свои условия. А теперь русские имеют превосходную возможность отплатить им той же монетой. Русские будут смотреть, как мы погоним их союзников обратно в Нормандию, будут ждать, чтобы мы ослабили свой фронт на востоке. Союзники отделялись обещаниями три года. Русские могут теперь позволить себе подобное удовольствие хотя бы на три месяца.

— Не вижу, какую выгоду это принесет нам, мой фюрер!

— Я всегда повторяю, что мои генералы ничего не понимают в политике! Мы перессорим русских с союзниками, это самое главное. Заклучим мир с одной из сторон, и тогда посмотрим, как поступить дальше!

Фюрер умел говорить страстно, умел убеждать. Даже Гудериан, отличавшийся рассудочностью и трезвостью взглядов, давно уже критически воспринимавший рассуждения и планы Гитлера, — даже Гудериан иногда начинал верить ему, слушая его горячие речи. Ведь Гудериану, как и фюреру, тоже хотелось уцепиться за какую-нибудь надежду!

Действительно, американско-английское командование было так напугано двумя ударами немцев, что сразу взмолило о помощи. Премьер-министр Англии Черчилль обратился к Советскому правительству с официальной просьбой, как можно скорее начать наступление на востоке и спасти союзников от нависшей угрозы.

Получив тревожное послание, советские руководители не заняли выжидательную позицию, не дали возможности фашистам бить союзников, сберегая советских людей и технику. Добросовестно выполняя союзнический долг, Советское правительство сделало даже больше того, на что рассчитывали американцы и англичане. Советские войска получили приказ двинуться вперед ранее намеченного срока, хотя подготовка к боям была еще не завершена.

12 января 1945 года загрохотали орудия на широком фронте от Балтики до Карпат. Десятки армий, миллионы бойцов устремились на запад. Оборона немцев была прор-

вана во многих местах. Чтобы заткнуть возникшие дыры, фашистам пришлось снять дивизии с западного фронта. Американцы и англичане сразу почувствовали резкое облегчение.

2

После долгого марша и нескольких стычек с отходившими немцами, танковая бригада остановилась на дневку в полусторевшем польском селе. Иван Булгаков только намерился сделать обеденную закладку в котел, как явился Лешка Карасев, разодетый будто на праздник. Белый козий полушубок чище, чем у штабного писаря. Под растегнутым воротом сияют пуговицы гимнастерки. Вместо засаленного танкошлема — сизая шапка-ушанка, под которой наглухо скрыт рыжий чуб.

— Вот что, Иван, пошли со мной на собрание, — строго сказал Карасев. — Сегодня меня из кандидатов в члены принимать будут.

— Ну и хорошо, ни пуху тебе, ни пера, значит! — ответил Иван. — А я-то тебе зачем?

— Поглядишь, что и как. Может, и сам вступать задумаешь. Да и мне веселей с земляком. Вот, мол, товарищ из одного сельсовета, если кто сомневается...

— Зря волнуешься, Леха, грехов за тобой, вроде, не водится.

— У кого их нет! — махнул рукой Карасев. — Праведники и те грешили. Иногда и не заметишь, как оступишься.

Иван поглядел внимательно в зеленые глаза Лешки, беспокойство земляка словно передалось ему самому.

— Может, для бодрости наркомовскую тебе плеснуть? — предложил он.

— Да ты что, не горел ни разу! — Карасев даже закашлялся от возмущения.

— Не горел, — подтвердил Иван. — Я ж не в танке служу. А насчет спичек, значит, нас отец с детства в аккурате держал. На собрание пойду. Мне самому любопытно.

С этими словами Иван отложил мешалку и отправился в дом: надо было переодеться и разбудить Ефрюшку, чтобы тот заступил вместо повара варить борщ.

День разгулялся хоть и не солнечный, но светлый и не очень морозный. Большого помещения в селе не нашлось, поэтому коммунисты собрались прямо на улице за край-

ним домом, возле танков. Для президиума развели небольшой костерок: секретарь собрания отогревал над огнем замерзавшие руки.

Бронированные машины обросли белым мхом инея, сидеть возле железа было зябко, поэтому многие предпочитали стоять, переминаясь, а порой и подталкивая друг друга, чтоб веселей текла кровь.

Иван Булгаков пристроился позади всех, поднявшись на танк. Помахал рукой земляку: не робей, мол, тут я.

Председатель объявил: разбирается заявление старшего лейтенанта Карасева. Зачитал бумаги, потом предоставил слово Лешке. Глядя на земляка, Иван заволновался: очень уж тот смущен и растерян. Вышел к президиуму и сдернул с головы шапку. Председатель засмеялся: надень. Но Лешка даже не понял, так и стоял с шапкой в руке. Рассказывал все правильно: где родился-учился, где служил-воевал, но голос был такой напряженный и ломкий, что Ивану вчуже становилось не по себе.

Наконец Лешка отошел в сторонку, красный, словно вареный рак. Начали говорить другие коммунисты, но слушать их было тоже не очень легко. Когда хвалят — вроде бы неудобно, а когда ругают перед всем честным народом — так хоть сквозь землю провалился бы, да некуда: земля мерзлая.

Председатель предложил голосовать. Иван завертелся на танке, считая поднятые руки. Восемнадцать! А «против» — ни одной. Иван показал Карасеву большой палец, но тот даже и не заметил.

В общем, с Лешкой все кончилось быстро и хорошо. А с известным всей бригаде разведчиком, со старшиной Щербатовым, получилось хуже. Сперва все шло обычным порядком. Зачитали заявление от него, как от кандидата партии, потом рекомендации, биография... Иван слушал в полуха. Ясно, человек заслуженный, достойный, воевать начал еще под городом Калинином, одних «языков» добыл самолично шесть штук. Три ранения, семь наград — какой может быть разговор!

Но тут поднялся лейтенант из мотострелкового батальона и спокойным голосом начал рассказывать. Третьеодни разведка застучала на дороге беженцев из числа немецкой администрации в Польше. Полтора десятка повозок с имуществом. Так вот: старшина Щербатов выпрыг и угнал всех лошадей, а имущество беженцев велел

свалить в одну кучу, облил бензином и поджег. Беженцы остались без всяких запасов, без одежды.

Лейтенант умолк, и рядом с ним тотчас появился Щербатов: будто выпрыгнул из-за танка. Он тоже был одет по-праздничному, как и Лешка, но полшубок распахнулся, шапка съехала на затылок, красное лицо искажено гримасой.

— Чего ты хочешь! — крикнул он лейтенанту. — Чтобы я цацкался с ними? А они с нами цацкались? У меня дом спалили — это как? Мать моя в том доме живой сторела! К кровати ее привязали, пока жену сильничали... И теперь хочешь, чтобы я на ихних баб с добротой смотрел? Чтобы я ихних детишков жалел? А почему ты про моих детишков не спросишь? А они у меня в сырой яме сидели, пока фронт через деревню три раза туда-обратно ходил! Они у меня с голоду спухли. А — потом в яму снаряд попал! Из всех четверых один Гришатка теперь живой! Пока я тут, какая-то бабка чужая его пестует. А ты смеешь мне попрек делать, что я немецкое барахло спалил?! Да я их самих палить буду! — Щербатов так скрипнул зубами, что Иван даже вздрогнул.

Старшина вытер рукавом лицо и продолжал тихо, почти шепотом:

— Я тебе скажу, лейтенант, как я жил. У меня вся шкура дырявая. Два раза кровь из меня вытекала, одна ненависть осталась. Нет, думал, не умру, не загнусь! Мне еще за мать, за жену, за детишков счет навести надо. Мне сто раз про справедливую месть говорили. Так я сейчас наперед упреждаю: я на немцев бензина не пожалею! Буду палить все, что встрену!

Щербатов, тяжело дыша, отступил за гусеницу танка. Сидевший в президиуме капитан сказал сочувственно:

— Ты не прав, старшина. У тебя, конечно, случай особый. Но вот и у меня тоже жена погибла, и старший сын убит при бомбежке, а младшего увезли куда-то, и след потерял. Я уж и в Москву писал, и через знакомых разыскивал... Ну, это я так, — смущенно усмехнулся он. — Ты пойми, старшина, невиновного зачем трогать? Кому от этого легче? Тебе? Нет, дорогой ты мой, родных не вернешь, а себе на сердце еще один камень положишь.

— Нет у меня сердца, — резко сказал Щербатов. — У меня вместо него дыра черная!

— Ты, старшина, не беспокойся, преступники от на-

казания не уйдут,— повернулся к нему капитан.— Всех к стенке поставим или на перекладину вздернем. Всех виновных,— подчеркнул он.— А невиновных не тронь! — у капитана отвердел голос.— Армия, товарищ старшина, это не художественная самодеятельность, в армии существуют определенные порядки, и мы все обязаны их выполнять. Вы знаете это не хуже меня.

— Знаю,— ответил Щербатов.— Знаю, товарищ капитан, и все выполняю в лучшем виде. Но душу не трогайте!

Иван слушал и никак не мог сообразить, кто ближе к правде, Щербатов или капитан? Конечно, у старшины такая боль накопилась, что не успокоится он, пока не выплеснет свою ненависть на вражьи головы. Как его осуждать? Но с другой стороны не резон срывать злобу на детишках и женщинах...

Собрание между тем шло своим чередом. Выступавшие говорили, что разведчик не прав. Молодой сержант из Лешкиного экипажа сказал короче всех: мы, мол, теперь за границей, на нас глядя обо всей стране судят, поэтому нужно особенно беречь честь советского воина и русского человека.

Напоследок председатель спросил Щербатова, понял ли он свою ошибку, обещает ли он не нарушать норм поведения? Старшина молчал и дышал тяжело, хрипло, уставившись в землю. А потом медленно качнул головой.

— Ну, что же, — со вздохом произнес председатель.— Тогда вы обязаны будете сделать это в приказном порядке.

Капитан поднял руку и, получив слово, предложил с принятием старшины Щербатова в члены ВКП(б) временно подождать ввиду его недостаточной политической зрелости.

И опять почти все коммунисты проголосовали «за». Против не было никого. Только трое или четверо воздержались от голосования, и Иван подумал, что это, наверно, такие же бедолаги, как и Щербатов.

Теперь, когда решение было принято, Ивану стало жаль старшину. Сколько терзаний выпало человеку, а ему не оказали снисхождения. «Ух ты, мать-мачеха, больно уж строгая она, эта партия,— рассуждал Иван, шагая с собрания.— Для таких, как Леха Карасев, она в самый раз. Будет держать парня в узде, оступиться не даст.

А мне уже поздно. Какая у меня политика в голове, когда забот полон рот? Доведемся домой прийти — там тоже не продохнешь: семья, заботы, дети на выросте...»

К кухне возвратился Иван задумчивый и сердитый. Ефрюшка доложил ему, что борщ готов. Булгаков открыл крышку, сунул голову в духовитый пар и по запаху определил непорядок.

— Ты что же! — ворчливо сказал он помощнику, — опять лавровый лист не положил? Сколько тебе раз повторять надобно?!

— А пошто его класть? — как обычно хмуро буркнул Ефрюшка.— Все одно не едят, из котелков выбрасывают...

— Эх, серость ты наша, серость! — вздохнул Иван и отвернулся от Ефрюшки, соображая, что бы это приготовить поскорей на второе.

* * *

За городом Лодзь, возле реки Варта, танковая бригада попала в трудное положение. Сзади накатилась большая группа немцев с пушками, с самоходками и даже с танками. Эту группу наши войска отрезали еще в начале наступления, но она вырвалась из тисков и теперь пробивалась на запад, к своим, калеча по пути наши тылы. Командующий армией приказал танкистам остановить и разгромить этот «блуждающий котел».

Бригада заняла оборону в господском дворе Чярноляе, закупорив шоссе дорогу. Другого пути немцам не было: кругом леса и мертвые заснеженные поля. Фашистам оставалось либо пробиться силой, либо сложить оружие. Они предпочли первое. Те, кто хотел сдаться, успели сделать это в предыдущие дни.

Господский двор, стоявший на невысоком холме, был довольно обширен. Ближе к лесу — двухэтажный помещичий дом с колоннами и длинный флигель. За ними толпилось десятка два хозяйственных и жилых построек, большей частью сложенных из красного кирпича.

Рыть окопы в промерзшей закаменевшей земле не было времени. Бойцы мотострелкового батальона рассыпались по чердакам, устроились за кирпичными стенами, в надежных подвалах. Танки укрывались среди построек, сре-

ди стогов сена. Даже пушки и те вкатывали в дома: стволы, направленные на прямую наводку, высывались из окон и наскоро прорубленных амбразур.

Медики, ремонтники и хозяйственный взвод разместились в помещичьем доме и во флигеле. Иван получил приказ сидеть на чердаке и наблюдать, не появятся ли немцы со стороны леса.

Устроился Иван с удобствами. Приволок из комнаты кресло и поставил к слуховому окну. Ноги укрыл тяжелой плюшевой портьерой. С этого наблюдательного пункта он видел не только лес, но и почти весь двор, и свою кухню под навесом возле флигеля. Там колот дрова Ефрюшка, но не столько работал, сколько перекуривал.

Хоть и обмундировал Булгаков своего помощника по всем правилам, добыл ему шапку, валенки, полную ватировку, шинель попросторней, чтобы носить поверх ватника, — Ефрюшка все равно не обрел бравого солдатского вида. Валенки он умудрился прожечь и самолично наложил большую кожаную заплату, шинель всегда застегнута косо, пузырится то на груди, то на спине, шапка съезжает на глаза, а звездочка оказывается или сзади или над ухом. К тому же Ефрюшка не хотел бриться, потому что без бороды у него мерзли щеки. Но Иван считал, что помощнику просто лень, и при первой возможности заставлял его скрестить щетину.

Последнее время Иван особенно притеснял Ефрюшку насчет чистоты и формы одежды. Старался усовестить: вся Европа на нас смотрит, в лучшем виде нужно себя показать. А если убеждение не помогало — повышал голос и отдавал команду. Даже такая важная хрипотца появлялась у него в голосе.

А началось все с Лешки-разбойника. Полушутя-полусерьезно раззадорил тот командира батальона: вот, мол, у нас Булгаков — старый вояка, а ни наград, ни звания не имеет. А ведь у него и подчиненный есть, и материальная часть, и даже одна лошадиная сила.

Комбат при первой возможности доложил командиру бригады. В результате Иван получил сразу медаль «За боевые заслуги» и воинское звание ефрейтора. Земляк Лешка сам пришел ему тряпичную лычку на потог. Наотмашь вытягивал длинную нитку и зубоскалил, тряся рыжим чубом: «Ну, Иван, войско у тебя хоть куда! Сам ефрейтор, Ефрюшка в помощниках, да еще единственный

на всю бригаду гвардейский мерин. В следующий раз с аппаратом приду, сфотографирую все твое боевое подразделение!»

Аппарат Лешка так и не принес, а к ефрейторскому званию Иван скоро привык и почувствовал себя вроде бы солидней, авторитетней: сразу видно теперь, что он солдат не из новых...

Развалился в кресле, Булгаков поглядывал то на заснеженный лес, то на Ефрюшку, с удовольствием затягивался крепкой махоркой и спокойно, даже без особого любопытства слушал музыку боя, разраставшегося у него за спиной. И настолько она была знакомой и привычной Ивану, что он легко различал, где и что происходит.

Начали автоматы. Их очереди звучали в морозном воздухе трескуче и сухо. Ровно затарахтел пулемет. Значит, немецкая разведка цокнула с нашим боевым охранением.

Постепенно треск густел, очереди автоматов глохли и замирали среди винтовочной и пулеметной пальбы. Через полчаса, будто создавая фон, загудели моторы. Их рев быстро нарастал, сквозь него, как удары барабанов, рвались гулкие лопающиеся звуки: немецкие самоходки и танки на ходу начали бить из пушек.

Когда фашисты приблизились, когда по ним ударили наши орудия и наши танки, звуки слились в сплошной грохот, отдельные выстрелы едва выделялись в нем. Но так продолжалось недолго. Грохот начал быстро отдаляться и распадаться на составные части, снова можно было различить голоса наших и немецких пушек. Только в одном направлении стрельба была частой и не передвигалась. Иван понял, что атака отбита, но немцам все же удалось зацепиться за какую-то постройку.

Вторую атаку фашисты готовили более тщательно. Несколько раз проревел «ишак» — шестиствольный миномет. Издалека, почти неслышимая, начала бить тяжелая батарея. Снаряды ее проносились с шипением и визгом, падали вразброс, по всему господскому двору. Один с черным дымом раскололся на льду возле колодца. Ивана мягко толкнуло в лицо теплой взрывной волной.

Ефрюшка перестал колот дрова, поднялся на чердак и сел на балку рядом с Булгаковым.

— Ты чего? — спросил Иван.

— Вдвух веселей, — буркнул тот.

Булгаков поежился, получше укутал ноги. С утра было не холодно, даже снежок сыпал из низких туч, но к полудню небо прояснилось и мороз окреп: ушки у шапки покрылись инеем от дыхания.

За спиной снова разгорелась стрельба, напряжение ее быстро возрастало. Ивану казалось, что наши подались назад. Он вслушивался внимательно, стараясь определить, откуда бьют теперь наши орудия, и вдруг заметил, как закачались на опушке кусты, как сверкающей пылью посыпался снег с берез. Еще не видя людей, Иван, сам испугавшись, закричал с чердака в комнату:

— Немцы идут! Лейтенант, немцы!

Высунул из слухового окна винтовку и, не целясь, выпустил всю обойму. Во дворе забегали, засуетились бойцы, потащили в дом пулемет.

Фашисты появлялись из кустов небольшими группами. Они, наверно, долго лезли в лесу по снегу, чтобы ударить с тыла, выдохлись, и теперь продвигались медленно, то и дело падая в сугробы. Да и снег был глубокий, по такому не пробежишься. Черные фигуры немцев резко выделялись на белом нетронutom поле. Пулемет, ударивший из окна, заставил их вжаться глубже. Но в одном месте фашисты успели добраться до кирпичного сарая и теперь накапывались за его стенами.

Сидеть на чердаке было опасно, пули в мелкие брызги разбивали над головой черепицу. Но Иван не спешил уходить под защиту стен. Сверху он видел все, что делают немцы. Он сообщал командиру, куда подтаскивают фрицы свой пулемет, где устраиваются их минометчики.

Сам Иван стрелял изредка, из глубины чердака, чтобы его не обнаружили. Выбирал самые трудные цели: то офицера, меховая шапка которого несколько раз появлялась из-за угла, то подносчика патронов, тянувшего к сараю плоский ящик.

Командир велел переметить немецких минометчиков. Но до них было далеко, они все время двигались, словно нарочно не давая прицелиться. А главное — мешал холод. Стрелять в рукавицах неудобно, палец не чувствовал спускового крючка, получался рывок, винтовка дергалась, и пуля уходила черт-те куда. Иван попробовал без рукавицы, но, пока целился, палец закоченел на металле. Опять мимо.

Подышал на пальцы, и тут вспомнился ему деревен-

ский батюшка. В рождество, в самые трескучие морозы, когда на металл даже глядеть холодно, а притронуться страшно, чтобы не оставить кожу, — в такие вот морозы голыми руками нес он, бывало, по улице медный крест, потускневший от службы. Ручищи у батюшки были красивые, под цвет меди. Ребятяня глядела на него, выпучив глаза, а бабы удивленно перешептывались: «Чудо господне!» — и ломали спины в низких поклонах. Лишь спустя время узнал Иван от поповского сына, что никакого чуда-то не было. Просто перед выходом на мороз батюшка натирал руки соком редьки.

— Эй, Ефрем! — крикнул в комнату Булгаков. — А ну, смтайся в овощехранилище. Редьку достань. Да побольше, чтобы на всех!

Овощехранилище помещалось за садом, и добраться к нему можно было без особого риска, укрываясь за постройками. Лишь в одном месте требовалось перебежать открытое пространство. Проскочи быстро — немцы и не заметили бы. Но этот дьявол — Ефрешка даже шагу не прибавил, ковыляя потихоньку, волоча за собой мешок.

Иван проводил его взглядом, а потом стал присматриваться к кирпичному сараю. Немцы изнутри продолбили стенку, образовалась черная дыра-амбразура. Булгаков прицелился и пустил туда пулю.

Возле флигеля начали рваться мины небольшого калибра. Их осколки чертили снег, не причиняя вреда укрытым бойцам. Фашисты усилили стрельбу. В глубине амбразуры засверкали частые огоньки — ударил крупнокалиберный пулемет. Он бил в сторону овощехранилища, но Иван не успел оглянуться и посмотреть: в эту минуту немцы поднялись со снега, выскочили из-за сарая и побежали к флигелю. Навстречу им застрочил наш пулемет из окна. Булгаков, сбросив рукавицу, только успевал всаживать обоймы, забыв про холод.

Немцы не выдержали, залегли. По свежему белому снегу тянулись глубокие следы. И каждый такой след-канавка оканчивался черным бугорком. Некоторые из них оставались недвижимыми, другие шевелились, третьи постепенно опускались глубже, становились менее заметны, или постепенно отодвигались назад.

Ивана осыпало битой черепицей, острый осколок царапнул щеку. Он кинулся к лестнице, скатился вниз, в большую комнату, где возле стенки рядом лежали ране-

ные. Тут он вспомнил про Ефрюшку: больно долго не возвращается помощник!

Решив сходить к овощехранилищу, Иван взял ведро и пошел вдоль стены, определяя по нарастающему визгу, близко или далеко упадет мина. Выглянул из-за угла на открытое место и даже отпрянул от неожиданности: прямо перед ним, разбросав руки, лежал на спине Ефрюшка, оскалив зубы и выставив вверх заросший щетиной подбородок. Всей тяжестью тела придавил он мешок, из которого выкатилась на снег редька: черные, продолговатые кругляши.

Иван горяча выскочил было на открытое место, но в стену тотчас вгрызлась пулеметная очередь, запорошив снег красноватой пылью. Булгаков пополз в укрытие...

Бой продолжался до самой темноты. Только при свете месяца подошла на помощь танковая рота и отбросила немцев в лес. Иван на скорую руку накормил людей кашей, а сам, разыскав в подвале доски, принялся сколачивать гроб.

— Брось, — сказал ему взводный, такой же старый солдат, как и сам Булгаков. — Для всех гробов не папашешься. Да и какая разница мертвому, как лежать, в дощатине или без нее? Один край!

— Нет, — ответил Иван. — Жил человек без дома, без всякого уюта, так пусть хоть теперь отдохнет спокойно. И мне легче будет. И зачем я только его за этой редькой послал! Грех на душу принял!

— Ишь ты, как рассуждаешь умно, — обозлился вдруг взводный. — А я вот тебя с обедом на передовую посылаю или бойцов в оборону ставлю — тоже, выходит, грех на себя беру? Тогда я весь в грехах, как в репьях.

— Так там нужно, а без редьки-то обошлись бы...

— Брось! — резко сказал взводный. — На войне никто не угадает, где для него смерть-старуха караул выставила. На войне — война виновата во всем. И точка!

На следующий день танковая бригада двинулась дальше, к границе Германии. В противоположную сторону, к городу Лодзь потянулась длинная колонна пленных: все, что осталось от «блуждающего котла». А на окраине господского двора Чарноляс появилось новое кладбище. Большая братская могила и несколько невысоких холмиков с дощатыми пирамидками и красными звездами.

Не было пирамидки лишь над крайней могилой. Очень

недолговечным считал Булгаков такое казенное сооружение. Возле могилы своего помощника врыл он отесанный столб, на котором аккуратно выжиг короткую надпись: «Боец Ефрем. Погиб в бою 25 января 1945 года».

Давно уж отъехали от Чарноляс, давно скрылся за снегопадом помещичий дом на холме, а Шибко Грамотный все еще удивленно прядал ушами, часто останавливался и косил глазом назад, будто поджидая, когда же догонит их человек, к заботе которого он так привык.

3

Фашистский зверь смертельно ранен. Однако, уползая в свою берлогу, он еще продолжает огрызаться, — так оценивал общую обстановку Верховный Главнокомандующий. И действительно: гитлеровцы оборонялись с упорством обреченных, сами при первой возможности переходили в контратаки. Но бои шли уже на территории рейха, бывшие друзья немцев один за другим превратились во врагов. Советские войска отвоевали Будапешт — столицу последнего союзника, хортистской Венгрии.

Война без сомнения шла к концу. И никто: ни самое высшее, ни фронтовое командование, ни офицеры на местах не могли предполагать, что при таких условиях немцы еще способны провести крупную наступательную операцию большими силами.

Естественно, что внимание советских военных руководителей было приковано, главным образом, к центральному участку фронта, где пролегла кратчайшая дорога на Берлин. А Гитлер и его генералы беспокоились в эти зимние месяцы о южном крыле, о венгерских нефтеносных районах возле озера Балатон и о венских нефтяных источниках в Австрии. После того как союзники разбомбили заводы, производившие горючее в самой Германии, южные районы оказались последней чашей, питавшей бронетанковые войска и авиацию. Эти районы давали теперь более 80 процентов всего потребляемого горючего. Потерять их — было равносильно полному краху.

С конца января немцы методично и пунктуально начали стягивать на южное крыло пехотные и танковые дивизии. В северо-западной части Венгрии сосредоточились 6-я танковая армия СС, 2-я танковая армия и еще не-

сколько воинских объединений. Для участия в операции фашисты сумели привлечь полмиллиона солдат и офицеров, около 6 тысяч орудий и минометов, почти тысячу танков и самоходных орудий. Эта мощная группировка должна была отбросить русских за Дунай и вновь захватить Будапешт. Кроме того, фашисты надеялись, что успешное наступление на юге заставит советское командование перебросить сюда часть сил с центрального участка, и положение на берлинском направлении станет более устойчивым.

В этот раз немцам удалось сохранить подготовку операции в полном секрете. Дело в том, что советские генералы сами планировали начать в ближайшее время новое наступление. Они уже привыкли к мысли, что противник ослаб. Они не ждали, не думали...

Прежде чем нанести удар на главном участке между озерами Веленце и Балатон, фашисты решили ликвидировать фланговую угрозу — большой плацдарм советских войск на правом берегу реки Грон. На рассвете 17 февраля они бросили в атаку 1-й танковый корпус СС. Четыреста бронированных машин двинулись под прикрытием тумана к советским позициям.

* * *

Оборонительный рубеж, занятый потрепанными малочисленными подразделениями, немцы прорвали с ходу. Ожесточенный бой завязался возле артиллерийских батарей. Пока танки достигли их, окончательно рассвело, произошла обстановка и улеглась паника.

Капитан Дьяконский успел отвести свой батальон на шесть километров, к окраине деревни. Здесь стояла зенитная батарея и ремонтировались несколько самоходно-артиллерийских установок. Дьяконский приказал зенитчикам приготовиться к отражению танков, а САУ подчинил себе и замаскировал на возвышенности среди домов. Пехотинцы наскоро рыли ячейки и приспособляли для обороны фундаменты.

Виктор не знал общей обстановки, не предполагал, что в тяжелом положении оказалась не только дивизия, но и вся армия, оборонявшаяся на плацдарме. Он был раздосадован неудачей и потерями, которые понес батальон. Ему хотелось всыпать немцам как следует, чтобы отбить

у них последнюю охоту к контратакам и всяким неожиданным вылазкам.

С командного пункта зенитчиков он еще раз осмотрел местность. В хмурой дали, где серые тучи вплотную лили к земле, тяжело рокотала канонада. Ружейной пальбы не было слышно, ее глушил теплый, насыщенный влагой, воздух. Погода стояла по-весеннему капризная. Грязный снег уцелел только в ложбинах и в тени домов. С холма, промывая канавки, бежали ручьи.

Немцы, конечно, приблизятся по дороге. В поле, в грязь они не полезут, побоятся застрять. За всю войну они так и не научились делать танки с хорошей проходимостью. На окраине их встретит рота, наспех сколоченная из тыловиков, обозников, интендантов, бойцов комендантского взвода. Там стоят две противотанковые пушки, на них только и надежда. Но все равно, при сильном нажиме сводная рота дрогнет и попятится. Немцы последуют за ней. С одной стороны дороги блестит озерко, с другой протянулась канава. Пусть фашисты только влезут в этот мешок! — Виктор мысленно уже разыграл бой, подумал и за себя, и за противника. Но чем кончится схватка — этого Дьяконский не мог предугадать. Он не знал очень важного компонента — какими силами будут атаковать немцы.

После короткой разведки противник двинул в атаку колонну танков, не развертывая их в боевой порядок. Виктор хорошо видел в бинокль всю колонну до поворота дороги, откуда она появлялась. Впереди шли шесть громадных машин с широкими гусеницами, с массивной башней, приподнятой и расширенной сзади, с длинными стволами пушек. С этими семидесятитонными «королевскими тиграми» Виктор уже встречался. Вид у них внушительный, на слабонервных действует даже издалека. Но, в общем-то, этот «королевский» не страшнее обычного «тигра». В первых же боях выясилось у него слабое место. Броня у нового танка хоть и толстая, но хрупкая. Она раскалывается даже при удачном попадании обычных осколочно-фугасных снарядов среднего калибра.

Следом за «королевскими тиграми» шли десятка два старых знакомых «пантер» — танков более подвижных и, по мнению Виктора, более опасных.

Дьяконский вызвал по телефону командира тяжелой самоходно-артиллерийской установки СУ-152. У нее сня-

та была гусеница, она могла вести огонь только с места, и Виктор приказал самоходчикам взять на себя головную группу танков, менее маневренную. Им как раз по зубам такой орешек, их 152-миллиметровая пушка способна раскромсать и «тигра», и «пантеру», и любого другого зверя.

Когда первые танки втянулись в узкий проход между озером и канавой, Виктор привычно глянул на часы: было ровно 14.30. В ту же секунду ударили по немцам пулеметчики сводной роты. Танки сразу взревели, словно ужаленные, и прибавили скорость. Не сводя с них глаз, Дьяконский поднял ракетницу и нажал спусковой крючок.

Это был единственный выстрел, который он произвел за время короткого, напряженного боя. По его сигналу открыли огонь САУ и зенитчики. Стреляли с короткой дистанции, попадали точно. Однако и немцы ответили сразу же, выстрелы сполохами прокатились по всей их колонне, снаряды накрыли позицию зенитной батареи.

Виктор свалился на дно окопа, приоткрыв рот, чтобы не оглохнуть. Воздушная волна стеганула сзади, задрав полы шинели. Возле самой каски с шинением шмякнулся в грязь продолговатый осколок. Виктор схватил его, уколол палец об острую зазубрину и отбросил.

Взрывы отдалились, и Дьяконский сразу вскочил, кашляя от желтого ядовитого дыма. Остро воняло сгоревшим толом. Ближайшая зенитка задрала к небу ствол с отбитым пламегасителем, людей возле нее не было.

На дороге горели три «пантеры», ближе к деревне, возле самых домов, дымились черные расколотые коробки двух «королевских тигров». А самоходные артиллерийские установки молчали, вероятно, потому, что танки уже ворвались в деревню и вышли из зоны обстрела. Виктор приказал расчету последней уцелевшей зенитки ударить в тыл немецким машинам, огибавшим позиции САУ. Фашисты снова ответили огнем налетом. С бронетранспортеров, из грузовиков выпрыгивала их пехота.

Дьяконский решил, что пора отходить, пора отвести большую часть батальона, оставшуюся с ним. Другая часть батальона была теперь отсечена по ту сторону дороги вместе с САУ.

Приказал отступать поротно, перекатами, по направлению к голому лесу, черневшему за оврагом. Сам ушел первым, вместе с пулеметчиками, чтобы на краю леса организовать новый оборонительный рубеж.

* * *

Горько терпеть поражение, особенно после того, как долгое время не знал неудач. Но у Виктора и у старшины Гафиуллина свежа была память о прошлом, когда отходили на сотни километров, когда дрались с переменным успехом. А молодые бойцы сразу упали духом, едва началось отступление. Им не доводилось еще в полной мере испытать на себе силу врага. К горечи потерь примешивались удивление и растерянность.

На коротком привале, выставив охранение, Виктор подошел к отдохавшим солдатам, сказал громко:

— Что ж, товарищи, нас можно сегодня поздравить. Шесть танков враг потерял, это я видел своими глазами.

— Э-хе-хе,— чуть слышно вздохнул кто-то. Дьяконский повернулся в ту сторону.

— Да, я повторяю, мы хорошо поработали. И наши потери — оправданные. Немцы потеряли гораздо больше. Что для них сейчас главное? Время, конечно. Им нужно расцечь, расчленить наши войска на плацдарме и сбросить нас в реку. Но мы задержали их часа на полтора — на два. Если их будут останавливать так в каждой деревне, то им долго до Грона не доплзти.

— Товарищ гвардии капитан,— поднялся Гафиуллин. — Вон по той дороге наши танки навстречу фрицам пошли. Теперь уж заstopорят их!

— Да, вероятно,— ответ Дьяконского прозвучал сдержанно.

Он был настроен менее оптимистично, чем Гафиуллин. По грохоту канонады, отодвигавшейся на восток, по большому количеству танков, введенных немцами в бой, по их решительным действиям можно было сделать вывод, что гитлеровцы предприняли не частный контрудар, а нечто большее. И, как знать, может быть, резервы понадобятся в первую очередь в другом месте.

Конечно, командование не оставит без поддержки армию на плацдарме — в этом Виктор не сомневался. Но пока свежие войска подтянутся к Грону, пока переправятся через него, может пройти много времени. Следовало готовиться к худшему. Так думал Дьяконский, не зная, что самое худшее уже свершилось. Советские дивизии, оборонявшие плацдарм, были отрезаны от своих.

Весенние потоки, хлынувшие с гор, быстро поднимали

уровень воды в бурпой и капризной реке Грон. Река ожидала, с треском ломая зимний панцирь, а заодно и ледовые переправы, наведенные советскими саперами.

Штабы, тыловые подразделения и некоторые стрелковые части успели переправиться с плацдарма на восточный берег. Но в ночь подул южный ветер, потом взорвалось яркое, пол-летнему горячее солнце, и на реке тронулся лед. Всякая связь с плацдармом прекратилась. Саперы сделали несколько попыток навести мост, но льдины сразу сносили его и ползли дальше, создавая заторы, громоздясь одна на другую.

Капитан Дьяконский вывел остатки своего батальона на берег реки неподалеку от того места, где стремительные воды Грона вливаются в спокойный и плавный Дунай. Тут, на берегу, проходил последний рубеж обороны. В нас скоро открытых окопах теснились пехотинцы, артиллеристы, саперы, кавалеристы в кубанках и даже авиаторы с голубыми погонами.

Виктор первым делом бросился к Грону. Умылся и наспеш побрился, смотрясь, как в зеркало, в голубую лужицу. Немецкая дальнобойная артиллерия вела огонь по реке, снаряды рвались в воде, взметывая белые, кипящие фонтаны. А когда снаряд рвался на берегу, зеркальная поверхность лужицы вздрагивала и покрывалась рябью. Надо было ждать, пока рябь уляжется.

Вскипятив на костре котелок воды, Виктор принялся за Гафиуллина. Минувшей ночью старшину ранило сразу и в бедро, и в правую ключицу. Дьяконский сам вытаскивал из его бедра осколок, наложил повязки. Теперь он не спеша промыл раны, смазал их края йодом и перебинтовал чистым бинтом. Гафиуллин не стонал и не жаловался, только морщился и чуть-чуть прикусывал губу. Виктор помог ему добраться до окопа и устроил старшине мягкое ложе из шинелей прямо возле пулемета, рядом с собой.

Немецкие танки не решались приближаться к реке, опасаясь огня советской артиллерии с восточного берега. Танкисты ждали темноты, чтобы покончить с последними защитниками плацдарма. Вражеская пехота, оставшись без поддержки, действовала вяло. Треск и скрежет льда, разносившийся далеко от реки, заглушал выстрелы.

Весь берег был заполнен людьми, повозками, разбитыми и опрокинутыми машинами. Валялись ящики, корзины и много узлов с солдатским бельем, брошенным каким-

то банно-прачечным отрядом. Артиллеристы сталкивали в воду пушки, топили их, чтобы не достались врагу.

Слева, за широким Дунаем, против устья Грона, раскинулся на высоком берегу венгерский городок Эстергом. Над ним высился огромный собор с золотыми куполами. Солнце склонилось к западу, ушло за город, купола не блестели, а лишь тускло светились и казались темными. Зато лучи, прорвавшиеся сквозь проемы колокольной, били в глаза с ослепительной яркостью.

— Ах, товарищ командыр, — вздохнул Гафиуллин. — Весна наступила, помирать жалко. Войне конец скоро, а к нам смерть пришла. Не повезло, командыр!

— Ну, это оставь, — усмехнулся Дьяконский. — Такие панихиды я мимо ушей пропускаю. Ты что, первый раз в переплет попал?

— Нет, командыр! Но так плохо нам еще не было.

— Ты же знаешь: раненные всегда преувеличивают опасность.

— Нет, командыр, не надо так говорить, — строго произнес Гафиуллин, поглаживая грязной рукой бритую голову. — Не надо успокаивать. Я не ребенок, сам понимаю.

— А, ну тебя! — махнул рукой Дьяконский. — Лежи да помалкивай, береги силы. Мы еще придумаем что-нибудь. Во всяком случае ждать пассивно смерти я не позволю ни себе, ни бойцам.

Старшина пожал плечами и отвернулся: не стоит, мол, возражать, и без слов все ясно. Виктору обидным показался такой жест. Гафиуллин всегда верил каждому его слову, а сейчас даже не хочет слушать. Конечно, трудная обстановка, раны, усталость — все это действует на психику. Люди постепенно смиряются с мыслью о гибели, теряют волю, энергию. А тот, кто перестает надеяться и действовать, тот, действительно, погибает!

Виктор достал из глубокого кармана шинели старый сухарь с затертыми округлившимися углами и начал не спеша жевать его, растягивая удовольствие, маленькими глотками прихлебывая из котелка.

Он следил за бойцами, пытавшимися перебраться через Грон. Они прыгали с льдины на льдину, многие скользили и падали, проваливались в полыньи, исчезали в темной воде. Но вслед за ними появлялись другие, кто в полной форме, кто голый и босый: бросив оружие вместе с одеждой, люди стремились к левому берегу. И они тоже пере-

ворачивались вместе со льдинами, срывались в полыньи.

Из десяти бойцов добирались до берега пять или шесть. Виктор старался приметить, кому сопутствует удача. Конечно, шинели надо сбросить. Ремни, сумки, автоматы — все к черту! А главное — смелость и быстрота. Не оглядываться, не задерживаться на одном месте, не колебаться. Только вперед и вперед!

Некоторые бойцы, оказавшись на большой надежной льдине, не решались сразу покинуть ее, вместе с ней неслись по течению, и это губило их. Ближе к устью Грон делался шире, просветы между льдинами увеличивались, прыгать становилось труднее. А из Эстергома, с высокой колокольни, брызгал смертью гитлеровский пулемет. И люди падали, обагрывая лед своей кровью.

Виктор собрал бойцов, коротко проинструктировал их. Велея подняться на километр-полтора выше по течению, куда не доставали снаряды мелких пушек, присоединившихся к немецкому пулемету и бивших с паперти собора.

Ушли не все. Некоторые бойцы остались в окопах вместе с ранеными. Дьяконский ни о чем не спрашивал их. Пусть поступают, как могут. Он дал длинную очередь из пулемета и повернулся к притихшему Гафиуллину.

— Слушай внимательно, старшина. Ты можешь отдать мне награды и документы. Я сохраню их. А ты постарайся сохранить свою жизнь.

— Сдаться? — удивленно расширились черные глаза Гафиуллины. — Разве ты так учил меня, командыр?

— Я учил тебя сражаться до последней возможности, а не умирать без смысла, без пользы. Ты ранен, в пулемете последняя лента...

— Командыр! — пальцы Гафиуллины судорожно держали ворот гимнастерки. — Командыр, помнишь наш первый бой? Ты стрелял в тех, кто поднял руки! И я тоже стрелял в них!.. Собери мне побольше патронов. И простись со мной!

— Нет! — резко ответил Дьяконский. Глаза его стали холодными, жесткими. Он весь как-то подобрался, словно перед прыжком, и вдруг скомандовал: — Встать! За мной! Марш!

Он побежал не оглядываясь, как водил в атаку, зная, что люди не могут не подчиниться ему!

Гафиуллин, подброшенный на ноги громкой привыч-

ной командой, последовал за командиром, повинаясь его воле, словно забыв о слабости, о ране в бедре, о разбитой ключице.

— Вперед! Вперед! — подхлестывал его голос Дьяконского. Старшина с разбегу вскочил на шаткую льдину, радуясь, что кончилось тоскливое ожидание, что развязка близка, какой бы она ни была, и что командир находится рядом с ним.

Он прыгал, выбирая инстинктивно, по-звериному, куда лучше; прыгал словно в тумане, почти теряя сознание от резкой боли; прыгал потому, что где-то близко звучал требовательный голос:

— Еще! Еще, старшина! Вперед!

Он увидел перед собой какую-то черную полосу, словно разверзлась перед ним пропасть. Собрав последние силы, и уже ничего не видя вокруг, шагнул в темноту, в расступившуюся под ним холодную воду. Виктор успел схватить его сзади, потащил по залитой луговине к близкому берегу. Навстречу шли саперы в высоких охотничьих сапогах. Они помогли вынести старшину.

— Водки! — крикнул Дьяконский. — Дайте ему глоток!

Неподалеку рванул снаряд. Со стеклянным звоном падали и разбивались куски льда. Но Виктор даже не повернулся в ту сторону, лишь скосил глаза на распластанного Гафиуллины: не зацепило ли его еще раз?!

Над старшиной склонилась пожилая женщина-врач.

Всего лишь несколько минут потратил Виктор на то, чтобы перебраться с одного берега на другой, но эти минуты потребовали такого душевного напряжения, что он почувствовал себя совершенно разбитым и опустошенным. Трудно было двигаться, но кто-то заставил его спуститься в землянку. Там он переоделся в сухое и ощутил вдруг сильный озноб. У него тряслись руки и клочили зубы. Маленькая девушка-медсестра налила ему стакан водки и положила большой кусок хлеба с салом. Он выпил, вытянулся на топчане, и бревенчатый потолок сразу закачался, поплыл перед глазами.

Борясь со сном, Виктор думал о плацдарме, об оставшихся там людях. Что-то мучило его, не давало покоя. Он пытался мысленно проследить весь путь. Вот бойцы спускаются к берегу, вот прыгают на льдины. Они стремятся вперед, а течение относит их вправо... «Эстергом! —

вспомнил, наконец он. — Пулемет на каланче и пушки на паперти собора! Почему наши не собьют их? Жалеют собор, исторический памятник? К черту памятник, там умирают солдаты!»

Он вскочил, спросил медсестру:

— Где сапоги?

— Я только что поставила их сушить.

— Дайте!

Виктор потуже завернул портянку и, крихтя, начал натягивать мокрый сапог. Притопнул каблуками и пошел искать артиллеристов или старших начальников.

4

Последняя крупная операция, проведенная фашистами в марте 1945 года на территории Венгрии, забрала 40 тысяч немецких жизней и еще столько же немцев оставила инвалидами. Приблизительно такие же потери понесла Советская Армия.

Гитлер послал к озеру Балатон наиболее надежные части, даже отряды своей личной охраны. Но и они не выдержали, отступили и побежали, едва началось контрнаступление русских. Отборные войска фюрера не смогли оттянуть надвигающуюся развязку. В припадке ярости Гитлер нашел самое тяжелое, по его мнению, наказание для бывших любимцев: он приказал снять с эссовцев нарукавные знаки со своим именем.

Жертвы, понесенные в Венгрии, были бессмысленными с военной точки зрения, — Гудериан ясно понимал это. Он больше не сомневался в том, что Третья империя обречена. Пора было всерьез подумать, как уйти в сторону, не оказаться под ее обломками вместе с фюрером, который настойчиво утверждал: «Если проиграна война, то погибнет и народ. Эта судьба неотвратима... Наш народ оказался слабым, и более сильному восточному народу принадлежит будущее. Все те, кто останется в живых после борьбы, — неполноценные люди, ибо полноценные умрут на поле боя!»

Генерал-полковник Гейнц Гудериан считал, что эта идея хороша для солдат, для молодежи, воспитанной гитлерюгендом. А старшее поколение немцев не разучилось думать: эстафета истории передается из поколения в поколение, за падением следуют новые взлеты.

Занимая пост начальника Генерального штаба, Гудериан не добился перелома в ходе войны. Это зависело не от него: было уже слишком поздно, стрелки часов, отмерявших события, приближались к двенадцати. Но кое-что существенное он все-таки сделал. Его портрет будет теперь всегда висеть в одном ряду с портретами Мольтке, Шлиффена, Гинденбурга и других корифеев германской военной мысли.

Поступая иногда против воли фюрера, доводя его до бешенства своей упрямой настойчивостью, Гудериан добился того, что к февралю 1945 года почти все боеспособные соединения под тем или иным предлогом были брошены против русских. На западе немцы сдавались целыми подразделениями, и Гудериан позаботился, чтобы американско-английскому командованию через пленных офицеров стало ясно, насколько слабые силы противостоят им. Гудериан успокоился только во второй половине марта, когда из неофициальных источников узнал: союзники оценили положение дел и готовят большое наступление. Основная группировка американско-английских войск под командованием фельдмаршала Монтоммери нанесет удар севернее Рура, в направлении на столицу Германии. Англичане и американцы твердо намерены опередить русских и захватить Берлин.

Эти сведения успокоили Гудериана. Теперь осталось только одно: выйти из игры, не вызвав гнев фюрера, а потом дожидаться избавителей с запада. Почву для ухода в отставку он подготовил заранее, все чаще жалуясь на боль в сердце и на усталость. Время от времени он начинал возражать фюреру, не терпевшему противоречий, Гитлер при этом злился и нервничал, в их взаимоотношениях появились трещинки. Они заметно увеличились, когда Гудериан дал понять фюреру, что считает войну проигранной.

28 марта генерал-полковник приехал на очередное совещание. К этому времени Гитлер окончательно переселился со своими приближенными в обширное бомбоубежище из пятидесяти комнат. Двухэтажный бункер для фюрера был сооружен ниже бомбоубежища, прямо под имперской канцелярией. Союзники давно уже бросали на Берлин тяжелые бомбы, но в фюрербункере не чувствовалось даже сотрясений: толщина бетонных перекрытий потолка достигала восьми метров.

Из вестибюля имперской канцелярии вела вниз широкая лестница. Затем начинался длинный подземный коридор со множеством поворотов, с многочисленными дверями с обеих сторон. Тут размещались подсобные службы, охрана, узел связи, электростанция, различные склады.

Постепенно коридор суживался, чаще попадались дежурные эсэсовцы. Непосредственно в фюрербункер пускали только избранных, по особому списку.

Имелся и еще один выход наверх, прямой и короткий: сразу из бункера в небольшой сад, разбитый во внутреннем дворе имперской канцелярии. Но пользовались им редко. Лишь иногда, в хорошую погоду, фюрер выходил ночью в сад подышать свежим воздухом.

Кабинет Гитлера в фюрербункере знаком был Гудериану до мельчайших деталей. Пол устлан мягким красным ковром. На столе большая ваза для цветов. Две картины: портреты Фридриха Великого и матери фюрера — в молодости.

Гитлер рассказывал по кабинету, поддерживая правой рукой левую руку. Он заметно похудел, темно-серый френч свободно висел на нем. В последнее время у него быстро выпадали волосы, зачес сделался совсем редким, сквозь него просвечивала мертвенно-бледная кожа. Гудериан не испытывал теперь почтения к фюреру. Только привычка да страх перед неограниченной властью заставляли генерала считаться с ним. Впрочем и теперь Гитлер иногда удивлял его своей целеустремленностью и непреклонной волей. Гудериан продолжал считать фюрера гениальным человеком. Ведь гений — это прежде всего отклонение от обычного эталона. Нормальные люди далеко не всегда способны понять таких индивидуумов.

Фюрер словно читал мысли и желания Гудериана. В самом начале совещания генерал позволил себе перебить Гитлера и запальчиво возразить ему: теперь, дескать, стало традицией при каждой неудаче искать виновника. Арестованы и находятся под следствием многие добросовестные, заслуженные генералы и офицеры. Репрессии усиливаются с каждым днем, между тем, как опытные руководители нужны на фронте. Пора понять, что виновником неудач является общая обстановка, а не отдельные лица.

Фюрер молча, терпеливо выслушал несколько подоб-

ных возражений, а в конце совещания, когда в кабинете остались только самые приближенные люди, сказал категорическим тоном:

— Генерал-полковник Гудериан! Вы слишком раздражительны. Ваше здоровье свидетельствует о том, что вы нуждаетесь в немедленном шестинедельном отдыхе.

— Да, мой фюрер. Я вынужден уйти в отпуск! — генерал с трудом скрыл охватившую его радость.

— Подумайте о восстановлении своего здоровья, — продолжал Гитлер. — За шесть недель обстановка станет критической. Тогда мне особенно нужны будут верные люди!

— Хайль Гитлер! — Гудериан выбросил вперед руку в привычном фашистском приветствии, подумав в то же время, что нет, сюда он больше не возвратится. Он вернется на свою должность только в том случае, если произойдет чудо и немецкие войска погонят врага вспять.

— Поезжайте в Бад-Либенштейн, — дружески посоветовал фельдмаршал Кейтель. — Там красивые места и очень спокойно.

— Увы, там уже американцы!

— Тогда в Гарц.

— Благодарю за проявленное вами участие, — с легкой иронией произнес Гудериан. — Но я постараюсь выбрать для отдыха такой курорт, который противник не сможет занять хотя бы в течение ближайших сорока восьми часов.

Генерал еще раз повторил нацистское приветствие и с чувством облегчения покинул бункер. Через подземный переход добрался он до гаража, сел в машину и приказал шоферу ехать не торопясь. Спешка для Гудериана закончилась. Он мог наконец подумать и позаботиться о своей дальнейшей судьбе. Он уже перевел кое-какие сбережения в банки нейтральных стран. Теперь нужно спрятать в надежных укрытиях оставшиеся ценности.

В Цоссен, где размещались отделы генерального штаба, Гудериан возвратился позже обычного и сразу направился домой. Жена встретила его в прихожей: аккуратно причесанная, в темном платье, спитом настолько хорошо, что оно скрывало полноту, делало Маргариту стройной и женственной.

— Почему так поздно? — с легким недовольством спросила она. — Ты забываешь о режиме: тебе давно пора ужинать.

— Зато я вернулся в последний раз! — засмеялся Гудериан. — Я ушел в отпуск! Ради этого можно было нарушить режим, не правда ли?

— Гейнд, дорогой! Это наше спасение! — воскликнула Маргарита.

5

О намерении союзников захватить Берлин раньше советских войск, в Москве узнали в конце марта. Генералиссимус Сталин немедленно вызвал в Кремль командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Жукова и командующего 1-м Украинским фронтом маршала Конева. После краткого обмена мнениями, Верховный Главнокомандующий приказал маршалам безотлагательно разработать план наступления на вражескую столицу.

Союзникам было направлено сообщение о том, что советские армии двинутся на Берлин не позже середины мая. Но подготовка операции закончилась гораздо быстрее.

В ночь на 16 апреля войска, выделенные для удара, заняли свои места в передовых траншеях.

Генерал-лейтенант Порошин приехал на наблюдательный пункт в четыре часа. Долго стоял в темноте на открытой площадке под сырым, пронизывающим ветром. То ли от этого ветра, то ли от волнения было зябко. Изредка тархтели дежурные пулеметы, вдали беспокойная скорострельная пушка раз за разом выпускала очереди трассирующих снарядов.

Ночь скрывала такое скопление людей и техники, какого Прохор Севостьянович никогда не видывал. Пятьсот артиллерийских стволов, не считая реактивные минометы, приходилось на километр фронта. В траншеях, в ходах сообщений теснота: повсюду люди, ожидающие сигнала атаки.

Подставляя ветру широкую грудь, смотрел Прохор Севостьянович на запад, туда, где в семидесяти километрах по прямой лежал город Берлин, слушал торжественный гул ночных бомбардировщиков, и вдруг вспомнилась ему песня, которую бодро распевали перед войной: «И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом!» Какими наивными мы были тогда! Лишь теперь, после многих смертей, после переоценки ценностей

и мучительной закалки огнем, мы научились, наконец, воевать грамотно, по-настоящему.

Ровно в пять часов предутренние сумерки разрезал сильный луч прожектора. Он взметнулся высь, замер вертикально, как огромная дирижерская палочка. И сейчас же с гулом и скрипом содрогнулась земля, горизонт за спиной Порошина озарился багровым всплеском, загудели, завывали в воздухе тысячи тонн металла, замелькали огненные хвосты ракетных снарядов. Едва эта масса взрывчатки и стали с яркой вспышкой обрушилась на позиции немцев, как сзади громыхнул второй залп, и пошло раз за разом; огненные вспышки прокатывались то сзади, то спереди, и даже небо над головой сделалось красным, словно бы раскаленным. Прохор Севостьянович видел в бинокль, как взрывы подбрасывают колья проволочных заграждений, как расползаются вверх и вширь густые клубы пыли и дыма. Вскоре серая завеса скрыла от глаз немецкие позиции.

Таким испепеляющим казался артиллерийский вал, обрушившийся на врага, такое нетерпение владело людьми, что пехота бросилась вперед без команды, едва отодвинулась с первой траншеи стена разрывов.

Озноб волнения охватил Прохора Севостьяновича, когда увидел он сотни маленьких фигурок, усыпавших черное поле, когда взметнулись над головами бойцов алые полотнища: в этот раз пехота шла в атаку празднично, под своими полковыми знаменами!

Утихал гул артиллерии, предутренние сумерки опять опустились на землю, но как только в немецкой обороне ожили, застрекотали уцелевшие пулеметы, вся полоса боя от горизонта до горизонта озарилась вдруг ярким светом. Вспыхнули полторы сотни прожекторов, ослепляя фашистов, высвечивая дорогу своим. Включили прожекторы и танки, двинувшиеся в атаку вместе с пехотой.

Прохор Севостьянович старался припомнить: где-то он уже видел нечто похожее?! Ну, конечно, это было на Днепре, когда штурмовали Киев, когда пропал Игорь Булгаков со своими разведчиками. Генерал Ватутин приказал танкам идти в атаку с полным освещением, обескуражить фашистов! И теперь командующий фронтом использовал тот же прием, только в более широком масштабе.

Бой переместился в глубь вражеской обороны, Порошин ничего не мог разглядеть за дымом. И вообще в би-

нокль он наблюдал лишь за одним участком боя, а ему требовалось знать все, что происходит в полосе корпуса. Он спустился в блиндаж, где офицер из оперативного отдела наносил на карту быстро меняющуюся обстановку.

Прорвав первую линию вражеской обороны, полки продвигались ко второй, еще более сильной. По данным разведки там, на гряде высот с труднодоступными склонами, немцы оборудовали несколько рядов траншей, множество отдельных окопов, соорудили завалы, противотанковые рвы. Там враг имел танки, имел много артиллерии, особенно зенитной, приспособленной для стрельбы по наземным целям.

Еще год назад прорыв такой мощной обороны представлял собой задачу столь трудную, что требовалась бы большая предварительная подготовка. А сейчас Зеловские высоты приказано было штурмовать сходу. По ним уже была наштабирована артиллерия большой мощности, волна за волной проплывали советские бомбардировщики, быстро подтягивались пушечные дивизионы.

Перед наступающей пехотой, расчищая ей путь, двигался огневой вал. Он прокатился по ровному полю, разделенному на аккуратные участки, начал подниматься по крутым склонам, опутанным проволокой. А пехота, попав на минные заграждения, неся потери от вражеского огня, замедлила темп.

Генерал-лейтенант Порошин передал командирам дивизий приказ: ввести в бой вторые эшелоны.

«Не рано ли?» — одними глазами спросил его начальник штаба. Прохор Севостьянович качнул головой: «Нет, в самую пору!» Темп наступления нужно было поддерживать и наращивать. Тем более, что в передовой линии действованы лишь две стрелковые дивизии: третью дивизию Порошин держал в резерве, рассчитывая сохранить полную боеспособность корпуса вплоть до Берлина.

6

Через три дня после начала наступления, когда штаб корпуса еще стоял на месте, машинистка-переводчик Ольга Дьяконская была вызвана в оперативную группу, непосредственно руководившую боями.

Ольга не знала, кто дал распоряжение прислать ее в

оперативную группу, но ей было приятно думать, что распоряжение идет от Прохора Севостьяновича, что Прошину хочется, чтобы она была ближе к нему.

Захватив чемоданчик и шинель, Ольга села в машину. В открытом кузове, почти вровень с бортами, стояли ряды какие-то аккуратные ящички. Возле кабины сидел пожилой майор-артиллерист, нескладный, худой и застенчивый. Он уступил Дьяконской место на ящике, который был накрыт немецким офицерским плащом.

Сам артиллерист разместился справа, то и дело курил, пуская дым так, чтобы не относил его на женщину. Он старался развлечь Дьяконскую, рассказывал старые анекдоты, случаи из жизни рабфаковцев.

Ольга не столько слушала майора, сколько смотрела вперед и по сторонам. Широкая асфальтированная дорога с трудом вмещала поток людей и повозок, двигавшихся в два ряда, и такой же поток катился навстречу. С фронта везли раненых, пустую тару, гнали бесконечные колонны пленных.

Машины часто останавливались, пропуская то пехоту, то танки, двигавшиеся к фронту, но больше всего было пушек: и совсем маленьких, противотанковых, и длинноствольных зенитных, и огромных орудий большой мощности из резерва Главного командования. Пушки катились вслед за грузовиками, за тягачами, ползли своим ходом, много было конных упряжек. И все это в одну сторону — на Берлин, прямо среди бела дня, под ясным небом. Если у немцев еще и осталась авиация, то ей, во всяком случае, было не до наших тылов. К тому же высоко в небе, поблескивая на солнце, все время вились истребители.

Возле моста через канал с ровными, как по линейке обрубленными берегами, машина остановилась снова. Скуластая девушка-регулировщица с карабином за спиной пропускала на западный берег колонну всадников. Казаки с красными лампасами на синих брюках, с яркими верхами шапок-кубанок, ехали по три в ряд, весело переговариваясь. Колонна пленных, ползущая навстречу конникам, испуганно подалась от центра моста к самым перилам.

Казачий офицер в черкеске с газырями гибко свесился с коня, протянул руки к регулировщице, будто намереваясь схватить ее.

— Эй, красавица, поцелуй подари!

— Ишь, какой! — отшатнулась девушка. — Много вас тут, всех не перецелуешь!

— Ну, хоть улыбнись на дорожку! — крикнул он, отъезжая. Регулировщица засмеялась и махнула вслед желтым флажком.

За мостом дорога стала хуже. Асфальт был изрыт воронками, наспех засыпанными землей и битым кирпичом. Вдоль обочин валялись груды обгорелого железного лома, часто попадались разбитые пушки, исковерканные бронетранспортеры, грузовики.

В молодом дубовом лесу, на чуть пробившейся травке, увидела Ольга убитых немцев. Особенно густо, почти один на другом, лежали они возле извилистой глубокой траншеи. На деревьях над ними белели листовки-плакатики, приклеенные к стволам. Иные были изодраны, посечены осколками, но некоторые уцелели.

Ольга спрыгнула с грузовика, подошла ближе. Почти все немцы молодые, лет по шестнадцати. Мундиры велики для них, у большинства подвернуты рукава.

Осторожно ступая между трупами, она подошла к дереву и прочитала листовку. Ну, конечно, агитация и пропаганда. Фюрер сказал: нас спасет упорство и новое оружие. Русские слабеют с каждым часом. Они воюют трофейными солдатами, которых освободили из лагерей для пленных... Каждый немец, независимо от возраста, должен до конца выполнить свой долг! Берлин остается немецким!

Дьяконская сорвала несколько листов: и в штаб, и себе на память...

Впереди, над красными островерхими крышами, росла низкая, набухшая туча: грузовик въехал в крупный и теплый дождь. По кабине забарабанили капли, повеяло свежестью. Майор велел Ольге поменяться местами с сержантом, который сидел рядом с шофером. В кабине было хуже: пахло бензином и меньше видно.

Машина миновала еще один городок, наполовину разбитый. В высокой фабричной трубе зияли такие дыры, что она, казалось, рухнет при первом порыве ветра. Над закопченными стенами выгоревших корпусов клубился смоляной дым.

За городком потянулся лесной массив. Деревья стояли голые, темные, лишь кое-где проглядывал легкий зеленый

пушок. Пейзаж сделался однообразным. Ольга начала подремывать, как вдруг послышались выстрелы. Дорога впереди была забита машинами, стоявшими и вкривь, и вкось, и даже почему-то поперек шоссе. На опушке, среди стволов, мельтешили фигурки, по просеке, перпендикулярно дороге, ползли черные приземистые танки.

Из кузова выпрыгнул майор — волосы всклокочены, шинель нараспашку, в руке автомат и граната. Увидев Ольгу, подбежал к ней:

— Ты что, ослепла! Ложись!

Толкнул ее в яму, Дьяконская упала прямо в грязь. Приподнялась, опираясь на руки, и замерла в таком неудобном положении: над головой раздался оглушительный треск, у нее зазвенело в ушах.

Стреляли автоматы. Рядом с Ольгой торопливо отстукивал короткие очереди пулемет, а когда он замолкал, слышался чей-то умоляющий голос: «Орел, орел, немцы в шестом квадрате, пришлите коробки, пришлите коробки!»

Ольга вытянула руки из липкой жижи и выпрямилась, ища глазами радиста, но увидела только сержанта и майора: они лежали на асфальте между колесами грузовика и стреляли. А от леса к шоссе бежала большая толпа немцев.

Майор оглянулся, бросился к ней:

— Лежи! Не вставай!

Она снова упала в вязкую жижу, а на спину ей грузно навалился майор. Ольга чувствовала на затылке его дыхание, тяжелое тело майора мелко тряслось от стрельбы.

Сквозь пальбу, гул и треск прорезался вдруг неестественно высокий, отчаянный голос: «Орел! Сволочь! Орел! Давят нас! Танки давят! Браток, помоги...» Крик оборвался. Умолк пулемет, строчили только автоматы. Громче сделался лягз, быстро нарастали топот и крики.

Ольга почувствовала, как вздрогнуло и судорожно дернулось на ней тело майора. Она больше не ощущала его дыхания. На ее шею и на правую щеку горячей струйкой хлынула кровь. Розовая лужица быстро накапливалась в ямке возле самого лица Ольги, от крови шел теплый, пресный и тошнотворный запах, а она не могла отодвинуться, потому что совсем рядом топтали торопливые шаги, звучали хриплые злые голоса немцев:

— Schneller, schneller! Bring' MG-Schützen um, er schlägt uns von hinten auf!¹

Кто-то на бегу наступил на тело майора, тяжесть толчком притиснула Ольгу, она ткнулась щекой в жидкую грязь и, задышавшись, мысленно молила о том, чтобы майора не столкнули с нее, чтобы немцы не увидели ее волосы, выбившиеся из-под пилотки.

* * *

Большая группа фашистов, численностью до батальона, отрезанная от своих, пыталась пробиться на запад через леса. Для командира советского полка, по тылам которого пришелся удар, нападение группы немцев явилось серьезным событием. Он повернул против гитлеровцев один из батальонов и послал танки.

Для командира советской дивизии появление в тылу вражеского батальона было одним из эпизодов боевого дня. А командир корпуса генерал-лейтенант Порошин просто принял к сведению доклад о мерах, принятых против немецкой группы. Подобные случаи происходили в полосе корпуса почти ежедневно. Где уж заниматься кучкой деморализованных немцев, когда совсем рядом — Берлин, когда войска корпуса все глубже вгрызаются в его пригороды!

Ближе к вечеру Порошину снова напомнили о вражеской группе. Оказалось, что немцы разбили на шоссе несколько грузовиков с противотанковыми снарядами и на завтра некоторые части могут остаться без боеприпасов. Прохор Севостьянович распорядился послать на тыловой склад еще пять автомашин и, мысленно представляя путь, который им нужно проделать, вдруг подумал о том, что в колонне, подвергшейся нападению, могла оказаться и Ольга! Ну, конечно, он ведь сам распорядился вызвать ее... И если она не задержалась с отъездом...

Порошин позвонил в штаб корпуса. «Да, — ответил ему помощник начальника штаба. — Приказание выполнено, Дьяконская отбыла в распоряжение опергруппы штаба в первой половине дня».

Прохору Севостьяновичу стало так душно, что он растегнул верхние пуговицы кителя. Перед глазами всплыла много раз виденная картина: изрытая воронками до-

¹ — Скорей, скорей! Прикончи пулеметчика, он ударит нам в спину! (нем.).

рога, разбитые машины и трупы... А ведь он так берег Ольгу, старался держать ее дальше в тылу. Он всегда говорил себе: у нее погиб муж, сын ее не должен остаться сиротой. Говорил и, пожалуй, верил своим словам. А тут вдруг понял, что дело не только в этом! Ольга дорога ему сама по себе, ему веселей и легче стало жить, с тех пор как она приехала в корпус. Она была единственной женщиной, которую ему хотелось видеть возле себя, о которой хотелось заботиться...

Порошин вызвал к телефону командира дивизии, в тылу которого прорвались через дорогу немцы, хотел узнать подробности. Однако командир дивизии сам толком ничего не знал и, чувствовалось, не особенно интересовался тыловым происшествием. Он охотно говорил лишь о том, что делается в наступающих подразделениях. Мыслями он находился в Берлине и это, в общем-то, было правильно, хотя Прохор Севостьянович и остался недоволен, повесив трубку.

Он решил сам выехать на шоссе, если до 20 часов не получит точных сведений о Дьяконской. Торопясь закончить неотложные дела, вызвал к себе начальника оперативного отдела. Тот принес две карты: советскую и трофейную, более точную. По этим картам Порошин наметил в общих чертах задачу для дивизий на следующий день.

Начальник оперативного отдела предложил выдвинуть на направление главного удара самоходные артиллерийские установки, находившиеся в резерве. Прохор Севостьянович, слушая его доводы, поглядывал в окно и вдруг увидел Дьяконскую. Она появилась под аркой ворот на противоположной стороне большого мощеного двора. Адъютант Порошина нес ее вещевой мешок. Шла она быстро, на ходу поправляя волосы.

Прохор Севостьянович заторопился.

«Хорошо, — сказал он начальнику оперативного отдела. — Я согласен. Зайдите ко мне через два часа, решим окончательно».

Он пошел к двери обычной своей неторопливой походкой и только на лестнице не сдержался, побежал вниз.

Его поразило лицо Ольги: какое-то безучастное, бледное, словно маска, вылепленная из гипса. На гимнастерке темными пятнами запеклась кровь.

— Вы ранены?! — испуганно воскликнул Прохор Севостьянович.

— Нет, — ответила она и чуть заметно качнулась к нему, будто ища опоры.

Прохор Севостьянович обнял Ольгу за плечи и, глядя прямо в ее глаза, сказал громко:

— Теперь я не отпущу вас от себя! Ни на один день! Ольга устало и благодарно улыбнулась ему.

7

В танковом батальоне, где четвертый год кашеварил ефрейтор Булгаков, люди забыли, что такое сухой паек.

С минувшей осени, от самой реки Вислы, танкисты у него только шесть раз не получали приварка, а в других батальонах ребята по целым неделям сидели на подножном корму. Теперь уж и не упомнишь, когда и где приходилось Ивану заботиться о соседях по бригаде, оставшихся без своих кормильцев. Это тоже стало делом обычным. И лишь возле Берлина, в самый, можно сказать, исторический момент, Булгаков чуть было не осрамился.

Танкисты махнули вперед такими темпами, что Иван со своим меринком Шибко Грамотным едва успевал за ними. Двадцать и даже тридцать верст в сутки — конец не так уж велик. Но танки уходили на запад рывком. Ивану выпадало каждый день догонять их. А попробуй догони, если танков везде уйма, все дороги исковыряны гусеницами, и спросить не у кого. Шпрехат по-дойчески Иван не научился. Правда, Шибко Грамотный вроде бы понимал немецкую речь, прядал ушами, и, как и раньше, поровил переть туда, куда хотел, но Булгаков в таком важном деле трофейному мерину не доверял.

Только успеет Иван догнать свой батальон и развести огонь в топке, как ребята снимаются с места и опять начинается гонка. В конце концов Булгаков, хоть и с большою сердечной, отвел все же мерина к знакомым обозникам, а сам прицепился к бригадному грузовику с запасными частями. Такой машине никак нельзя было отставать от батальонов, а Ивану только это и требовалось. К тому же он сообразил привлекать для подсобных работ гражданское население. Фрау и киндеры чистили ему картошку и охотно выполняли всякую другую работу, получая взамен солдатскую норму борща или добротной гречневой каши.

Иван приглядывался к своим помощникам, заходил в дома, осматривал крестьянские наделы, сравнивал нашу и немецкую жизнь. Фрау и киндеры в большинстве своем были тощими, насчет жратвы у них получалось не больно густо. Землю немцы возделывали заботливо, но уж очень малы участки: после наших просторов и плюнуть негде. Сядешь под кустик, ан — уже к соседу попал.

Но зато чистота и аккуратность у них была отменная. Крестьянский дом — как у барина. Взглянуть приятно, а ноги сами о половик вытираются, прежде чем шагнуть через порог.

Ребята хвалили одежду: и легкая она у немцев, и удобная, и красивая. Но Иван с ребятами не соглашался. Верно, с виду одежда у них привлекательная, но материала настоящего нет. Повсюду какие-то эрзацы.

Чем ближе подходила танковая бригада к немецкой столице, тем яростней сопротивлялась отступавшая перед ней немецкая пехота. Фашисты засядут в подвалах, в домах за толстыми стенами, — вот и попробуй их вышибить! Потери в бригаде не только не уменьшились, а даже увеличились!

В разбитых немецких городах гибло много всякого добра. Заходи в пустые, брошенные хозяевами квартиры и магазины, бери, что захочешь. Иван взял двое ручных часов: себе и Алене. Сперва мучила совесть: вот, мол, незаработанное ношу. Однако сумел успокоить себя. Немцы-то, почитай, четыре года нашу страну грабили, и кормились, и одевались за наш счет, и всякие ценности вывозили. Они организованно грабили. А солдат много ли унесет в вещевом мешке, куда нужно поместить и бельешко, и письма из дома, и запас патронов, и мыло, и помазок с бритвой...

Во второй половине дня Булгаков разыскал своих танкистов в чистой сосновой роще, где деревья стояли строгими рядами и не было ни траншей, ни завалов, ниtrupов — всего того, что попадалось везде на каждом шагу. Лешка Карасев, возившийся возле нового тяжелого танка ИС, помахал грязной ветошью.

— Здорово, земляк! Ставь здесь свою кухню и можешь устраиваться всерьез. Объявлен отдых до завтрашнего утра.

— Ого! — удивился Иван. — С чего бы это? Вроде еще не выдохлись наши?!

— А ты на опушку сходи, — посоветовал старший лейтенант. — Да без дураков, не разыгрываю! — добавил он, заметив, что Булгаков колеблется.

Иван подбросил в топку сухих полешек, прикрыл дверцу и пошел к краю леса. Там, среди кустарника, толпилось много бойцов, танкистов и пехотинцев, стояли легкие машины. Солдаты карабкались по стволам высоких сосен, молодые добирались до верхних ветвей. К одному из стволов саперы прибавляли планки на манер лестницы, а внизу нетерпеливо прохаживался полковник с биноклем, при папаче, но без шинели, а только в кителе.

Иван сразу догадался, в чем дело, но решил все-таки проверить себя, спросил горбоносого немолодого бойца:

— Чего это на деревья-то лезут?

— Ха! Ты Берлин видел? — обнажил тот в усмешке крупные желтоватые зубы. — Нет? Тогда полезай, посмотри!

Иван скинул сапоги и вспомнил молодость, словно копка, вскарабкался по шершавому стволу. Сел на развилке, ухватившись липкими от смолы руками за толстый сук. Сразу за кустами увидел он широкую бетонированную дорогу, тянувшуюся и вправо, и влево, и малость закругляющуюся, как дуга. Чуть поодаль, за дорогой и за кустами, высились однообразные кирпичные дома, торчали заводские трубы, а дальше ничего нельзя было разобрать потому, что в воздухе висела серая хмарь от многочисленных пожаров. Струи дыма поднимались вверх во многих местах, постепенно ширясь и сливаясь в мрачную тучу, сквозь которую едва проглядывало заходящее солнце.

У Ивана так радостно стало на душе, что не смог он в эту минуту смолчать, и крикнул бойцам, угнездившимся на соседних деревьях:

— Эй, братья-славяне, дошли, значит!

— Дошли! — восторженно выдохнул усатый боец, сидевший слева. — Я, друг, от самой Оки сюда!

— А город-то, оказывается, обыкновенный, — презрительно произнес кто-то, скрытый от Ивана густой хвоей. — Как Свердловск наш, ничуть не лучше.

— Ну, это ты не скажи, — отозвался снизу густой солидный бас. — Берлин — город красивый и старый. Мы сейчас только кольцевую дорогу видим да самые окраины.

— А ты что, бывал здесь?

— Нет, политрук вчера рассказывал.

— Мало ли, что красивый и старый, — раздался опять голос из-за хвои. — А ты мне Свердловск не хай!

— Да я не хаю, чудило, — добродушно возразил бас. — Я тебе насчет истины проясню!

То ли от терпкого запаха смолы, то ли от дыма, тянувшегося с города, а может, от этого добротного неторопливого разговора на виду у вражьей столицы, защекотало вдруг у Ивана в носу.

— Ох, братцы, — проникновенно сказал он. — Сроду я митингов не люблю, а сейчас в охотку пошел бы возле теплых слов отогреться!

— Рано митинговать-то, — ответил усатый. — Еще не вся кровушка вылилась!

— Эгей, дядя! — вмешался чей-то новый молодой голос. — А тут тебе чем не митинг! Махни речугу, мы слушаем!

На деревьях завязалась веселая перепалка, а Булгаков осторожно, чтобы не порвать шаровары, начал спускаться вниз. Пора было посмотреть котел. Засидишься здесь, и как раз оставишь ребят без варева.

После ужина, вымыв котел, Иван отправился к Лешке Карасеву, потолковать с земляком, узнать, что слышно насчет завтрашнего маршрута движения. Залез на броню могучего ИСа с закругленной плоской башней, уважительно погладил длинный и толстый ствол, а потом без спешки повел беседу. Сперва поговорили они о новом вражеском оружии фауст-патроне. До чего хитер немец: придумал железную трубу с набалдашником. И носить легко, и надевать их можно сколько хочешь. А действует против танка сильнее, чем артиллерийский снаряд. Если, конечно, с близкого расстояния.

Лешка ответил, что наши теперь стали навешивать поверх брони листовое железо. Дело это несложное, зато пользу дает большую. Фауст пробивает такой экран, теряет свою реактивную силу, и от брони идет рикошетом. Но Иван сказал, что все равно под фауст-патрон лучше не подвертываться, и Карасев согласился с ним.

Вечер наступил безветренный, теплый. Небо над головой было светло-зеленым и очень глубоким. Ближе к горизонту оно постепенно розовело, краснело, а над Берлином казалось совсем багровым: на этом фоне четко обрисовывались черные стволы сосен.

В воздухе не смолкал гул самолетов: группа за группой шли к городу бомбардировщики...

Почти всю войну Иван провел в танковой части, научился понимать кое-что в стратегии-тактике танковых войск. У них задача какая? Войти в прорыв и жать вперед на всю катушку, сея панику и прокладывая дорогу царице полей. Вот и теперь: дотянули пехоту до самого Берлина и остановились ждать нового приказа.

Город возьмут пехотинцы, артиллеристы, саперы. Это уж всегда так бывало. Ведь у танка главное что? Маневр, скорость. А в городе он ползет, как черепаха среди завалов, рухнувших зданий. В городе обзор ограничен, враг может подобраться вплотную: при таких условиях сильна не машина, а боец-одиночка.

Куда бросят теперь бригаду? Скорее всего танки двинутся в обход Берлина по кольцевой дороге, и дальше на запад. Иван и Лешка даже пожалели, что не увидят как следует вражескую столицу.

* * *

В первый же день боев за Берлин высшее советское командование убедилось, что битва будет жестокой и кровопролитной. На сравнительно небольшой территории города, превращенного в крепость, немцы имели около двухсот тысяч солдат, в том числе опытные фронтовые и эсэсовские части, располагали большим количеством артиллерии и запасами фауст-патронов. А советские войска устали и поределели, пока гнали противника от Одера до берегов Шпрее.

К этому времени театр военных действий сократился настолько, что не осталось просторов, на которых танковые армии могли бы выполнять свои специфические задачи. Конечно, в условиях городского боя танки понесут серьезные потери, но не стоять же им без «работы», когда другие рода войск сражаются с полным напряжением сил!

Советское командование приказало ввести в Берлин сразу несколько танковых армий, чтобы скорее покончить с этим крупнейшим очагом сопротивления.

Утром машина старшего лейтенанта Карасева первой в колонне въехала на короткий, но широкий мост. Асфальт на нем, как оспинами, был испятнан неглубокими ворон-

ками от мин. Справа, на тротуаре, стояла группа офицеров. Лешка узнал командира своей бригады — он докладывал что-то плотному, немолодому человеку в танковом комбинезоне и в генеральской фуражке. Лицо этого человека показалось Карасеву знакомым. Только съехав с моста, он, наконец, вспомнил: это же Катукон! Полковник Катукон, вместе с которым воевал под Орлом, под Мценском, на реке Зуше!

Поздороваться бы с ним, напомнить, как переправлялись в сорок первом по железнодорожному мосту осенней ночью, под непрерывным огнем! Только разве теперь пробьешься к нему! Вон какая свита вокруг! Теперь Катукон генерал-полковник, командир 1-й гвардейской танковой армии. Таких как он — раз-два и обчелся!

И все-таки очень приятной была эта встреча. Лешка достал свой потертый мешок-кисет, свернул здоровенную самокрутку, а потом, словно бы между делом, сказал молодым ребятам, водителю и башенному стрелку, какого знакомого он увидел.

На перекрестке Карасев разыскал командира штурмовой группы, которую должен был поддерживать своей ротой. Командир указал направление и сел на танк, укрывшись за башней.

Потянулась узкая улица, похожая на глубокий и темный каменный коридор. Фасады некоторых домов обрушились, танк едва пробивался через завалы, через остатки разгромленных баррикад. Низко над горящими зданиями ходили самолеты, казалось, что пламя, взметнувшись, может лизнуть их. Бомбы сыпались где-то поблизости, а одна упала метрах в двухстах перед танком. Лешка выругался, попытался связаться по радио с бригадой, но эфир был полон треска, команд, торопливых голосов, морзянки. Раньше, бывало, командиры даже при необходимости опасались включать радиостанции. Немец запеленгует, сразу пришет авиацию. А теперь кричали, говорили, смеялись по радио, забыв всякую осторожность.

Так и не добившись связи, Лешка повел свой танк к перекрестку, к большому дому, стоявшему перпендикулярно улице. Из окон дома били не только немецкие пулеметы, но и пушки. Однако их снаряды отскакивали от мощной брони ИС, не причиняя никакого вреда.

Наших нигде не было видно, бойцы попрятались в домах и среди развалин. Исчез и командир штурмовой груп-

пы: он скрылся в подъезде, предварительно попросив Карасева сделать пролом в нижнем этаже дома. Башнер принялся бить по парадной двери, наглухо заложенной кирпичами, и только четвертым снарядом открыл, наконец, небольшое отверстие. Лешка приказал больше не стрелять, а беречь снаряды.

В дом через подземные коммуникации проникли наши саперы, заложили взрывчатку. Угол дома окутался дымом и осел, будто растворился, превратившись в клубы пыли. Карасев подвел машину поближе, прикрывая пехотинцев, устремившихся в пролом, и тут увидел фашистский танк, который медленно, переваливаясь на грудах кирпича, полз по переулку, заходя сбоку. На стволе пушки белели нарисованные краской кольца, штук семь или восемь, не меньше, чем звездочек на Лешкином танке. Фашист попался бывалый и опытный.

Башенный стрелок ударил из пушки, но промахнулся. Немец сразу дернулся в сторону и ответил двумя выстрелами, да так метко, что снаряд угодил прямо в Лешкину машину. Он не пробил броню, но толчок сбросил с места башенного стрелка, который ударился виском о железо и потерял сознание. Пока Карасев занял его место, фашист успел скрыться.

Старший лейтенант послал второй танк своей роты вправо, помогать пехотинцам, а сам остался возле пролома. Пока фашист цел, надо быть начеку, не подставлять ему ни корму, ни борта. Немец в лучшем положении, он знает, где тут проезды, где заграждения и минные поля. Гоняться за ним нет смысла. Он притаится в каком-нибудь дворе, а потом бахнет в спину.

Лешка решил выиграть терпением. Держа под прицелом угол, за которым скрылся фашист, он вновь вытащил старый кисет и опять скрутил здоровенную «козью ножку». Чиркнул зажигалкой, но прикурить не успел: из-за угла появился ствол с кольцами, вражеский танк вылетел из переулочка, круто повернулся и бегом ударил из пушки. Снаряды взвихрили пыль, Лешка плохо видел противника, но выстрелил точно: тяжелый снаряд скосил немца башню, танк сразу сделался очень низким и окутался дымом.

«Радуйся, Алексие! — сам себе крикнул Карасев, вытирая со лба пот и пороховую копоть. — Радуйся, скорый

помощник! Можешь еще одну звездочку на свой счет прибавить!»

Чтобы лучше видеть разбитую машину, он приоткрыл крышку люка и с удовольствием глотнул свежего воздуха. Сзади раздались крики, затарахтели автоматные очереди. Лешка оглянулся: из углового дома к нему бежали несколько немцев в солдатских кепи, но в гражданской одежде. У одного из них торчал под мышкой набалдашник фауст-патрона. Карасев едва успел нырнуть в люк, когда грянул гулкий, звенящий разрыв.

* * *

Узнав, что с земляком стряслась беда, Иван оставил недоваренный обед и упросил штабного мотоциклиста отвезти на передовую.

Бой уже отодвинулся в глубь города, но на освобожденных улицах еще раздавалась стрельба: немцы прятались в развалинах и подвалах. Эвакуировать раненых было опасно и не на чем, колесные машины не могли пройти по грудам кирпича. Раненые лежали в большой комнате с выбитыми окнами. Внутренняя стена была наполовину разбита снарядом. В воздухе висела тонкая пыль, она скрипела на зубах, покрывала белесой пленкой тела и лица бойцов. У Карасева даже чуб стал каким-то серым, а ресницы сделались лохматыми и густыми. Они вздрагивали, когда Алексей напрягался от боли.

— Ничего, ничего, Леха, — успокаивал Иван. — Сейчас я носилки раздобуду, мы с механиком живо тебя до санроты дотянем.

Правая рука Карасева была оторвана до самого локтя, култышка наспех обмотана бинтами, почерневшими от крови и грязи. Грудь перевязана крест-накрест, Лешка говорил тихо, с каким-то странным присвистом.

— Куда же я без руки, а, Иван? Ни на танк, ни на трактор...

— Э, брат, была бы голова на плечах! Ты пока подлечись, здоровьишко возобнови. А домой вернемся, мы тебя в сельсовет председателем двинем. Ты парень партийный!

— Нет, — слабо качнул головой Карасев. — Закурить дай мне.

— Что «нет»? — переспросил Булгаков.

— В сельсовете бумаги писать надо...

— А секретарь для чего? Возьмешь себе грамотную девку, она любую бумагу составит. Тебе только подпись наложить да печатьку пристукнуть! — ответил Иван, вкладывая в рот земляка раскуренную сигарету.

8

Возвращаясь от командующего армией, Прохор Севостьянович с трудом пробился на «виллисе» через пригороды и окраины Берлина. Все дороги, все улицы и переулки были заполнены тыловыми подразделениями, везде стояли повозки и автомашины, размещались санбаты, склады, обменные пункты, ремонтные мастерские и прочие многочисленные службы двух фронтов. Вся эта машина была приспособлена для того, чтобы обеспечивать войска, действующие в полосе, шириной этак 500—600 километров. А теперь войска клином сошлись к одной географической точке — германской столице — и охватили ее железным кольцом.

На передовую шло пополнение, двигались танки и артиллерия крупных калибров. Командование вводило в бой резервы, чтобы скорей сломить сопротивление немцев и прекратить кровопролитие. В штабе армии Порошина еще раз предупредили: боеприпасов не жалеть, двигать вперед артиллерию и броню, свести до минимума потери в личном составе.

Об этом ему можно было и не говорить. Он вообще считал, что с окруженным Берлином можно теперь не торопиться. Война выиграна. Пусть агония столицы затянется хоть на десять суток, лишь бы не гибли наши солдаты.

В корпусе Порошина было сделано многое, чтобы на этот раз одержать победу самой малой кровью. Созданы штурмовые группы под руководством опытных командиров, эти группы насыщены орудиями разных калибров, танками, самоходками. Каждый полк имеет прямую связь с поддерживающей авиацией. Бойцы снабжены запасом патронов, гранат, толовых шашек. Прохор Севостьянович сам сказал командирам дивизий: «Не спешите. Если дом стреляет — разбейте его. Потеряем танки и пушки — не беда. Их можно отремонтировать или переплавить на

тракторы. А погибшие люди будут на вашей совести».

И все-таки ему казалось, что он не использовал все возможности. Сделано то, что и принято, обычно, при уличных боях в большом городе. Но ведь здесь, в Берлине, есть какие-то свои особенности?! Их трудно обнаружить сразу, они будут понятны потом, со временем, но тогда будет поздно извлекать из них практические выводы. В том-то и талант полководца, чтобы чувствовать малейшие оттенки сложившейся обстановки, влиять на ход событий...

Чем ближе к центру города, тем труднее становилось передвигаться. Многие дома лежали в руинах, засыпав проезжую часть улицы. Из окон уцелевших домов свешивались белые простыни, скатерти, полотенца, заменявшие флаги. Вернее, не белые, а серые от слоя пыли, густо висевшей в воздухе. Изредка раздавались выстрелы.

Сюда не нахлынули еще тыловые подразделения, здесь размещались огневые позиции батарей, санитарные роты. Неторопливо двигались саперы с миноискателями, дымил походные кухни. Попадались бойцы, в одиночку направившиеся к передовой. Порошин знал, что в госпиталях началось повальное бегство: те, кто мог передвигаться, уходили в боевые подразделения. Каждому хотелось поглядеть, как гибнет фашистское логово, а если повезет, то поймать Гитлера или хотя бы Геринга или Геббельса.

Участились случаи бегства из тыловых частей. Какой-нибудь сержант, всю войну ведавший выдачей обмундирования на складе, вдруг исчезал, оставив записку о том, что пошел добывать фашистов...

Командный пункт корпуса разместился в небольшом парке, во флигеле под старыми липами. Черные телефонные провода выбегали из окон и скрывались среди ветвей. В просторных комнатах флигеля — полированные столы с гнутыми ножками, множество диванов, пуфов, кушеток. Офицеры смеялись: не иначе хозяин флигеля был владельцем мебельного магазина. Сейчас на этих бархатных и атласных кушетках спали бойцы, некоторые даже не сняв сапог. Усталость свалила тут разведчиков и связных, у людей сил не хватило, чтобы разуться. Уже третьи сутки корпус вел непрерывный бой, сначала в пригороде, потом в самом городе, прогрызая вражескую оборону, отвоевывая дом за домом, улицу за улицей. Люди пользовались малейшей передышкой, чтобы поспать, хоть часок.

«Но такими передышками пользуется и враг, — подумал Прохор Севостьянович. — Во время затишья немцы производят перегруппировки, успевают поесть, вздремнуть... Ну и что? Что из этого следует... — Порошин прищурился, почти закрыл глаза, стараясь понять еще призрачную, ускользавшую мысль. — Немцы должны валиться с ног от усталости. Сил человека хватит на два-три дня. Потом он выдыхается!»

Порошин засмеялся и вызвал к телефону командира правофланговой дивизии.

— Аркадий Порфирьевич, у тебя полки как построены?

— Два полка в линию, ведут штурм. А третий сзади, подчищает недоделанное. Он же является моим резервом.

— А знаешь, Аркадий Порфирьевич, я тебе подкрепление могу дать. Очень надежное подкрепление.

— Артиллерийское?

— Нет, сугубо организационное. Выстраивай дивизию в три эшелона. Пусть один полк ведет активные действия, второй прочесывает подвалы, подчищает, как ты говоришь, и приводит себя в порядок. А третий полк в это время отдыхает. Часов через восемь-десять, по обстановке, третий полк пройдет через боевые порядки первого и продолжит бой. Первый остается на своем месте, приводит себя в порядок, а второй в это время отдыхает в тылу. Еще через восемь часов второй полк пройдет перекатом через боевые порядки и сменит уставшие подразделения. И так раз за разом.

В трубке потрескивало, командир дивизии не торопился с ответом, думал, прикидывал.

— Понял! — весело сказал он после паузы. — Понял, товарищ генерал! Мы несколько ослабим давление на противника, но зато оно станет непрерывным. Наши бойцы сохраняют силы, а немцы выдохнутся. Через сутки они будут засыпать стоя.

— Верно, Аркадий Порфирьевич. Идея такова: не дать противнику ни секунды отдыха. Вымотаем фашистов физически, чтобы у них глаза туманились и руки тряслись. А наши люди пусть работают восемь часов в сутки, как положено по советским законам, — улыбнулся в трубку Порошин.

— Спасибо за совет, товарищ генерал!

— Не за что, Аркадий Порфирьевич. Успехов тебе

желаю! — Порошин помолчал и добавил весело: — Чувствуешь, какая жизнь наступила?! В три смены работать можем!

9

В поле, в лесу, на болоте, в поселках и деревнях — всюду Иван был словно дома. Везде можно по солнцу или по деревьям определить, в какой стороне восток и запад, везде можно оглядеться, разыскать противника — дело привычное. А вот в большом городе Берлине Иван на первых порах почувствовал себя не в своей тарелке. Заехал он с кухней в глубокие каменные ущелья, со дна которых виден лишь задымленный кусочек неба. Ни деревца вокруг, ни травы, только кирпичи да серый асфальт, да чадающие развалины. После такой разрухи местный житель и тот, наверно, заблудится в узких переулках среди рухнувших стен. А Иван даже на сто метров опасался отходить от своей кухни. Свернешь за угол — и никакого ориентира. Даже название улицы негде узнать.

Тут не угадаешь, откуда грозит опасность. Еще утром разместились во дворе и в уцелевшем этаже дома санитарная рота, ремонтная летучка и походные кухни. А вечером из какой-то трубы вылез немец и вдребезги разнес «фаустом» повозку с боеприпасами, въезжавшую во двор.

В сумерках кто-то полоснул из развалин автоматной очередью. Иван вместе с другими бойцами полез по кучам битого кирпича ловить автоматчика, попал в какой-то коридор: с одной стороны стена и двери, а с другой — пустота, словно пропасть. Чудом сохранилась только широкая лестница, зигзагами спускавшаяся к земле.

Иван загнал автоматчика в комнату, швырнул туда гранату, но не убил, а только оглушил немца. Он упал на развороченный паркет, бился и рыдал, как в истерике. За воротник куртки Булгаков приподнял автоматчика и увидел перед собой парнишку лет четырнадцати с узким продолговатым лицом и большими оттопыренными ушами.

Парнишка совсем озверел, брызгал слюной, словно бешеный, и вознамерился было кусаться. Иван отобрал у него автомат, а убивать пожалел. Стащил его вниз, поставил возле ворот и со всего маху врезал ему по роже, приговаривая: не будь дураком, не лезь в драку! А потом

сунул парнишке кусок хлеба и велел мотаться поближе к мамкиной юбке.

Вообще Иван был недоволен тем, что приходится сидеть в грязном кирпичном мешке, не видя белого света. Давно хотел посмотреть, какова она, эта вражья столица, откуда кинулись на людей все напасти. А тут одни обгорелые стены, да белые простыни в окнах, да трясущиеся от страха, тощие от голода немецкие фрау в подвалах.

Когда с передовой пришел знакомый разведчик Щербатов, Булгаков так и набросился на него с вопросами. Разведчик подставил большой молочный бидон и, глядя, не жидкий ли суп наливает повар, сказал не без гордости:

— Главную ихнюю канцелярию простым глазом видеть. Скоро у Гитлера в избе дверь вышибем!

— Врешь, поди? — усомнился Иван.

— Да провалиться мне на этом месте! Вон как до ворот — до канала. А за каналом главная фашистская сердцевина.

— Эх, мать честная! — вздохнул Иван, откладывая черпак. Подумав, спросил: — А как ты в одиночку горячий бидон потащишь? Напарник-то есть у тебя?

— Напарнику по дороге ноги балкой придавило, — объяснил Щербатов. — А с бидоном управлюсь. На спине донесу, как остынет.

— Это непорядок, — возразил Иван. — Что за радость людям бурду хлебать. Давай уж помогу тебе, вместе мы быстренько.

— Причину ищешь? — понимающе прищурился разведчик. — А ты просто так, бери гранаты, и айда!

— А ведь верно! — радостно согласился Иван.

Он попросил знакомого бойца из санроты, чтобы тот последил за его хозяйством. На листе картона написал и прикрепил к кухне записку: «Нонче каши не будет, ушел на передовую». Затем взял пару запасных дисков, три гранаты и несколько кирпичиков тола, похожих на куски мыла. Все это он сложил в вещевой мешок, встал перед разведчиком Щербатовым и аж сапогом притопнул:

— Готов!

Они потащили бидон через какие-то проходные дворы, спускались в подвалы и опять вылезали на свет белый. Где-то рядом — рукой подать — гремел, грохотал бой, а к ним не попадали ни снаряды, ни мины, только дышать стало трудней от едкого дыма.

С тыла вошли в большое серое здание, протянувшееся метров на двести. В таком доме могли бы поселиться жители Стоялова и всех окрестных деревень. Со двора дом был совсем цел, в комнатах, выходивших во двор, солдаты перевязывали раненых, набивали патронами диски, торопливо ели консервы. А с фасада был настоящий фронт. Тут в каждой комнате стоял либо пулемет, либо пушка, их умудрились поднять даже на четвертый этаж. Тут готовились к атаке подразделения. Немцы вели сильнейший огонь, пули роем летели во все окна и проломы, грызли стены, наполняя воздух пылью. Здание вздрагивало от разрывов мин и снарядов, но они не могли пробить толстую старинную кладку.

Иван на секунду выглянул в оконный проем и сразу отпрянул. Успел увидеть только серый, бетонный срез канала, воду, пузырявшуюся от пуль и осколков, контуры высоких домов на том берегу.

— Через десять минут пойдем, — толкнул его в бок Щербатов. — Вот дымовые шашки возьми. Наше дело через мостик перескочить и фрицам глаза закоптить. Ты мост видел?

— Нет, — сказал Иван.

— С правой стороны. Как выскочим из дома, правой бери!

«И куда тебя понесло, старый дурак! — мысленно выругался Булгаков. — Нешто плохо тебе было возле походной кухни? Ан нет, потянуло на рожон, гибель свою искать!»

Но теперь уж бранись не бранись, а назад поворачивать поздно. Сам назвался, значит, держись до последней точки.

Все орудия, стоявшие в доме, ударили вдруг прямой наводкой по зданиям, висившимся за каналом. Орудий было много, не меньше сотни, и весь дом напряженно загудел, завибрировал от их залпов. Сразу стало сумрачно от дыма и от пыли. На той стороне с протяжным гулом осел, рассыпался многоэтажный дом.

Как только раздалась команда «Вперед!», Иван выскочил и, согнувшись в три погибели, побежал во всю прыть через мост. Крепко знал он старое солдатское правило: в атаке не тяни, не медли, не сомневайся. Используй секунды, пока враг еще не опамятовался, сделай бросок и укройся!

Взрывная волна свалила Булгакова с ног, едва он проскокчил через мост. Иван, не вставая, подкатился к стене дома, швырнул в черное отверстие подвала гранату и ногами вниз рухнул туда, в дым отгремевшего разрыва. На Булгакова спрыгнул Щербатов, потом еще кто-то. Они пошли дальше, прочесывая автоматными очередями темноту подвала, а Иван посмотрел назад. На мосту не видно было живых. Только группы лежали там. По дому, из которого начиналась атака, немцы по-прежнему вели такой сильный огонь, что весь фасад был, как дымкой, затянут розовой кирпичной пылью, взбитой пулями и осколками.

Зато левее стрельба явно передвинулась за канал, там появлялись и исчезали фигурки бойцов в развевающихся плащ-палатках, и у Булгакова веселей стало на душе: значит, за вражеский берег зацепилась не только их группа.

— Иван, — раздался голос Щербатова. — Где ты? Валий к нам!

Человек шесть или семь столпились возле незнакомого молодого офицера. Щербатов сказал, что немцев в доме напихано, как сельдей в бочке. Надо собрать всю взрывчатку и развалить угол здания. Офицер согласился, велел трем бойцам остаться в подвале, а остальных увел с собой.

— Слышь, Иван, — сказал Щербатов, торопливо закуривая. — Слышь, лейтенант-то что бает? Может, это последняя наша атака! За этим домом еще дом, а там сама канцелярия. К ней с той стороны другие наши войска подходят. Последний островок у немцев остался!

— Ох, его бы устами да мед пить, — качнул головой Булгаков, прислушиваясь к треску немецких крупнокалиберных пулеметов. Над ним, в здании, сидели фашисты. Их пули, их снаряды крошили стены домов на том берегу канала. На мосту, на асфальте улицы голубовато-оранжевым пламенем вспыхивали разрывы мин. И трудно было поверить, что до самой главной вражеской канцелярии, до главного гнезда фашистской заразы остались считанные метры, считанные шаги.

— Слышь, Иван, — снова заговорил Щербатов. — Если Гитлера в плен заберем, чего с ним наши делать будут, как думаешь?

— Не знаю, — ответил Булгаков. — Я бы его посадил в клетку, как самого дикого зверя, и возил бы по всей

земле, чтобы все бабы и ребятишки подходили и плевали ему в морду. Ну, а потом расстрелять его — и на свалку.

— Не-е-е-ет! — скрипнул зубами Щербатов. — Шибко легкая смерть за все наши муки! Я бы его на муравейник посадил, и к дереву привязал. Чтобы муравьи во все щели ему залезли, чтобы они эту падлу изнутри и снаружи до костей изглодали!

— Э, не нашего ума это дело! Наша задача войну вести, а что потом будет — об этом другие позаботятся, нас с тобою не спросят. Так-то оно! — сказал Булгаков, вставляя запал в последнюю оставшуюся у него гранату.

* * *

30 апреля штурмовые группы советских войск прорвались на Фоссштрассе, на ту самую улицу, куда выходил фасад имперской канцелярии. В бой вступили эсэсовцы из личной охраны фюрера. Часы истории отсчитывали последние мгновения гитлеровского рейха.

В громадном бомбоубежище под имперской канцелярией, в длинных коридорах и многочисленных комнатах, разыгралась пьяная вакханалия. Чувствуя скорую гибель, приближенные фюрера и около двухсот охранников разгрсмили подземные склады, полные самых лучших вин и коньяков. Озверев от страха и алкоголя, эсэсовцы набрасывались на женщин-секретарш, сотрудниц охраны и партийной канцелярии; эти женщины делили с эсэсовцами их чумное веселье, плясали нагишом и переходили из рук в руки до полного изнеможения.

Многие стрелялись. Трупы лежали тут же, в комнатах и коридорах, мешали живым, их пинками отбрасывали к стенам.

В нижней части бомбоубежища, в фюрербункере, изолированном от других помещений, господствовала тишина. Сюда не доносилась стрельба, не доносились пьяные крики. Лишь изредка вздрагивал от сильных разрывов бетонный пол, покрытый красными коврами. Ходили здесь осторожно, говорили негромко, как в доме, где лежит покойник, хотя покойника еще не было. Он обедал. Он последний раз сидел за столом, в кругу своих друзей и помощников, ел свои овощные котлеты и запивал их водой.

Руки фюрера тряслись, голова вяло качалась на ослабевшей шее, голос звучал невнятно. Гитлер произнес лишь несколько фраз. Муж и жена Геббельсы, руководитель партии Борман и все остальные обедали молча. Присутствие живого покойника стесняло их. Они торопились закончить обед, у каждого были свои дела. Геббельс спешил дописать политическое завещание. Его жена Магда думала о том, как вспрыснуть быстродействующий яд своим детям. Остальные надеялись скрыться, когда смерть фюрера развяжет им руки.

Рядом с Гитлером неторопливо и аппетитно ела смазливая молодящаяся женщина с пышным бюстом. Долгие годы она была близка фюреру, делила с ним его короткие ночные часы. А вчера решительно сказала ему: «Пошло уходить на тот свет любовницей». Он удивленно посмотрел на нее и приказал обвенчать их. Геббельс вызвал с передовой какого-то чиновника. Тот пришел в партийной форме и с повязкой фольксштурмиста на руке. Он быстро задал молодоженам несколько вопросов и в пять минут окончил всю процедуру. Гитлер подписался своей старой полузабытой фамилией — Шиккльгрубер. Ева Браун аккуратно вывела привычную букву «Б», но, спохватившись, зачеркнула ее, написала крупно и четко «Ева Гитлер».

Потом открыли бутылку шампанского. Выпив по бокалу, они отравили любимую фюрером овчарку Блонди и ее щенят. Нужно было проверить, насколько быстро и безболезненно действует яд, приготовленный для Гитлера и его близких.

Так было вчера, когда оставалась хоть призрачная надежда на то, что их выручат, что немецкие войска прорвут кольцо вокруг города и спасут своего вожда. Теперь всякие надежды исчезли. В бункер больше не поступало никаких сообщений из внешнего мира. Порвалась правительственная телефонная связь. Действовал только телефон, подключенный к городской сети. Время от времени кто-нибудь наугад набирал номера телефонов центрального района Берлина. Ответом были гудки или полное молчание. Лишь изредка раздавался удивленный, испуганный голос: «Я слушаю!» — «Простите, сударыня, русские, уже дошли до вас?» И каждый раз звучало одно и то же: «Да», «Они здесь», «Их танки стоят рядом с домом!»

После обеда радист, сидевший в бомбоубежище возле

приемника, перехватил сообщение западного радио о расправе с итальянским дуче Муссолини. Его захватили партизаны возле озера Комо. Дуче был переодет в немецкую форму, но люди опознали и самого Муссолини, и его любовницу Клару Петаччи. Их расстреляли на месте, а трупы отвезли в Милан. Там трупы были повешены вниз головами возле бензиновой колонки, жители города проходили мимо, и все, кто хотел, плевали на них.

— Нет, — громко сказала Ева Гитлер. — С нами этого не случится!

Появился Геббельс. Он принес последние сведения. Русские приблизились к имперской канцелярии на двести метров, бой идет в тоннелях метро на станции Фридрихштрассе.

Пора было принимать последнее решение. Адольф и Ева Гитлер торжественно простились с приближенными и удалились в свои апартаменты. Возле закрытой двери остались, словно на страже, самые преданные помощники: Геббельс, Борман и камердинер фюрера штурмбанфюрер Линге.

Через десять минут Линге, как было условлено заранее, вошел в комнату с пистолетом в руках. Из приоткрытой двери потянуло сильным запахом цианистого калия, похожим на запах горького миндаля.

Раздался негромкий выстрел.

Спустя некоторое время после выстрела штурмбанфюрер Линге и личный врач Гитлера вынесли из комнаты труп, завернутый в темное солдатское одеяло. Виднелись лишь редкие поседевшие волосы, да безжизненно болталась левая рука, доставая почти до самого пола. Следом низкорослый Мартин Борман нес на руках женщину в черном платье. Белокурые волосы будто оттягивали вниз голову Евы, на запрокинувшемся лице блестели обнаженные зубы. Левый бок был мокрым от крови. Пуля, пущенная штурмбанфюрером, пробила ей грудь со стороны сердца.

По крутой лестнице в двадцать ступеней тела вынесли в сад имперской канцелярии, быстро спустили на землю возле бетономешалки в трех метрах от входа в бункер. Во дворе гремели разрывы снарядов, крошили стену осколки, висела густая цементная пыль. Мартин Борман, Линге и их помощники скорей бросились в бункер, где остался, не решаясь выйти, доктор Геббельс. Сверху со звоном поле-

тели выбитые стекла. Взрывная волна взметнула волосы Евы Гитлер.

Несколько эсэсовцев, выполняя приказ, торопливо таскали канистры с бензином и поливали трупы. Под ними натекла лужа.

Обстрел быстро усиливался, опасно было стоять даже в дверях бункера. Но нужно было еще поджечь бензин. В бункере спорили, как это сделать. Пламя вспыхнет мгновенно, от него не спасешься, а сгорать заживо никому не хотелось. Линге предложил метнуть гранату, но Борман не согласился. В конце концов один из эсэсовцев свернул в тугой комок какую-то тряпку. Ее слегка смочили бензином.

Гейбельс достал коробку спичек, трясущейся рукой протянул эсэсовцу. Тот поджег тряпку и со всего размаха бросил на трупы горящий шар. Там сразу взметнулось с гулом жаркое пламя. Потом оно постепенно осело, окуталось черным, маслянистым и тошнотворным дымом.

* * *

Здание имперской канцелярии зияло пустыми глазницами окон. Закопченный фасад казался рябым от выбоин, оставленных пулями и снарядами. Во многих местах виднелись большие проломы. А вот птица над главным входом сохранилась в неприкосновенности. Огромная, хищная, с зажатой в когтях свастикой, она сидела, распластав крылья, словно намереваясь кинуться за добычей.

Уцелел и балкон, единственный на всем фасаде. Майор из штаба бригады, продвигавшийся вместе со штурмовой группой, сказал, что с этого балкона в дни фашистских праздников выступал Гитлер. А теперь с балкона свешивался убитый эсэсовец. Он выскочил из двери с фаустпатроном в руках, но Иван Булгаков, лежавший за грудой кирпича, срезал немца короткой очередью. Фауст-патрон упал на тротуар и не взорвался.

Это был последний гитлеровец, которого самолично прикончил Иван. Потом он вместе со всеми бил по окнам, по перебегавшим немцам, но нельзя было сказать, чья пуля сразила врага. А того эсэсовца Булгаков запомнил.

С группой бойцов перескочил Иван через улицу.

Навалившись кучей, открыли тяжелую дубовую дверь. Разведчик Щербатов на всякий случай бросил вперед пару гранат.

Немцы стреляли из дальнего конца большого зала. Но тут подоспел наш ручной пулеметчик, потом второй. Гулкая дробь пулеметов заглушала стрекотание автоматных очередей.

Слева начинался пологий спуск в подземелье. Туда побежали многие бойцы, побежал и Щербатов, надеявшийся поймать Гитлера. Глубоко внизу слышались глухие разрывы. Оттуда начали появляться пленные: наши бойцы гнали дюжих эсэсовцев, щурившихся от дневного света. Они были какие-то странные, растрепанные, с полоумными глазами, и покачивались, словно пьяные.

Вывели десятка два баб, каких в военной форме, а каких почти нагишом. Они тоже были бледные, замученные, косматые, дико озирались по сторонам и дрожали, словно в ознобе.

Не спеша докурив, перемотав обмотку, Иван отправился вниз со взводом вновь набежавших бойцов. Спустились в темный просторный коридор и медленно пошли вперед, освещая путь фонариками. Возле стен лежали мертвые немцы. От порохового дыма першило в горле.

Стрельба в подземелье то почти прекращалась, то вспыхивала с новой силой. Откуда-то сбоку полоснула автоматная очередь, и лейтенант, шагавший впереди с фонарем, упал на немецкие трупы.

Иван услышал стон, невидимый в темноте раненый просил хрипло: «Ох, водицы бы мне! Водицы бы мне глоточек!..»

Любопытно было Ивану взглянуть, где и как устроился на жительство германский фюрер, но ведь свой человек дороже! Гитлер небось не дурак, чтобы ждать, пока за ним придут Щербатов с Булгаковым, а комнаты его можно оглядеть и в другой раз.

Ползая на коленях, ощупывая рукой заостренные холодные тела, Иван наткнулся наконец на раненого и, поднатужившись, взвалил его на свою спину. Назад пошел осторожно, боясь упасть. Опасался, как бы опять не застрочил из какого-нибудь бокового коридорчика ошалевший немец. Да и свои могли прикончить в темноте: на встречу спешили все новые группы разгоряченных бой-

цов, готовых стрелять на каждое шевеление, каждый звук.

— Эй, дорогу! Свои тут, свои! — то и дело покрикивал Иван, пробираясь к выходу.

Раненый оказался пожилым сержантом, Булгаков свалил его на пол в зале и с трудом перевел дух — так свело от напряжения плечи.

Сдав сержанта санитарам, Иван вышел на улицу, глотнуть свежего воздуха. В дальних концах имперской канцелярии еще слышались выстрелы, раздавались взрывы гранат и фауст-патронов, чуть поодаль грохотал настоящий бой, а улица полна была наших солдат и офицеров, и все спешили именно сюда, в последнее прибежище Гитлера. Через груды битого кирпича лез тучный генерал в сопровождении двух полковников. Иван поторопился отойти в сторону.

Присев на груды немецких ящиков из-под мин, Булгаков достал кисет, оторвал клоч газеты и аккуратно насыпал в бумажный желобок три щепотки махорки. Сидел сперва настороженно, вертя головой: не выскочил бы неожиданно немец. Но вокруг были только свои, а стрельба в здании вскоре совсем смолкла.

Двое молодых автоматчиков приставили к стене лестницу и добрались до огромной хищной птицы со свастикой, распластавшейся над подъездом. Начали колотить прикладами по крыльям и по голове птицы, но снизу какой-то офицер крикнул им:

— Отставить! Не калечьте это чучело, мы его в музей отвезем!

Автоматчики засмеялись, а один из них дал длинную очередь по карнизу и по балкону, на котором лежал убитый эсэсовец. Стрелял просто так, от веселого озорства. А когда перестал, сделалось вдруг непривычно тихо.

«Неужели конец? — удивился Иван, глядя вдаль, где за клубами дыма висело над высоким полуразбитым куполом рейхстага красное полотнище. — А ведь, ей-богу, конец! Как пить дать!»

— Братцы! — радостно закричал он. — Отстрадались мы, значит, братцы!

Его никто не слушал. Тогда Иван вскинул над головой автомат, притиснул пальцем спусковой крючок и единой очередью всадил весь диск в закопченное берлинское небо.

Машину пришлось оставить на берегу Шпрее, загнав ее на тротуар, впритирку к уцелевшей стене. Отсюда и до самого моста Мольтке стояли длинной чередой танки. Между ними горели костры — бойцы кипятили в котелках чай. Какой-то механик-водитель добывал в недрах машины консервные банки, свертки, бутылки и через люк подавал всю эту снедь своим товарищам.

В переулке штабелями лежали убитые немцы: их сложили аккуратно, один ряд вдоль, другой — поперек. Тянуло сладковатым трупным запахом.

Возле моста пришлось остановиться и ждать: шла пехота, тяжело грохая коваными солдатскими каблуками. Впереди несли знамя. За колонной катились повозки, а позади всех тряслась, окутанная паром, походная кухня, из поддувала сыпались на мостовую раскаленные угольки.

Проход Севостьянович был доволен, что надел плащ без погон. Свободно чувствовал себя в праздничной толпе, стремившейся к рейхстагу. Никто не приветствовал его, не тянулся перед ним, не отвлекал внимания. Держа Ольгу под руку, он шел неторопливо, прокладывая дорогу в пестром и бурливом потоке людей.

Тут были солдаты и офицеры разных родов войск, девушки-регулирующие в белых парадных перчатках, недавние узники концлагерей в полосатой арестантской одежде. Мелькали бескозырки моряков. Группа женщин громко щебетала по-французски. Прошел высокий военный в польской конфедератке, то ли генерал, то ли полковник.

Черные, шербохатые стены рейхстага были испещрены многочисленными надписями. Внизу не осталось свободных мест, поэтому люди забирались повыше, кто по деревянным штурмовым лесенкам, сохранившимся после боев, кто по карнизам. Старший сержант в обгорелом ватнике свесился из окна и писал, макая кисть в ведро с краской. Но писать ему было неудобно, он видел буквы вверх ногами, они получались кривыми и непропорциональными. Капли краски падали на тех, кто толпился внизу. Люди ругались беззлобно и не скупилась на советы, как лучше писать-малевать.

Проход Севостьянович раздобыл ножевой штык с за-

тупленным острием, поставил один на другой два ящика из-под снарядов, старательно выцарапал на стене: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» А ниже поставил две фамилии — Ольгину и свою.

Спрыгнул с ящиков, спросил горделиво, поглядывая на свою работу:

— Ну, как?

— Хорошо! Просто замечательно, — ответила Ольга, но в голосе ее Прохор Севостьянович уловил какую-то рассеянность, она пристально осматривала стены, будто искала что-то.

Порошина окликнул старый знакомый — полковник из политотдела армии. От полковника пахло коньяком, глаза у него весело искрились, а в запасе оказалось столько новостей, что Прохор Севостьянович минут десять не мог избавиться от него. Краем глаза Порошин видел, как Ольга царапает что-то на колонне, но издалека не мог прочитать. А когда подошел, Ольга уже бросила штык, стояла взволнованная и побледневшая. На уровне ее плеч были врезаны в камень неровные буквы: «От Москвы — до Берлина! Булгаков. Дьяконский».

Женщина пристально и даже с каким-то вызовом смотрела в глаза Порошина. А он вдруг понял: от того, что он сейчас скажет, будет зависеть очень многое в дальнейшей жизни его самого, в жизни Ольги. И он сказал то, что думал:

— Да, ты права. С этого нужно начинать, когда речь идет о победе.

Он хотел еще спросить, кого она имеет в виду под фамилией «Дьяконский», брата или отца? Но не стал спрашивать. Не все ли равно? В конце концов оба они имели на это право. В чем бы ни обвиняли комдива Дьяконского, но танковые корпуса и танковые армии, штурмовавшие фашистскую столицу, были созданы по тем принципам, которые когда-то разработал и отстаивал он.

Прохор Севостьянович взял Ольгу за локоть и бережно повел мимо воронок, мимо разбитых пушек к Бранденбургским воротам. С низкого неба сыпал мелкий и теплый дождик. Тускло поблескивала брусчатка, слезились разбросанные повсюду куски брони, груды железа, желтые снарядные гильзы. На газонах, кутаясь в шинели, в одеяла, сидели и стояли немецкие солдаты: обросшие щетиной фольксштурмисты и мальчишки из гитлерюгенда. Такие

же солдаты под присмотром конвоиров ходили по площади, стаскивали в воронки убитых, заваливали трупы кирпичами и присыпали землей.

— Надеюсь, это последнее кладбище, — сказал Прохор Севостьянович, торопясь увести Ольгу подальше от печального зрелища.

Они повернули вправо, в аллею Тиргартена, изрытого траншеями, зияющего черными язвами взорванных дотов. Деревья в парке были поломаны, покалечены, повсюду торчали острые расщепленные пни.

На окраине парка разместилась кавалерийская часть, лошади были привязаны к длинной коновязи. Играл баян, толпились бойцы, кто-то дробно отбивал в кругу плясовую. А в глубине парка еще звучали отдельные выстрелы. Время от времени раздавался грохот и гул: это рушились где-то кирпичные стены. На западе клубился черный дым, появлялись над крышами языки пламени, багрово подсвечивая снизу быстро бегущие облака.

Они остановились возле опрокинутой скамейки, на газоне, случайно не задетом войной. Здесь робко высунули свои острые кончики бледно-зеленые травинки. На кустах набухли и уже начали лопаться почки. После тяжелого смрадного воздуха, полного дыма, гари и трупного запаха, приятно было вдыхать сырую теплую свежесть земли, рождающей новую жизнь.

11

В вещевом мешке, в запасном кисете с махоркой хранил Иван Булгаков патронную гильзу, заткнутую клочком ветоши. А в той гильзе лежала бумажка с берлинским адресом. Когда-то еще под Москвой поспорил Игорь — племянник с пленным немецким студентом, кто к кому в гости придет. Адрес немца Игорь разослал на всякий случай родным и друзьям: хоть кто-нибудь, мол, со временем попадет в фашистскую столицу.

Тот немец-ефрейтор скорее всего жив и здоров. Вкалывает где-нибудь в лагере, строит дома и дороги. Игорь стигнул, пропал бесследно в неизвестных краях. А вот Иван дошел. Сквозь окружение, сквозь бомбежки и атаки, сквозь ад и погильель доехал до Берлина вместе со своей кухней. И когда настал срок, вынул из гильзы пожелтев-

шую записку, которую где-то под Воронежем, в холодной землянке написал незабвенный племянник.

В гости готовился без спешки, по-настоящему. Выстирал и выгладил гимнастерку, начистил до блеска медали. Обмотки сменил на сапоги, которые второй год возил с собой и обувал лишь при торжественных случаях — сохранял для дома. Сходил в мотострелковый батальон к знакомому парикмахеру, и тот сделал ему фасонистую прическу — бокс, а потом побрил и побрызгал пахучим французским одеколоном.

Разведчик Щербатов, согласившийся идти с Булгаковым, тоже сменил свою заплатанную гимнастерку и протертые на коленях шаровары, тоже постригся и нацепил все ордена и медали.

Сколько раз после смерти Игоря думал и мечтал Иван о том, как разыщет немецкую семью! Думал иногда с тихой ненавистью, иногда с лютой, неудержимой злобой. Давно уж порешил он сам с собой: если доберется до этого дома и если увидит там мужчину — пришьет его к чертовой матери из автомата. Это будет его месть за все. И за Степана Степановича, и за Магомаева, и за брата Григория Дмитриевича, и за Игоря, и за свои мытарства. Столько горя и столько смертей принесли на Русь немцы, что никакой кровью не отмыть им свой долг.

По совести сказать, опасался Иван, что из-за душевной мягкости не хватит у него духу поднять автомат на безоружного человека. Вот и позвал он с собой Щербатова. У разведчика руки не дрогнут. Сам он рассказывал однажды Ивану, как мучают его по ночам кошмарные сны, как приходят к нему заживо сгоревшая мать, растерзанная насильниками жена и в страшных муках умершие ребята, как смотрят они на него, плачут и просят: «Отомсти! Отомсти!..»

Командир батальона дал увольнительную на целый день. Перед отправкой в путь Булгаков с разведчиком выпили для бодрости по стакану вонючего немецкого шнапса и основательно закусили мясными консервами. А тут как раз подъехал штабной писарь на трофейном мотоцикле с коляской: тоже давний знакомый Ивана, к тому же малость кумекавший по-немецки. Писарь сидел за рулем и пить отказался, отложив это дело до возвращения с поисков.

Со двора, где стояли тылы бригады, выехали с шиком

и сразу свернули на широкую улицу. Она была почти пустыня. Лишь изредка проходили по расчищенному коридору машины, попадались патрули да девушки-регулировщицы на перекрестках. Возле столбов и тумб, на которых белели приказы советского коменданта, грудились небольшие кучки жителей. Кое-где немцы разбирали завалы, передавая по цепочке битые кирпичи. Работали они вяло, наклонялись так, словно боялись упасть.

— Ленивые, черти! — крикнул Щербатов. — Привыкли на чужой шее...

— Голодные, — ответил писарь. — Без всякой жратвы город остался.

— Ничего, они в запас нажраться успели!

Указанный в адресе район писарь разыскал без особых трудов, но потом поиски усложнились. Расчищена была только главная магистраль, а все улицы и переулки во круг были так завалены рухнувшими стенами, что невозможно ни проехать, ни пройти.

Пришлось оставить мотоцикл на попечение регулировщика, взять проводника из работавших немцев и двинуться дальше пешком. Сгорбленный, хромо́й старик вел их через подвалы, где слышался в темноте людской говор, стоны и плач, спускался в подземелья, где хлюпала под ногами вода. Через проломы в стенах они выходили на поверхность, карабкались по грудам кирпича. Иван увидел длинную тощую руку над завалом: костлявые пальцы судорожно стиснули нераскрытый зонт. Собаки-могильщики, заметив живых людей, исчезали бесшумными тенями. В некоторых местах кирпичные груды еще дымились.

Развалин стало меньше, начали попадаться почти целые дома, стены которых были изранены осколками. Тут, вероятно, шли сильные бои, валялось неподобранное оружие, а в нижних этажах и на улице было много убитых, в том числе и наших солдат.

Дом, который искали, пострадал не меньше соседних. Одна половина его рухнула и лежала большой грудой, из которой виднелись железные кровати, тряпки, какая-то утварь. Зато другая половина стояла прочно, даже крыша сохранилась над ней.

Писарь назвал номер квартиры. Старик немец, хромо́й, поднялся на третий этаж и молча показал на полукруглую дверь. Писарь велел ему ждать, а чтобы не было скучно, дал пачку сигарет и большой армейский сухарь. Старик

поклонился, поспешно спрятал сухарь и сигареты в карман.

Вздрагивая от волнения, Иван переступил порог. Вот коридор, вот комната, из которой вышел когда-то молодой сильный немец с автоматом в руках и отправился шастать по советской земле, оставляя за собой пожары и трупы. Он неплохо жил, этот немец. У него была ванна, кухня, несколько комнат. И одевался он тепло и красиво, если судить по уцелевшей на стене фотографии. Так что же ему пужно было в наших деревнях и городах?

Булгаков задержался в первой комнате, где стояла красивая мебель, вся покрытая теперь белым налетом осыпавшейся штукатурки. Под ногами хрустело стейло. Ветер дул в проем окна и однообразно шелестел какой-то грязной бумагой, зацепившейся за ножки стола.

По квартире гулко разнесся голос Щербатова:

— Эй, Иван, давай сюда, здесь они!

Вся семья сгрудилась в дальней маленькой комнатке с одним окном, забитым фанерой. Щербатов с треском отодрал ее, чтобы впустить свет, и отступил, давая место Булгакову. Иван, чуть подавшись вперед, стиснув руками автомат, разглядывал немцев. Их было четверо. Высокая худая старуха, настолько высохшая, что на лице ее остались только огромные, выпученные глаза да желтые, выпиравшие зубы. Она прижимала к себе мальчика лет десяти с широким лбом и острым, как клин, подбородком. Молодая высокая женщина, кутаясь в большой платок, норовила закрыть, загородить мальчика своим телом, но он вертел головой, вырывался из рук и упрямо старался встать впереди. При этом все трое с испугом и удивлением смотрели на Ивана и на его автомат, медленно опускавшийся стволом вниз.

Левей их, на кровати, сидела еще одна женщина или девушка непонятного возраста, всклокоченная, грязная, в разодранной на груди кофте и в пальто, накинутом на плечи. Она хлопала по своему колену ладонью, что-то бормотала и улыбалась, не обращая внимания на солдат. Потом вдруг повалилась на постель, набросив пальто на голову, быстро-быстро, словно убегая, засеменила ногами и закричала истошно:

— Wasser! Wasser! O, Gott, es steigt!..¹

¹ — Вода! Вода! О, боже она поднимается! (нем.).

Иван пожал плечами и спросил писаря:

— Что с ней?

Тот потолковал о чем-то со стариком, который неслышно подошел сзади, и ответил Булгакову:

— Понимаешь, она пряталась в метро. Ну, на станции. А немцы открыли плюзы...

— Знаю,— прервал Иван. — А эти что, тоже помешанные?

— Нет,— усмехнулся писарь. — Эти, вроде бы, все нормальные.

— Отец где? Фатер? — крикнул из-за плеча Булгакова разведчик, показав пальцем на мальчика. Старуха вздрогнула и заговорила быстро, хрипло, будто закаркала:

— Отец убит в Африке, — перевел писарь. — А старший брат исчез в России... Это, наверно, тот самый, который адрес дал, — добавил он. — Объяснить им, что ли, зачем мы пришли?

Иван еще раз посмотрел на бледное, опухшее от голода лицо женщины, заслонявшей мальчика, на старуху, которая оперлась о стол, чтобы не упасть. Перевел взгляд на растрепанную девушку: та опять улыбалась и ладонью шлепала по обнаженной коленке.

— Нет,— тихо сказал он. — Не говори им ничего.

Повернулся, чтобы уйти, но в дверях, касаясь плечом косяка, стоял Щербатов. Он достал что-то из глубоких карманов шаровар. Булгакова поразила странная улыбка на лице разведчика, даже не улыбка, а болезненная гримаса.

— На! — сказал он, протянув плитку шоколада. — На, мальчонке отдай.

Сунул плитку в руки Ивана и, сторбившись, быстро пошел к выходу.

* * *

На праздничное построение в танковую бригаду приехал сам генерал. Высокий, моложавый, он быстро прошел перед строем и поднялся на свежесколоченную трибуну. Поздравил танкистов с победой, произнес речь, но Иван плохо слышал и видел его, потому что стоял далеко, на самом левом фланге. Да и голова была забита другим. Кому праздник, а кому самая работа. Надо своих солдат

накормить позабористей, помочь штабному повару нажарить мяса и пирожков для начальства.

Между тем, речи закончились, танкисты трижды прокричали «Ура!», но генерал не торопился уйти с трибуны. Он оглядел строй и скомандовал:

— Кто начинал войну с первых дней, от границы — десять шагов вперед!

Полторы тысячи человек стояли в шеренгах, и ни один не шелохнулся.

Помедлив, генерал повторил еще раз:

— Кто воюет с начала войны — десять шагов вперед!

И снова не дрогнул, не шевельнулся строй. Печальное безмолвие застыло над ровным просторным плацем. Общими руками, медленно снял генерал фуражку, и все увидели его белую, как у старика, голову.

Легкий шум послышался вдруг на левом фланге. Там соседи чуть ли ни силком вытолкнули из строя Ивана Булгакова. Он сделал несколько шагов, повернулся через левое плечо и застыл в растерянности, укоризненно глядя на своих товарищей.

Генерал спустился с трибуны, размахисто зашагал к солдату, а следом потянулись его помощники: полковники, майоры и адъютанты. Еще издали приметил генерал на груди солдата московскую медаль, такую же, как у него самого, приметил и нашивки за ранения, и то, как ловко, привычно сидела на бойце форма.

Будто перед маршалом, будто перед самым высшим командующим встал генерал перед этим немолодым солдатом, своим ровесником. Крепко пожал его руку и спросил громко:

— Ты что скромничаешь, солдат? Почему не выходишь, когда вызывают?

— Да ведь я не от границы, товарищ генерал! — смущенно ответил Булгаков. — Я ведь с августа начинал.

— А где твои ордена, солдат? Почему орденов не вижу?

— Так ведь я не в разведке, товарищ генерал, и не на боевой машине. Я все больше при кухне...

— Ты что же, в немцев не стрелял, и они в тебя не стреляли?

— Всяко случалось, товарищ генерал, за четыре-то года. И меня били, и я бил, и меня окружали, и я окружал. Все бывало.

— Ах ты, солдат! — дрогнул звучный генеральский голос. — Неистребимый солдат! Как отблагодарить тебя за твою службу?!

Мелькнула мысль у Ивана: попросить, чтобы отпустили его в родные края вместе с мерином Шибко Грамотным. Писала жена, что нет в деревне у них никакого тягла, ни лошадей, ни машин... Да ведь мерин — имущество казенное, и несподручно просить о нем генерала...

— Домой бы мне, — вырвалось у Ивана. — К севу теперь не поспеем, так хоть на косовицу бы угадать!

— Неистребимый солдат! — тихо повторил генерал, расстегнув пуговицы мундира и отвинчивая орден Отечественной войны. — Скоро увидишь ты свой дом и свою семью. А пока прими от меня заслуженную тобой награду!

12

8 мая 1945 года в освобожденном Берлине представитель германского главного командования фельдмаршал Кейтель подписал акт о безоговорочной капитуляции.

Юридически война закончилась, но на многих участках еще продолжались крупные операции, вновь и вновь вспыхивали жестокие бои. Особенно напряженным оставалось положение в Чехословакии, куда отступили главные силы группы армий «Центр» и группы армий «Австрия». Генерал-фельдмаршал Шернер объединил там под своим командованием около миллиона солдат и офицеров, 10 тысяч орудий и более 2 тысяч танков. Вся эта масса войск и техники медленно отходила на запад: она имела приказ сопротивляться до последней возможности и сложить оружие только перед американцами.

И вот в те дни, когда часы истории уже начали отсчитывать мирное время, советское командование вынуждено было провести еще одну операцию, огромную по масштабам и стремительную по выполнению. Пока 4-й Украинский фронт упорно теснил противника, отвлекая его внимание, танковые и общевойсковые армии 1-го Украинского фронта совершили бросок от Берлина к Праге. А с юго-востока туда же пробились гвардейские дивизии 2-го Украинского.

Быстро продвигаясь вперед через боевые порядки про-

тивника, советский 25-й танковый корпус встретился с союзниками — американцами, вклинился в их расположение, а потом развернулся фронтом на восток, чтобы не допустить перехода фашистских дивизий в американскую зону.

11 мая, поняв, что положение стало безвыходным, немцы начали сдаваться. Но оружие складывали далеко не все. Колонны танков и автомашин, офицеры, подразделения эсэсовцев двигались по проселочным дорогам, по лесным тропам, стремясь ускользнуть на запад.

Батальон гвардии капитана Дьяконского получил приказ переправиться через Влтаву и произвести разведку в направлении населенного пункта Бржезнице. Стрелки, пулеметчики и минометчики заняли места в кузовах автомашин. В голове колонны шла рота танков, а в хвосте Виктор оставил батарею противотанковых пушек и две самоходки, на тот случай, если противник нажмет с тыла.

За последнюю неделю бойцы несколько размагнитились. Случались, конечно, кровавые стычки с фашистами, но ведь это было делом обычным. Зато какая весна разливалась вокруг! Теплая, пахучая, с ярким солнцем, с яркими нарядами девушек, с радостными толпами людей, встречающих солдат в каждой деревне, в каждом поселке. Не было, наверно, такого бойца в батальоне, которому не достался бы букет цветов и добрая дюжина поцелуев. Словаки и чехи встречали их, как родных, как земляков, как долгожданных гостей. Прямо на улицу, под цветущие деревья, выносили столы с вином и пивом, за руку уводили советских бойцов на свои квартиры помыться и отдохнуть после трудной дороги. А если не останавливаясь, по своим боевым делам, пробивалась через людское море воинская часть, то жители пожимали солдатам руки, совали сигареты, зажигалки, самодельные красные флажки. В деревнях выбегали к дороге крестьянки, торопливо шли рядом с колонной, на ходу потчуют бойцов вареными яичками, молоком и сметаной.

Дьяконский нарочно не делал длительных остановок в населенных пунктах, чтобы солдаты не настраивались на мирный домашний лад. Для ночлега выбирал большие постройки, стоящие особняком, на отлете.

За рекой Влтавой начались перелески, потом потянулись большие лесные массивы с прогалинами полей и

лугов. И чем дальше продвигался батальон, тем больше встречалось немцев. Фашисты почти не сопротивлялись. Прикрываясь пулеметным и винтовочным огнем, их колонны исчезали, будто растворялись в лесах, бросая на дорогах пушки и даже танки, оставшиеся либо без горючего, либо без снарядов.

За три часа батальон взял и отправил назад, к Влтаве, почти шестьсот пленных. Трудно было представить, сколько же немцев скрывается в этих лесах! Десятки, а может, и сотни тысяч!

Над колонной батальона все чаще появлялись разведывательные самолеты с американскими опознавательными знаками. Они снижались до бреющего полета, проносились от головы до хвоста колонны и обратно. По тому, как уверенно и даже нагло вели себя летчики, Виктор понял: он находится либо в американской зоне, либо возле самой границы ее.

С невысокого пригорка открылся вид на просторное, почти овальное поле, в центре которого под прямым углом, словно нити в прицеле, пересекались две дороги. На одной стоял Дьяконский, а по другой катились тяжелые немецкие машины, обгоняя растянувшийся через всю поляну конный обоз. Виктор вскочил на танк, показал командиру:

— Перекресток видишь? Закупорим его. Остальные танки направляй правее, пусть прищемят хвост, который мы перерубим!

«Тридцатьчетверка» пошла полным ходом, с разгона опрокинула какую-то крытую спецмашину с двумя антеннами и, как вкопанная, встала на перекрестке, поводя стволом пушки. Из подкативших следом грузовиков выпрыгивали автоматчики.

Та часть колонны, которая не успела миновать перекресток, замерла на дороге, над некоторыми машинами сразу появились белые флаги. Несколько повозок попыталось свернуть к лесу, но очереди автоматчиков заставили их вернуться. Зато те машины, которые успели ускользнуть, быстро скрылись за поворотом. Танки бросились было вдогонку, но с опушки грянули орудийные выстрелы, и головная «тридцатьчетверка» загнулась, потеряв гусеницу.

Виктор спрыгнул с брони, пошел вдоль вражеской колонны. Немецкие водители и солдаты без команды при-

вычно выстраивались возле крыльев автомашин и провожали Дьяконского поворотом головы. Чувствовалась выучка. Да и солдаты были не из дряхлых «тотальников», а такие, каких Виктор не видел у противника уже давно. Все рослые, с гладкими рожами, в серой походной форме. Каски пристегнуты к поясным ремням, на рукавах эмблема: белый флаг, перекрещенный голубыми линиями, и какие-то, вышитые золотом, буквы. Сперва Дьяконский не обратил на них внимания. Мало ли каких эмблем навдумывают фашисты! Он быстро пошел туда, где сбились толпой автоматчики. Солдаты пропустили его, и Виктор увидел, как молодой, гибкий в талии мальчишка-боец лунит по мясистым щекам рослого немца, а тот пятится к своей машине, улыбаясь растерянню и сконфуженно.

— Я тебе покажу «товарищ»! — выкрикивал автоматчик. — Гнида ты! Сволочь! Предатель!

— Отставить! — резко скомандовал Дьяконский. — Что это за самосуд? О пленных руки не пачкают!

— Товарищ капитан, это же не пленный! — бросился к Виктору автоматчик. — Товарищ капитан, это не немцы! Это ведь власовцы!

Дьяконского даже в жар бросило: как же он не разглядел сразу! На эмблемах вышиты буквы РОА — русская освободительная армия! Автоматчик прав, эти хуже, чем немцы! Бывшие полицейские, перебежчики, получившие синий билет — символ благонадежности, или просто жалкие души, не выдержавшие лагерной голодовки, согласившиеся служить немцам!

Он сразу подумал об ушедшей колонне — надо догнать ее! Бегло опросил двух власовских офицеров. Да, действительно, это были тыловые подразделения 1-й дивизии из армии генерала Власова. Дивизия только что прошла на запад. В ней около 9 тысяч человек. Впереди идут танки, затем штабы, следом пехотные части и тыловые службы. Торопятся в американскую зону: это совсем близко, километров двадцать пять или тридцать. О появлении советских войск им пикто не сообщал.

Виктор бросился к танку, на ходу отдавая приказание. Первой роте остаться на месте, стеречь власовцев и задерживать всех, кто появится на дороге. Остальные роты — по машинам!

Командир танка помог ему связаться по радио со

штабом полка. Дьяконский доложил о случившемся и о своем решении догнать вражескую колонну. Потом приказал механику-водителю:

— Ну, выжимай полный газ!

— Двигатель старый!

— Жми, пока не развалится!

Как ни старались танкисты, но сравняться в скорости с автомашинами им было не под силу. Они только тормозили движение. Виктор велел им следовать самостоятельно и перебрался в головной грузовик.

Через полчаса на лесной дороге батальон попал под сильный обстрел. Пулеметная очередь дважды хлестнула по первой машине, по плотно набившимся в кузов бойцам. Виктор вывалился из кабины на землю, провел рукой по щеке и порезал пальцы об острые кусочки стекла, впившиеся в кожу. Пулеметы продолжали хлестать из глубины леса, Дьяконский крикнул командиру третьей роты, чтобы он обходил справа, а сам собрал вокруг себя бойцов и перебежками, укрываясь среди деревьев, повел их на сближение с противником.

Стрельба вдруг начала быстро ослабевать и вскоре прекратилась совсем. На дороге и в лесу появились советские автоматчики. Оказалось — к месту боя подошел мотострелковый батальон из 25-го танкового корпуса. Веселый крепныш лейтенант с рассеченной бровью угостил Дьяконского крепким холодным кофе из термоса и сказал, что тут не то что ездить — ходить опасно. Половина власовской дивизии рассыпалась по лесам вперемежку с немцами, выловить их невозможно, так как у наших мало сил, а американцы в это дело не суются.

И еще лейтенант рассказал Виктору, что совсем недавно на этой же дороге был пойман сам Власов. Его обнаружили в машине с двумя женщинами. Продажного генерала выхватили прямо из-под носа у охраны и увезли в штаб корпуса. А вот колонна танков, с которой двигались власовские прихлебатели и всякие кандидаты в правители, — эта колонна успела уйти.

Километрах в пяти от того места, где они разговаривали, находился американский пост. Лейтенант уже побывал там, попробовал заокеанских сигарет и жевательной резинки. По его словам, получалось, что американцы — ребята ничего, любят почесать языки, промочить глотку, только ни бельмеса не понимают по-русски. По-

глядеть на них любопытно: не каждый день встречаешь союзников!

Виктор колебался. Зачем он поедет к американцам без переводчика, да еще в таком виде, с окровавленной щекой, запяленный, в нечищенных сапогах.

Он вдруг понял, что просто ищет предлог, чтобы не ехать...

— Хорошо, лейтенант, — подавив вздох, строго сказал Дьяконский. — Выдели мне сержанта, который бывал там. Пошли туда командира роты, пусть убедится на месте.

— Да поезжай сам! — подмигнул лейтенант. — Не пожалеешь, точно тебе говорю!

— Нет, я должен связаться со штабом, — ответил Виктор и, чтобы прекратить этот разговор, подозвал санитратора, ожидавшего в стороне. Надо было вытащить осколки стекла и наложить повязку.

* * *

Когда из леса появились зеленые советские автомашины, Пашка на несколько секунд оторопел: ну, теперь все, аллес капут! Вцепившись в борт бронетранспортера, он смотрел, как, разделившись на две группы, приближаются русские танки, как вспыхивают над ними дымки выстрелов. А потом вся эта панорама в один миг отодвинулась в сторону и скрылась за частоколом деревьев. Ракохруст даже не сразу сообразил, что бронетранспортер въехал в лес и что опасность осталась позади.

Он готов был встретиться с кем угодно, хоть с американцами, хоть с крокодилами, хоть с самим чертом, только бы не попасть в руки соотечественников! Не для того он хитрил и приспособливался все эти годы, чтобы в конце концов стать перед строем в одном нижнем белье... Нет уж, дудки! Он давно подумывал о новых хозяевах, которые побогаче.

Он сказал пулеметчику: без разговоров бей любого, кто встанет поперек пути, русский или немец — не имеет значения! Сам сел рядом с водителем и приказал гнать бронетранспортер как можно скорой. Они проехали мимо опрокинутых легковых машин, прорвались сквозь цепочку советских солдат, прочесывавших лес, пулеметным огнем

разогнали большую группу немцев, кинувшихся было к ним.

Ракохруст смотрел то в карту, то на дорогу, показывал водителю, куда свернуть. По его расчетам американцы были совсем близко, но впереди раздавалась стрельба, и он отыскал длинную прямую просеку, уводившую в сторону от дорог.

Во второй половине дня, когда кончилось горючее, они бросили транспортер и пошли пешком. Пашка и трое младших командиров, надежных ребят, знакомых еще по Осинторфу. Все перебежчики, все участвовали в карательной экспедиции — путь на родину для них был закрыт. Они давно уже сговорились держаться вместе и при первой возможности переметнуться на запад, как это сделали ребята из 2-й и 3-й дивизий РОА, которые были посланы воевать в Италию. И вот такая возможность пришла. Первая и последняя.

Они шли, словно в разведку. Где перебежками, где ползком осторожно приближались к домам. И только когда острые глаза Ракохруста различили полосатый американский флаг, развевавшийся на высоком шпиле, они поднялись на ноги и пошли открыто, подняв носовой платок, привязанный к хвостинке.

Возле мостика стояли трое в легких куртках, в отглаженных брюках, заправленных то ли в ботинки, то ли в сапоги с очень низкими голенищами. Каски их были покрыты маскировочной сеткой. Двое, с автоматами, громко разговаривали и смеялись. Лица у них были розовые, холеные, одежда чистенькая. Третий, с пистолетом и с нашивками на погонах, прислонился к стене будки и скучал, размеренно двигая челюстями.

Они встретили Ракохруста и его приятелей с полным равнодушием. Молодой длинноносый солдат, продолжая разговаривать, показал рукой на грудку сваленного оружия. Пашка понял, бросил туда автомат, положил гранаты, но пистолет, спрятанный под френчем, оставил себе.

Тот же молодой солдат показал им на кирпичное, казарменного типа, здание. Они направились было туда, но их окликнул американец с нашивками, скучавший возле будки. Внимание его привлекли эмблемы на рукавах. Он пристально оглядел всех четверых, протянул через окно руку и достал трубку полевого телефона. Пашка чувствовал, как от волнения у него похолодел затылок и шевель-

нулись уши. Что-то будет?! Ведь не отирают же их обратно!

Американец положил трубку, поправил кобуру на ремне и жестом предложил следовать за собой. Он повел их не в казарму, а в двухэтажный особняк, к которому с разных сторон тянулись телефонные провода. Возле особняка стояли несколько легковых машин и расхаживал часовой. Он громко насвистывал, какой-то железкой отбивал ритм по стволу автомата, и Пашка очень удивился такой вольности.

В комнате первого этажа, куда проводил их американец, было душно и накурено, валялись газеты и какие-то папки с бумагами. Ракохруст выглянул в дверь и опять удивился: никто их не охранял, они могли сидеть здесь, могли уйти через сад.

— Свободно живут, — нервно засмеялся один из приятелей Пашки.

— Демократия, — уважительно произнес другой. — У них всяк сам по себе.

— Точно, — сказал третий, — хоть пляши, хоть по-дыхай — дело твое.

Ракохруст промолчал. В школе он учился неважно, по географии тянул на тройку, и про Америку знал только, что находится она за океаном и что там много миллионов.

Сидели они в комнате долго, до самого вечера, и Пашка уже решил было, что про них забыли. Но часов в семь появился тот же самый американец и опять пригласил жестом следовать за собой. Они решили, что теперь начнется допрос, но американец удивил их: привел в столовую, где на длинных деревянных столах стояли тарелки и большие эмалированные миски. В эти тарелки повар налил им жидкого, но пахучего бульона, а в миски наворотил картофельного пюре с мясом. Американец показал, что надо взять с подноса белых сухариков и посыпать в бульон.

На столе красовались несколько графинов с прозрачной жидкостью. Пашка подивился такой щедрости, плеснул было в стакан, хотел выпить, но в графине оказалась вода.

Все четверо давно уж перебивались с консервов на колбасу, и теперь жадно набросились на горячую пищу. А когда поужинали, когда американец дал им пачку сигарет и они закурили, жизнь снова показалась Пашке приятной и многообещающей.

Голова у него варит как надо, это теперь доказанный факт. Сколько человек загнулись в этой войне, пошли на откорм червям?! Может, десять миллионов, может, двадцать, а может, и больше. А вот он, Павел Ракохруст, жив-здоров, поглаживает свое сытое брюхо, курит сладкую заграничную сигарету и без особых волнений взирает на свое будущее. Капиталисты — народ расчетливый, задаром шага не сделают. А раз кормят его и снабжают куревом, значит, он нужен им, значит, найдется для него подходящее дело. Он не брезгливый, для начала может взяться за любую работу, лишь бы побольше платили!

13

Утро над Москвой встало пасмурное и прохладное. Медленно ползли свинцовые набухшие тучи, цепляясь за крыши высоких домов. Часов в девять прорвался дождь. Мелкий и нудный, он зарядил потом на весь день. Но все-таки это был летний июньский дождь, и он не очень чувствовался. Юрий почти не замечал его, лишь время от времени досадливо смахивал капли с лица и вытирал платком шею.

Из общежития академии Бесстужев ушел рано, часов в семь. Накануне стоваривались отправиться посмотреть парад Победы целой компанией. Но Юрий проснулся со странным настроением. Было радостно, и в то же время какая-то необъяснимая печаль тревожила его, не хотелось громко разговаривать, спорить и смеяться вместе с приятелями. Он оделся и исчез незаметно, даже не попив чая.

По набережной Москвы-реки он добрался почти до Каменного моста. Дальше не пускали солдаты и милиционеры, стоявшие в одежде. Юрий слышал команды, разносимые репродукторами, и хорошо представлял себе, что происходит на Красной площади. Замерли сводные полки, выделенные для парада войсками всех фронтов. Над полками развернуты боевые знамена, блестят погоны, золотое шитье генеральских мундиров.

— Пара-а-а-ад, смирно! — донеслось с площади.

Тишина. Потом громкие слова доклада. Потом поздравления. Юрию было приятно слышать спокойный, уверенный голос маршала Рокоссовского. Хорошо, что командовать парадом Победы поручили именно ему: как и многие

фронтовики, Юрий считал Рокоссовского не только самым культурным, самым скромным, но и самым талантливым полководцем.

Возле Бесстужева возбужденно переговаривались несколько пожилых женщин в платочках, тянулись повыше ребята-подростки, а около стены скромно стоял мужчина лет тридцати. На нем была пилотка и старая-престарая гимнастерка с отложным воротничком, какие носили еще до введения погон. На груди блестела единственная медаль «За отвагу» и виднелась нашивка за тяжелое ранение. Юрий испытал невольную симпатию к этому бывшему солдату, подумал, что он, может, и воевал-то всего один день, где-нибудь в самом начале. Прибыл на фронт, и подсекла его пуля в первом бою, а все же успел он заслужить боевую медаль, которые в ту пору давались скупой, не то что в конце войны.

На Красной площади тысячеголосое гремел оркестр. Мужчина улыбнулся Бесстужеву и, прислушиваясь, сказал, что мимо Мавзолея идет Карельский фронт... А вот теперь играют «Марш энтузиастов», теперь двинулись ленинградцы...

— Будто знаешь? — усомнилась женщина в платочке.

— Знаю, знаю! — радостно закивал бывший солдат. — У меня сосед в оркестре играет. У них для каждого фронта марши расписаны... Вот слушайте, слушайте, Второй Белорусский пошел! — воскликнул он, и все поверили ему и подступили ближе. Он оказался в центре внимания и был очень смущен этим; смотрел на Бесстужева так, словно просил извинения, что люди обращаются к нему, а не к подполковнику со множеством орденов и со шрамом во всю щеку. Юрий понял бывшего солдата и сам спросил, не знает ли тот, в каком порядке проходят фронты?

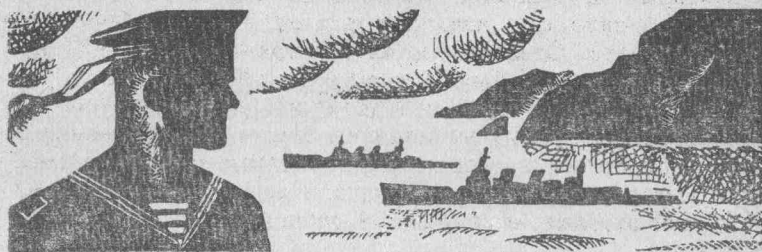
Мужчина очень разволновался и начал торопливо, горячо объяснять, что фронты выстроены в том порядке, в каком они воевали, если посмотреть на карту сверху вниз. Это для того, чтобы никому не было обидно, потому что война везде война.

Он хотел объяснить еще что-то, но вдруг зашелся сухим трескучим кашлем и, согнувшись, отвернулся к стене. На площади сменялись марши, дружно грохотали шаги, ликовала звонкая медь, а мужчина кашлял и кашлял, прислонившись к стене, а на тряпке, которую подносил он ко рту, расплывались алые пятна крови.

— Пойдем, товарищ, — сказал ему Юрий. — Пойдем, провожу.

— Нет! — мужчина замотал головой. — Нет, нет! Я до конца!

Бесстужев снял свой китель и набросил его поверх старой солдатской гимнастерки. Мужчина, согреваясь, кашлял все реже. А с площади, усиленные радио, доносились треск, шорох, глухие удары. Наступила самая торжественная минута парада. К подножью Ленинского Мавзолея, на мокрые камни, падали, стучаясь древками, знамена уничтоженных фашистских армий!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Над морем полз туман, обтекая надстройки корабля, струясь между ними. Не было видно ни транспортов, ни десантных судов, ни катеров, только слева угадывалось темное расплывчатое пятно — в ста метрах от сторожевика неотступно держался тральщик.

Славка высовывал из рубки голову, хватал ртом холодный сырой воздух и поскорей захлопывал тяжелую дверь: ни на минуту нельзя было отрываться от экрана радиолокатора. Небольшой, размером с тарелку, он резко светился в темноте; на зеленом мерцающем поле от края до края протянулась ломаная полоса пляшущих импульсов, то маленьких, то высоких и острых.

В тесной рубке душно. После двенадцати часов непрерывной вахты болели и слезились глаза. Раздражающе ныло плечо: Славка все время вращал правой рукой рычажок, соединенный тросом с антенной кругового обзора, установленной на мачте. Левой нужно было подстраи́вать станцию, добиваться четкого изображения. А корабль качало и бросало на волнах, и Славке не хватало третьей руки, чтобы держаться. Он набил несколько синяков и чуть не потерял сознание, ударившись виском о металлический угол транзеляционного узла. Морщась от боли, Славка утешал себя тем, что все эти толчки и удары прогоняют сонливость. А то ведь того гляди задремлешь в тепле, убаюканный ровным гудением аппаратуры. Качка действовала на него своеобразно — вгоняла в сон.

Перед выходом в море в рубку к старшине 2-й статьи

Булгакову явился сам командир корабля. Сел на вращающийся стул, пощупал взглядом выпуклый экран станции, приборы, хитросплетения проводов, сказал:

— Ну, старшина, в море кисель с молоком. Буду надеяться на твой агрегат. Не подкачает он у тебя?

— Нет, — твердо сказал Булгаков. — У меня все в полном порядке.

Командир ушел на мостик успокоенный.

Станцию свою Славка знал до последнего винтика, все капризы ее были ему известны. Год назад, вместе с заводскими специалистами, он сам монтировал аппаратуру, сам поддерживал в руках каждую деталь, каждую лампу.

Радиолокационные установки начали появляться на кораблях совсем недавно, были они сложные, ломкие, а ребята при них состояли молодые и без всякого опыта. Вполне понятно, что многие командиры относились к новому делу довольно скептически и по старой привычке больше доверяли глазам сигнальщиков. Первое время командир сторожевика просто забывал, что на корабле есть радиолокация. Славке приходилось напоминать ему, спрашивать, нужно ли открывать вахту.

Без сигнальщиков, конечно, не обойдешься. Они нужны для связи, для наблюдения на близком расстоянии. Но куда годятся глаза сигнальщиков ночью, в густом тумане? Разве смогут они определить, кто и откуда приближается к кораблю, где находятся встречные суда, где берег? Славка вообще удивлялся, как это ходили и ходят корабли без радиолокации, не сталкиваются и не налетают на сушу. Наверно потому, что море очень просторное, а моряки руководствуются не только расчетами, цифрами, но и какой-то особой интуицией.

Однако новое мало-помалу пробилось себе дорогу. За год командир сторожевика понял преимущества радиолокации. И вот теперь в боевом походе старшина 2-й статьи Булгаков стал одной из главных фигур на своем корабле. Все моряки сторожевика, от командира до юнги, видели только ночное море да густой, вязкий туман, который, казалось, не пробишь даже орудием главного калибра. А вот Славка видел корабли своего конвоя, докладывал командиру угол и дистанцию до них, следил за ними, чтобы не допустить столкновения. Но главным было не это. Он, морщась от боли в плече, вращал и вращал штурвал антенны кругового обзора, обшаривая далекий горизонт: не

появятся ли в пределах действия станции вражеские корабли или самолеты?!

Морской бой скоротечен. В море не спрячешься, не укроешься. Кто раньше заметил противника, кто обрушил первые залпы, тот, как правило, победитель. Славка прекрасно понимал, какая ответственность легла сейчас на него. Он мог бы передохнуть часок-другой, посадив на вахту своего подчиненного, матроса-ровесника, кончившего те же курсы, что и он сам. Но у матроса была какая-то замедленная реакция, он способен битых полчаса смотреть на всплески импульсов и гадать, что это: помехи или судно? Славка не мог со спокойной душой отлучиться из рубки. Оставлял за себя матроса лишь на несколько минут, чтобы сбежать в галюн.

Славка совсем выбился из сил. В глазах была такая резь, что он больше моргал, чем смотрел на экран. Правую руку поднимал со стоном. А тут раздался свист в переговорной трубе, Славка вынул пробку: «Слушаю!» и приложил ухо. Командир дал новое распоряжение: искать вход в бухту. Корабли никак не могут обнаружить узкое горло, торпедные катера, посланные к берегу, вернулись ни с чем. В этом тумане, в незнакомом месте сам черт ногу сломит. «Ищи, Булгаков! Внимательно поищи!» — попросил командир.

Славка медленно погнал антенну, прощупывая горизонт на предельном расстоянии, и почти сразу обнаружил разрыв в береговой полосе. Он еще раньше заметил, как мельчают, словно уходят вдаль импульсы, но думал, что в том месте просто понижение берега. Он сообщил на мостик направление и расстояние. Командир даже засомневался: очень уж быстро и просто сделал Булгаков то, над чем вот уж час ломали головы штурманы, чем безуспешно занимались четыре катера. Командир прогрохотал сапогами по железным ступенькам трапа, влез в рубку с картой в руке и опять уселся на стул, расстегнув реглан. От него веяло таким сырым холодом, что Славка поежился.

Командир посмотрел на градуировку, на цифры, обозначающие дистанцию, провел карандашом линию и заторопился на мостик, чтобы скорей донести флагману: вход в бухту обнаружен.

К вражескому берегу устремились десантные суда, катера и тральщики. Сторожевой корабль шел последним,

прикрывая десант с моря. Когда миновали крутой мыс, туман начал редеть. С обоих бортов надвигались высокие берега, и тут уж радиолокация потеряла свою силу. К тому же за восемнадцать часов непрерывной работы аппаратура настолько перегрелась, что того гляди могла выйти из строя. Славка попросил разрешения закрыть вахту, но командир, видимо, настолько уверовал в пользу локации, что не дал согласия. Булгакову пришлось идти на мостик и убеждать капитан-лейтенанта.

Славка очень устал. Он думал, что стоит ему броситься на койку, как сразу заснет. Однако посидел минут десять с закрытыми глазами, выкурил две самокрутки и сразу вскочил, едва раздался выстрел. Выбежал на палубу и застыл, вцепившись в шлюпбалку: такая необычная картина открылась перед глазами.

Заметно светлело. Корабль медленно шел по лаковой черной воде, которая дымилась и парила, будто перед кипением. Справа виднелся темный берег с густыми округлыми кустами невысоких деревьев. Впереди угадывался громоздкий массив горы, а возле ее подножья переплетались в воздухе яркие, разноцветные, сказочно красивые трассы. Особенно удивительный след оставляли снаряды скорострельной автоматической пушки. Оранжевые шары летели сквозь туман цепочками по пять штук. Потом интервал — и еще пять шаров уносились вдаль, догоняя друг друга и умирая со вспышкой пламени где-то на склоне сопки.

Японцы, вероятно, совершенно не ожидали, что десант появится в глубине их обороны, на острове, далеко от советских баз. Поэтому первый отряд морских пехотинцев высадился почти без потерь. Нагруженные оружием матросы прыгали в воду и шли к берегу, неся над головой автоматы и ручные пулеметы.

Зато второй отряд высаживался с десантных барж, когда бой гремел уже во всю силу. Били несколько японских орудий, гулко раскатывались залпы корабельной артиллерии, торопливо, захлебываясь, тарабанили пулеметы.

Десантники находились в воде и на открытых палубах. А японцы — в укрытиях среди густой зелени на склонах сопки. Подавить их огонь не было никакой возможности. Только добраться, доползти, схватиться лицом к лицу, выковырнуть из глубоких траншей, из дзотов.

Сторожевой корабль содрогался от залпов. Малокалиберные японские снаряды рвались поблизости, взметывая белые водяные фонтаны. Осколки стучали по борту. Надо было бы уйти в рубку. От прямого попадания там не укроешься, но от осколков и пуль спасешься. Однако Славка был так захвачен картиной высадки, что только отмахивался от своего помощника, когда тот тянул его в защищенное место.

Он смотрел, как приблизилась к берегу десантная баржа, как откинулся, шлепнув о воду, ее широкий нос, как появились из чрева баржи первые десантники. Над водой замелькали бескозырки, каски, поднятые руки с оружием. Матросы шли к берегу, грудью рассекая темную, застывшую поверхность залива. Над их головами переплетались трассы автоматических пушек и эрликонов. А с берега, навстречу матросам ударили японские пулеметы, вода сразу забурилась, запенилась.

По сопке били все корабли, там сверкал огонь взрывов, летели вырванные с корнями деревья, громадные камни катились по склонам. Стрельба была такой плотной, что казалось, будто сопка охвачена пламенем, что там горит кустарник и даже сама земля. Но японские пулеметы продолжали хлестать свинцом по десантникам, и матросы исчезали, скрывались в черной пучине, вода смыкалась над ними, не оставляя следа, покачивая бескозырки в тех местах, где только что были люди...

Тонули и убитые, и раненые, но те, кто еще уцелел, бежали вперед, поднимая каскады брызг. Матросам нельзя было ни лечь, ни повернуть назад. С баржи их прыгнуло человек сто, но лишь половина добралась до суши. Они вылезли на песок, залегли в редком кустарнике. Издали трудно было понять, кто там живой, а кто уже мертвый. С другой баржи прыгала новая группа десантников. По ней тоже хлестали японские пулеметы, но меньше. Некоторым заткнули глотку снаряды, других отвлекли на себя высидевшиеся матросы.

На роствах сторожевика готовили к спуску шлюпку. Радисты-корректировщики стояли на шкафуте, горбясь под тяжестью металлических упаковок с рацией и аккумуляторами.

— В распадок правьте! — крикнул Славка старшине шлюпки. — В распадке японцев нет, я давно смотрю!

— Куда? — не разобрал старшина.

— В распадок, говорю, глухая тетеря! Товарищ капитан-лейтенант, разрешите мне с корректировщиками? — обратился Славка к спустившемуся с мостика командиру. — Я место для высадки присмотрел!

— Да ты что! — командир даже побелел от негодования. — Мы, может, через час в море уйдем! Вахту кто нести будет?! — Всмотревшись в лицо Булгакова, увидев его красные, опухшие глаза, командир добавил помягче: — Спи, старшина, пока время есть. В море не отдохнешь. Понадобится, будешь сутки сидеть, понятно?!

— Есть, товарищ капитан-лейтенант, — ответил Славка и, чтобы не попадаться больше начальству, ушел в рубку. Сидел там со своим подчиненным, глядя в открытую дверь на задымленный берег, на взрывы, красным огнем плескавшие по черному склону. Бой передвинулся выше и левей, начал уходить за сопку. Над водой гулко раскатывались орудийные выстрелы. С мостика слышались команды артиллерийского офицера. Потом кто-то громко закричал, что появились японские танки и что десантники просят поддержки.

— Ух, ты! — испугался матрос. — Не спихнут они наших?

Славка опять выглянул в дверь. На воде все также покачивались десятки бескозырок, на песке пляжа, у самой кромки прибоя, черным валом лежали тела погибших. К берегу шли несколько шлюпок, а больше ничего нельзя было разобрать. Или горел лес, или дымовые шапки — во всяком случае весь берег был теперь полностью скрыт дымом. Корабельные орудия постепенно замолкали. Зато слышней становилась беспорядочная стрельба, долетавшая с суши.

— Ох, продержались бы наши, пока второй эшелон придет! — снова сказал матрос.

— Не хнычь! — отрезал Славка. — У японцев, небось, паника в сто богов! До вечера не отчихаются!

— Спокойный ты, черт! — позавидовал матрос.

— А чего волноваться? Я давно понял, что всякий треп и переживания — пустое дело. Надо душевные силы расходовать с пользой. А если работы нет, то сиди покуривай да ожидай, когда сможешь сделать что-либо для товарищей или для себя! Усвой эту формулу — и жить тебе легче станет. И другим от тебя больше пользы. Дошло?

Ну и ладно. Сиди тут, а чуть что, сразу командируйся за мной!

Славка спустился в кубрик, привычным движением сбросил с ног по штормовому незашнурованные ботинки и упал на пробковый матрас. Заснул на лету, не успев даже коснуться щекой подушки.

2

Дивизия расформировывалась. Молодых солдат и сержантов отправляли в другие части, технику сдавали на склад. Офицеры получали новые назначения. Лишь немногие, из числа тех, кто постарше, увольнялись в запас.

Виктора вызвал к себе командир полка, вместе с которым Дьяконский прошел долгий путь от Украины до Чехословакии. Подполковник был еще молод, резковат с людьми и скуп на слова. Командир он хороший, но теплого слова от него не дождешься. А на этот раз подполковник принялся вдруг расспрашивать о самочувствии, вспомнил почему-то, что их обоих ранило в один и тот же день на Днестре, и даже улыбался натянуто и неумело: уголки его бескровных, синеватых губ опускались при этом вниз.

Виктор сразу понял — дело плохо. Стараясь не выдать волнение, сидел на стуле, ловя взглядом ускользающий взгляд подполковника. Правая нога начала вдруг как-то странно подергиваться, Виктор плотней притиснул к полу ступню.

— Ну что, Дьяконский, не надоела военная служба? — спросил командир, без надобности перекладывая бумаги.

— Нет, — твердо ответил Виктор. — Я уже говорил вам о своем желании остаться в кадрах.

— Не получается, капитан. Ничего не получается. Училище ты не кончал, произведен в военное время...

— Ну так что же? Оставляют же офицеров без училищ?

— И я то же самое говорил, — устало махнул рукой подполковник.

— Кому?

— Кадровикам говорил. Уезжай, — привстав, потянул-

ся к нему подполковник. — Приказ подписан, возражать поздно. Мы тебя знаем, проводим с почетом...

— Ясно, — встал Виктор. — Разрешите идти?

— Да, — ответил командир, протягивая руку, но Виктор не заметил ее, пошел к двери, сутулясь и прихрамывая. Подполковник смотрел вслед и вдруг смутно, словно сквозь дым, увидел того же комбата с пистолетом в руке, ведущего бойцов на вражий огонь, на колючую проволоку! И такая разница была между тем яростным, устремленным вперед офицером и этим обмякшим сторбленным человеком, что подполковнику захотелось остановить его, сказать что-то хорошее. Но он понимал: словами тут не поможешь. Он выскочил в коридор вслед за Дьяконским, пошел рядом и молча проводил его до двери.

Возле казармы Виктора ожидал старшина Гафиуллин. Сидел на низенькой скамеечке, напевая что-то тягучее, заунывное и раскачиваясь в такт своей песне. Посмотрел на Дьяконского и сразу умолк, подвинулся, уступая место. Виктор опустился рядом, ощущая плечом жесткое, словно каменное плечо Гафиуллина. Старшина попытлся самокруткой, произнес негромко:

— В госпитале лежал, все думал, как дальше жить? Месяц думал, другой думал, третий тоже думал — ничего не надумал. Или домой ехать или службу служить? На курсы мне предлагают. Скажи ты, командыр. Как скажешь, так делать буду.

— Оставайся, — ответил Дьяконский. — Офицер из тебя получится. Но чтобы хороший офицер получился, учиться надо. Очень много нужно учиться. Если на это пороухватит, тогда оставайся.

— Да, командыр. Привык я к армии. Самое место мое тут!

— А я не привык?! — сорвался вдруг Дьяконский и сразу умолк, устыдившись своей вспышки.

Гафиуллин долго молчал, опустив бритую голову. Потом повернул к Дьяконскому плоское свое лицо с узкими разрезами черных глаз, сказал взволнованно, с придыханием, словно запалившись от бега:

— Ты мне брат, командыр. Ты мне самый дорогой старший брат, командыр. Я к тебе прирос — не знаю, как без тебя. Ты поезжай, ищи, где жить будешь. А я за тобой следом поеду. Не надо мне никаких курсов, ничего мне

не надо. Хорошо будет — вместе смеяться будем. Худо будет — вместе горевать будем.

— Оставь, старшина, — поморщился Виктор. — Не нужно мне жертв!

— Каких жертв? Ты зачем так говоришь, командыр! — в голосе Гафиуллина звенела обида. — Ты мне скажи: руку отдай! Я отдам и рад буду!

— Ну, ладно, ладно, — скупно заулыбался Дьяконский. — Я верю тебе, старшина. В дружбу твою верю. И вот честное слово: если будет мне очень трудно, обращусь только к тебе. Но ты оставайся, ты служи. Твое место здесь. И не возражай сейчас мне! Это последнее мое приказание!

3

Отпуск генерал-лейтенанту Порошину дали сразу на два месяца, на сентябрь и октябрь. Надо было устроить свои личные дела и хорошенько отдохнуть.

В Москве Прохор Севостьянович и Ольга прожили всего три дня. Сходили в Большой театр, побродили по Красной площади и по улице Горького. Ольга затеяла было генеральную уборку в запущенной квартире, даже хотела заново покрасить стены. Но Прохор Севостьянович не разрешил. Все это сделают, мол, мастера, когда возвратимся с юга. Он так трогательно заботился о ней, запрещая поднимать тяжести, так беспокоился, если вдруг у нее начиналось недомогание, что Ольге было и приятно, и смешно. «Вот теперь я понимаю, как это говорят: готов любимую женщину на руках носить», — сказал ей однажды Прохор Севостьянович. И она тоже понимала его, видела, что его любовь — навсегда, что никакие обстоятельства не заставят его отвернуться от нее, и поэтому чувствовала себя счастливой и совершенно спокойной.

До середины октября они собирались прожить в Крыму, но, прежде чем отправиться на Черное море, Порошин решил съездить в Брянск, разыскать могилу Степана Степановича. А Ольга должна была побывать в Одуеве. Провожая ее на вокзал, Прохор Севостьянович сказал твердо: «Сына возьми обязательно. Нельзя жить на два полюса. Душевного равновесия у тебя не будет, а значит, и у меня тоже».

За год Ольга как-то отвыкла от Николки, смутно пред-

ставляла его лицо, давно уже перестала плакать ночами от приступов тоски. Даже сама спохватывалась порой, что так редко думает о сыне. Мысли ее были заняты той новой жизнью, которую носила теперь в себе.

К Одуеву подъезжала она в тихий первоосенний денек. Недавние дожди прибили пыль, очистили воздух, он стал прозрачным и светлым, горизонт словно раздвинулся. Массивы лесов, темневшие на самом краю окоема, придвинулись ближе, к ним тугой сверкающей струей убегала река, то скрываясь в непроглядных зарослях, то ослепительно вспыхивая на изгибах белым пламенем отраженного солнца.

Сам Одуев открылся вдруг разом: вырос над полями крутобокий холмище, весь кудрявый от зелени, с рыжими пятнами крыш и слюдяным блеском окон. Только кирпичная колокольня да заводская труба возвышались над разливом садов и деревьев, их первыми увидела Ольга издалека и сразу защемило у нее сердце, рванулось из груди: дай волю — так и унеслось бы в обгон машины к деревянному дому под поникшими космами старых берез.

Шофер высадил ее на углу улицы, Ольга быстро пошла по тропинке. Бросила возле калитки чемодан, кинулась к мальчугану, игравшему на крыльце, обняла его так сильно и неожиданно, что он заплакал, а потом притих, удивленно слушая ее ласковый шепот, недоверчиво глядя на незнакомую тетю в зеленом платье, вдыхая резкий запах духов и бензина.

Николка протянул руку, хотел прикоснуться пальчиками к щеке Ольги, но вдруг отпрянул и спросил недоверчиво:

— Ты не тетя? Ты правда мама?

Он сильно подрос за год, стал очень похож на отца. Ольга радовалась, что еще там, в Германии, выбирала вещи побольше размером: ушить всегда легче. А тут и ушивать не понадобилось, впору пришлось Николке и костюмчики, и вязанный джемпер, и фасонистое пальто.

Всех оделила Ольга подарками. Светловолосая голенастая Людмила так обрадовалась, что целый день вертелась, примеряя обновки, возле трюмо. Антонина Николаевна поблагодарила за привезенные платья и плащ.

Марфе Ивановне вручила Ольга отрез. Бабка встала перед зеркалом, поднесла материал к груди и так молодецки повела плечами, что Ольга расхохоталась, а Антонина

Николаевна закашляла, то ли от возмущения, то ли пытаясь подавить смех.

Каждую минутку Ольга старалась быть рядом с сыном. Гуляла с ним в саду, читала книжки, играла в мяч. Сама приготовила обед, сделала маленькую постирушку. Или отвыкла она от такого труда, или сказывалась беременность, но устала так, что не смогла даже уложить Николку, присела на кровать и заснула. Марфа Ивановна разбудила ее только за полночь, с лампой в руке проводила к умывальнику.

Утром, за чаем, Антонина Николаевна сказала строго и сухо:

— За ребенком приехала? Да, конечно, я тебя понимаю. Но и ты пойми нас. Пока ты в таком положении, мы не можем отдать тебе сына. Я тебя не осуждаю, не все способны хранить верность... Это дело твое. Но прежде чем взять к себе Николку, ты должна свить настоящее гнездо, обжиться с мужем, осесть на месте. Ты сейчас едешь в Крым. Потом в Москву. Мальчику может повредить смена климата. Да и вам не будет отдыха, ни тебе, ни твоему генералу.

— Хорошо, — ответила Ольга. — Пусть он пока останется. До ноября.

— Оля! — Антонина Николаевна прижала к груди тонкие руки, голос ее прозвучал умоляюще: — Оля! Не будь безжалостной! У тебя скоро появится ребенок. И еще будут дети, если захочешь. Но кто вернет мне Игоря? Частичку его я вижу в Николке. Не спеши отнимать у нас радость!

— Олюшка, — ласково позвала бабка, притулившаяся возле печки. — Я ведь помру без него, Олюшка. Он ведь на земле меня держит. Остальные-то и без меня обойтись могут!

* * *

Из дневника генерал-лейтенанта Порошина.

11 сентября 1945 г. Лесничество.

Могила Степаныча на перекрестке двух просек. Будто аллея ведет через березняк на возвышенность, к старому дубу. Тропинка усыпана опавшей листвой. Березы кругом под цвет лимона, осинник горит ярким огнем, а у дуба крона совсем еще зеленая, только на макушке

чернеют мертвые ветви с коричневыми сухими листьями.

Мы пришли втроем. Лесничий Егор Дорофеевич, его приемный сын, хромо́й паренек Илюшка, и я. Принесли лопату. Брагин хотел подсыпать и подровнять могильный холмик, но я сказал, что не надо. На могиле растет тоненькая березка. Она уже вытянулась до колен. Пусть растет.

Договорились, что весной в изголовье установим плиту.

Спутники мои ушли, а я посидел со Степанычем, рассказал ему, где бывал и что видел.

Сидел и думал: все поправимо на этом свете, непоправима лишь смерть...

Да, места тут дикие и красивые. Лес без конца и края. Брагин говорит: партизанил здесь, знает каждую тропинку, не может уехать. И зачем ему уезжать? Живет вольготно, просторно. Новый пятистенный дом, дружная большая семья. Жена у него — царь-баба! Рослая, молчаливая, сильная. Все хозяйство везет на себе. Дочь Нюша качает в люльке маленького брагинского сынишку. Средний сын уехал в техникум, а Илья ходит за Брагиным как ординарец. Понимают друг друга без слов: спаяли их партизанские годы сильней кровного родства.

Я рассказал хозяйке, что мы с Олей тоже ждем ребенка, и она очень обрадовалась. Зовет в гости на следующее лето. Говорит, что приехать лучше к августу, когда кончается комарье. Воздух, парное молоко, грибы, ягоды — лучший отдых. Думаю, что Оля согласится.

У Брагиных есть белка. Она совсем ручная. Квартирует в скворечнике, а в обед прибегает к общему столу. Забавная зверюшка. Ее можно держать в городе. Я договорился с Илей. К следующей осени он приручит белку для нас, чтобы мы могли увезти с собой. Ведь маленькому будет интересно смотреть на нее.

Кажется, впервые в жизни я не думаю о делах службы и почти не вспоминаю войну. Радуюсь тишине, ярким краскам леса, чистому и прохладному воздуху. И весь наполнен каким-то приятным волнующим ожиданием. Впереди — Оля. А потом будет чудо: на свете появится еще один человек. Мой человек, мое продолжение! Что там ни говори, но быть отцом — важнее, чем быть генералом!

Ольга хорошо помнила довоенную Ялту: белые дворцы среди зелени, нарядные толпы на набережной, запах жареного мяса и лука, гудки чистеньких пароходов и голубое небо, прильнувшее вдали к синему морю. Суматошно, весело и шумно было тогда в курортном городе. А теперь дворцы лежали в руинах, набережная искорежена воронками, уцелевшие дома словно ослепли: у одних окна забиты фанерой, у других вмазаны вместо стекол бутылки и банки, хоть немного пропускавшие свет.

В военном санатории восстановили один корпус из пяти, было тесно, люди спали на топчанах в коридоре. Но Порошину дали отдельную угловую комнату с двумя широкими кроватями.

Вставали они рано, и еще до завтрака успевали погулять в парке или сходить на рынок за фруктами. Прохор Севостьянович где-то вычитал, что для ребенка и матери очень полезен виноград. От яблок и от груш тоже вреда не бывает. Вот и носила Ольга с собой повсюду сумочку с фруктами. Но они ей быстро приелись, хотелось соленого, острого. Ольга тайком отдавала яблоки местным детишкам, а Порошин, довольный аппетитом жены, снова вел ее на шумный базар, где торговали не только фруктами, но и рыбой, и дельфиньим мясом. В очередях люди рассказывали, как вкусна, как питательна дельфинья печенка. Порошин договорился с сестрой в санатории, чтобы та купила.

Печенка не очень понравилась Ольге, она ела через силу, но не сказала об этом Прохору, чтобы не огорчить его.

Вечером они сидели на большие камни у самой кромки воды, слушали шорох волн, ощущая на своих лицах теплое и влажное дыхание моря. Ольга была счастлива. Лишь иногда днем, при виде играющих на пляже ребятишек, ее охватывала тревога: а что там сейчас в Одуеве, как Николка? Здоров ли он, не забыл ли совсем свою маму? Там дожди, слякоть, ветер срывает желтую сырую листву...

В такие минуты она особенно приглядывалась к детям Николкиного возраста, смотрела, как они играют, жадно вслушивалась в их разговоры: ведь такие же интересы занимают и ее сына!

Однажды Ольга, загорая на пляже, увидела девочку лет трех: худенькую, подвижную и словно бы шоколадную от загара. Она барахталась в неглубокой заводи среди кру-

ных камней, плескалась со своими сверстниками. Ее голос привлек внимание Ольги: посмотрела и не смогла отвести глаз — эта девочка чем-то неуловимо напоминала ей Матвея Горбушина.

«Чепуха! — поморщилась Ольга. — Я и Матвея-то не помню, даже лицо его представить себе не могу».

Она повернулась на другой бок, удобней устроилась на плече Прохора. Неясные воспоминания охватили ее, она будто слышала шум деревьев в ночном лесу... Звонкий, веселый голос девочки продолжал тревожить ее, даже в голосе чудились знакомые интонации.

Ольга села, поискала глазами. Девочка бежала по пляжу. Навстречу ей быстро шла высокая женщина, наверное, мать. Зеленая, армейского образца, юбка была коротка женщине, выше колен обнажала полные загорелые ноги. Воротник дешевой розовой кофточки расстегнут, черные, смолисто блестящие волосы коротко пострижены.

Она подхватила девочку и, держа на левой руке, правой ловко натянула на нее трусики. Девочка болтала смуглыми ногами, что-то рассказывала матери. Смеясь, они пошли по пляжу. Ольга провожала их взглядом до тех пор, пока они затерялись среди людей.

4

Почти каждый вечер в квартире Ермаковых собиралась компания. Настя Коноплева первой прибегала из института. Быстренько переодевалась, ставила на кухне большой чайник. Если была картошка или вермишель, начинала варить суп. Неля по дороге с завода заглядывала в магазин, выкупала хлеб и отоваривала продуктовые карточки. Евгения Константиновна выходила на кухню давать советы. Альфред каплял в своей прокуренной комнате. Вернувшись из армии, он отдал хозяйкам все деньги и вещи и попросил, чтобы его не тревожили три месяца. За это время он должен восстановить в себе нормальное понимание жизни и обдумать будущее.

Альфред записался сразу в две библиотеки, ходил в них через день и читал запоем.

Ровно в девятнадцать ноль-ноль, как по расписанию, являлся Сергей Панов, учившийся теперь на втором курсе авиационного института. У Панова имелась крепкая родня

где-то в подмосковной деревне, и он умел извлекать из этого выгоду: приносил то кусок сала, то сушеные грибы, однажды притащил в мешке живого петуха, все общество изрядно помучилось с ним: никто не умел отрубить голову и выпить перья.

Подполковник Бесстужев зашел как-то на знакомую квартиру, где бывал с Игорем, поговорил с Настей, познакомился с Альфредом, и тоже зачастил на Бакунинскую: тут ему было веселей и интересней, чем в холостяцком общежитии академии.

В сырой сентябрьский вечер Юрий приехал раньше обычного, привез две бутылки вина, купленных в коммерческом магазине. Неля и Панов спорили в столовой о сверхзвуковых скоростях. Неля соглашалась, что ракеты — да. А самолеты звуковой барьер не преодолеют. Голос у нее был резкий, отвечала она раздраженно, и Юрий подумал: наверно, Неля останется в старых девах. Внешностью она не блещет, а ведь теперь так много молодых, красивых и незамужних... Кроме того, она слишком увлечена техникой. Сейчас она горячо доказывала Панову, что полета за звуковым барьером не выдержит человек.

— А это смотря под каким градусом! — весело подмигнул Сергей, увидев бутылки в руках Бесстужева.

— При чем тут градусы? — пожала плечами девушка. — Обычный горизонтальный полет...

— Ну, градусы — великое дело! Человек становится крепче металла! По себе знаю!

Неля посмотрела на бутылки и скривила губы.

— С тобой невозможно спорить, ты уходишь от серьезного разговора, — обидчиво проскрипела она.

«Старая дева! — снова подумал Бесстужев. — Не выпадет какая-нибудь случайность, так и останется синим чулком...»

Часа через полтора спор, подогретый вином, разгорелся с новой силой. На этот раз Панов и Неля, объединившись, напали на Настю, которая утверждала, что детям в школе надо прежде всего прививать вкус к литературе, к искусству. Война сделала многих людей грубыми, черствыми. Поэтому сейчас особое внимание следует обратить на воспитание гуманизма, чуткости, заботливости. Надо побольше готовить учителей и врачей.

Она говорила, а Юрий, откинувшись, любовался ее тонким лицом с трепетными ноздрями, с чуть раскосыми

глазами. Ей очень шло черное платье с белым кружевным воротничком. Платье было скромным, строгим, и в то же время подчеркивало девичью стройность ее фигуры. Бесстужев заметил, что Альфред тоже не сводит с Насти добрых восторженных глаз. А Панов, подобравшись, словно перед прыжком, сердито покалывал Настю острыми глазками и говорил, что война двинула вперед инженерную, изобретательскую мысль. Наступает век техники. Человечество накопило достаточно знаний для того, чтобы заставить работать на себя машины и ту неисчерпаемую энергию, которая еще скрыта в природе. Техническая гонка, начавшаяся во время войны, будет продолжена. Поэтому следует резко увеличить и улучшить подготовку технических кадров.

Насте трудно было спорить с двумя. Она ответила, что человек рождается для того, чтобы жить, радоваться, наслаждаться природой и искусством, а вовсе не для того, чтобы стать придатком машин, мозгом каких-то там механических сооружений.

Все ждали, что скажет Альфред. Панов и Неля не сомневались, что он поддержит их. Ведь Альфред сам математик, перед войной работал над диссертацией по автоматизации производства, в армии изобрел портативное приспособление для артиллерийских расчетов. Его слово было бы веским.

Ермаков медлил. Большой, грузный, он повернулся так тяжело, что стул жалобно пискнул под ним. Протер носовым платком толстые стекла очков, правой рукой почесал заросший затылок и, устыдившись этого жеста, обвел всех взглядом, будто прося извинения. А когда заговорил, Юрий отметил резкий контраст между его доброй, неуклюжей внешностью и той твердостью, той убежденностью, которая звучала в его голосе.

— Я сейчас слушал вас и вспомнил зиму сорок первого года. Самую трудную для меня зиму, — сказал Альфред. — В поселке Пулково не сохранилось ни одного дома. Понимаете, ни одного. Только церковь торчала над снежной равниной да кое-где виднелись кирпичные руины. Тогда мне казалось, что я не дотяну до весны. Если не умру от голода, то замерзну. Но мы все-таки жили и стреляли, — он сделал паузу, чтобы передохнуть и прикурить папиросу. — И вот тогда, в подвале под руинами, бойцы нашли какую-то книжку. Ее разобрали по листочкам на само-

крутки. Мне тоже досталась страничка. Я не знаю, кто автор, не могу вспомнить дословно текст, но там написано было приблизительно так: «Все недолговечно на земле. Ржавеет и исчезает железо. Трескаются и рассыпаются камни. В прах превращаются люди. Бессмертны только идеи и мысли, запечатленные в образах».

— Увлечательные рассуждения,— с улыбкой сказал Панов: он не мог понять, шутит Ермаков или говорит серьезно.— Только как же ты сам теперь? Ведь в кандидаты технических наук метишь!

— Я понимаю, мои слова звучат несколько парадоксально,— кивнул Панову Альфред.— Но для меня это не парадокс, а истина. Я не утратил ни грана уважения к математике, считал и считаю ее наукой наук, большим достижением человеческого разума. И все-таки вполне возможно, что я не вернусь больше ни к ней, ни к другим наукам, интересовавшим меня раньше. Если и вернусь, то не сейчас. Теперь, после этой войны, после Хиросимы и Нагасаки нужно думать о том, чтобы такие трагедии больше не повторялись. Не только думать, но и бороться, звать людей к лучшему!

Он поднялся со стула, подошел к двери. Остановился, словно хотел сказать еще что-то, но только махнул рукой.

— Ерунда! — крикнул ему вслед Панов.

Дверь громко захлопнулась.

— Не повышай голоса, Сережа,— строго сказала Настя.— Альфред хочет сражаться против войны. А как именно — он и сам еще точно не знает.

— Будет писать стихи,— насмешливо произнесла Нелля, собирая пустую посуду.— У него хватит чудачества, чтобы оставить аспирантуру и поступить в литературный институт. Кажется, есть и такой?..

— А в чем тут чудачество? — вырвалось у Бесстужева. Все повернулись к нему, и он продолжал негромким, хриплым от волнения голосом: — Каждый выбирает тот путь, который ему по душе. Я так понимаю: любого человека можно выучить и сделать из него настоящего инженера. А настоящего поэта не выучишь и не сделаешь. Для этого природный талант нужен. И если он есть, пускай Альфред развивает свои способности.

— Какого же черта он раньше своих задатков не замечал,— сказал Панов, пристально и грустно следя за Настей, снимавшей с вешалки пальто.— Ты за гением?

— За Альфредом. Разволновался он.

— Раньше мы многого не замечали в себе и в других,— продолжал Бесстужев, обращаясь к Панову.— Теперь, после войны, люди начинают жить заново.

5

Поезд приближался к Туле. Поля сменились желто-багряными массивами лесов, потом надвинулся слева дымный горб Косой Горы, замелькали кирпичные заводские трубы, бараки, одноэтажные домики.

Виктор стоял в коридоре, прижавшись лбом к влажному стеклу, смотрел за окно и ничего не видел: весь устремлен был в себя. Считанные минуты оставались до того перевала, до того рубежа, который рассечет всю его жизнь, даст какое-то новое, неизвестное направление.

Трудны были оставшиеся за спиной годы. И все же во время войны Виктор чувствовал под ногами твердую почву, знал, что делать и как нужно делать. Его уважали, с ним считались. Но вот начался мирный ровный путь, и тут, на каком-то повороте, его словно бы столкнули с дороги на зыбкое болото, оно вздрагивало и покачивалось, как покачивался сейчас под ногами вагонный пол.

Дьяконский испытывал неуверенность и даже робость, какой не бывало с ним на войне. Он ушел в армию юношей, а возвращался взрослым, много пережившим человеком, но у него не было ни образования, ни специальности, ни своего угла. Только девушка, с которой не виделся четыре года, которая, конечно, очень изменилась за это время и еще неизвестно, как встретит его. Он решил: если почувствует, что хоть чуть-чуть стесняет Василису, хоть чуть-чуть в тягость ей, сразу же соберется и уедет. В конце концов страна велика, найдется и для него место, где можно работать и учиться.

Соседи по купе, ребята-фронтовики, организовали «последний залп на дорожку», но Виктор пить отказался. Застегнул шинель, надел вещевой мешок и взял чемоданчик. Пробился к двери. Тут, держась за поручни, висели бойцы с котелками и флягами, готовые бежать в очередь за кипятком. Через их головы Виктор смотрел на перрон. Сутились люди. Бабы тащили мешки и деревянные чемоданы. Девушки с цветами столпились под часами. Семья,

восседавшая на груде узлов. Солдаты, цыгане, усатый милиционер...

Василисы не было видно, и он сказал себе: а почему она обязательно должна прийти на вокзал, ведь у нее занятия... Пожалуй, надо оставить в камере хранения вещи, а то она сразу подумает, что явился к ней с постоем, и получится неудобно... Он так стиснул зубы, что сплющилась и сломалась в губах немецкая сигарета.

«Эх, и друзей никого не осталось... Только Юрий где-то в Москве. Можно его поискать...»

Он спрыгнул на перрон, прощально махнул попутчикам и не спеша пошел к вокзалу. Спросил у милиционера, где можно оставить вещи. Тот вытянулся по-военному, откозырял:

— Прямо и направо. Откуда, товарищ капитан? Не из Берлина будете?

— Нет, из Венгрии.

— А я из Германии. Месяц, как дома.

Дьяконский кивнул ему и отправился дальше. Возле часов чуть замедлил шаги. Девушки с цетами все еще стояли тут, смеясь и разговаривая.

Захотелось курить. Вытащив из кармана пачку, он щелчком выбросил сигарету, на ходу высек зажигалкой огонь, и вдруг вздрогнул от тихого, неуверенного голоса:

— Это ты?.. Витя, родной!

* * *

Василиса снимала комнату на окраине города. Это даже была не комната, а пристроенный к дому сарайчик с одним окошком. Но догадливая хозяйка утеплила его, поставила печку-временку и сдавала студентам. Раньше Василиса жила тут с подругой, но, когда пришла телеграмма от Виктора, подруга без лишних слов перебралась в соседний дом.

Дьяконскому новое пристанище показалось замечательным. Было чисто, уютно, на некрашенных досках пола лежала пестрая веселая дорожка. И очень хорошо пахло мятой.

А главное — они были вдвоем, никто не мешал им. Он сразу почувствовал себя здесь хозяином, говорил громко, раскладывал свои вещи, чувствуя, что это очень нравится Василисе. Она следила за ним восторженными глазами,

подходила к нему и осторожно, стесняясь, трогала его руку, плечи, будто хотела убедиться, что все происходит наяву.

Посреди комнатки стоял маленький учительский столик под белой скатертью, и на нем уже была готова закуска: квашеная капуста и огурцы. Василиса сбегала куда-то, принесла сковородку с жареной картошкой и другую, поменьше, с жареными грибами. И даже маленький графинчик с отбитым краем переставила с подоконника.

— Вот без этого вполне можно было бы обойтись, — засмеялся Виктор. — Я не особый сторонник...

— Нельзя, — серьезно ответила она. — Так положено человека с войны встречать. Мне отец специально прислал.

И еще она поставила красивую четырехгранную баночку с американской колбасой, но не знала, как открыть ее. На банке была дата «43 год». Виктор подумал: может быть, Василиса, сама оставаясь голодной, все это время хранила банку до встречи, для праздничного стола.

Он обнял девушку и долго не отпускал, целуя горячие и почему-то немного соленые губы. Она сидела чуть откинувшись, тихая и послушная. Потом отодвинулась и сказала негромко:

— Остынет все, а ты голодный...

Голос Василисы прозвучал неуверенно. Виктор подхватил ее на руки, стал посреди комнаты, спросил одними губами:

— Ты моя?

Девушка чуть вздрогнула и прикрыла глаза.

Со стуком упали на пол туфли.

* * *

Время давно уже перевалило за полночь, а они все еще лежали без сна на узкой железной кровати, два самых родных человека, принесших друг другу свою любовь, верность и чистоту.

Незаметно растаяли стеснение, скованность, на смену им пришла радость открытия, взаимного познания и сближения, пришло обоюдное, ничем не омраченное счастье.

Виктору захотелось пить, она подала ему кружку воды. Склонилась над ним высокая, гибкая, и он вдруг уви-

дел на домотканом полотне ночной рубашки голубые васильки, такие знакомые ему, только чуть-чуть побледневшие, выцветшие. Эти васильки были на ее платье, когда он пошел с друзьями на базар и впервые встретился с девушкой.

Василиса засмеялась, услышав его вопрос.

— Я так и знала, что ты вспомнишь. Я спила рубашку из того платья и хранила ее.— Вытянулась рядом с Виктором и добавила, улыбувшись:— От первой нашей встречи до первой ноченьки...

Потом они заговорили о будущем. Василиса заявила, что ему надо поехать на месяц в Стоялово, пожить там, отдохнуть, а потом думать об учебе. Или же сразу, не теряя времени, идти в институт: кое-где есть недобор, и мужчине принимают охотно.

— Нет,— возразил Виктор.— Прежде всего мне нужно как-то укорениться на новом месте. Я начну работать. Надеюсь, в должности военрука мне не откажут. Сейчас у меня задача присмотреться, что к чему, и крепко подумать. В армии я не остался, а все другое мне пока безразлично. Я должен выбрать новую профессию. Может быть, займусь географией, может, стану геологом или хирургом. Специальность должна нравиться, правда? Но, кроме того, она должна еще быть такой, чтобы мне дали возможность спокойно работать. В институт я поступлю, как фронтовик...

Василиса ничего не сказала в ответ, и он тоже умолк, обняв ее, ощущая прилив спокойствия и уверенности. Их двое, они молоды, у них еще достаточно сил для учебы, для больших поисков.

Он чувствовал, как ласково, кончиками пальцев, гладит Василиса его кожу, как замирают ее пальцы, натыкаясь на многочисленные рубцы. Она разыскивала его шрамы: на ноге, на бедре, на груди, на шее и на лице.

— Родной ты мой! — всхлипнула девушка.— Сколько же боли тебе причинили! Места живого на тебе нет! А за что? Для себя-то ты завоевал что-нибудь?

Виктор ответил не сразу. Подумал, раскуривая сигарету, сказал твердо:

— Да. Я завоевал право жить на родной земле. Жить с чистой совестью. Я завоевал право любить тебя. И еще завоевал право учиться. Если сложить все вместе, то получается очень много. Во всяком случае достаточно для

того, чтобы с радостью встречать каждый новый день. Ты согласна?

— Я всегда буду рада, когда тебе хорошо,— ответила она, прижимаясь к нему и перебирая пальцами его короткие жесткие волосы.

6

С утра Иван Булгаков отмахал двадцать пять километров от станции до Одуева. Оно бы и ничего для солдата, да уж больно грязной была дорога. Иван изгаздался и порядком устал, хотел было отдохнуть часок у родни, провести Марфу Ивановну, но сердце взяло свое: прямо с окраины города повернул на знакомый проселок, ведущий в Стоялово.

Пустынно и холодно было в мокрых полях, посвистывал ветер, срывая с деревьев погибший лист. Лишь кое-где виднелись бабы, копавшие картошку. При виде солдата они останавливались, провожали взглядами, переговариваясь меж собой: кому это, мол, повезло дождаться своего мужика?!

С дороги сошел Иван на тропу, чтобы по кособогу, через колхозный сад, срезать угол к своему дому. За те годы, пока не был он в родных местах, яблони заметно подросли и одичали, не чувствовалось в саду ни заботливой руки, ни умелого ухода. Развалился даже шалаш.

Через заросли крыжовника пробился Иван к картофельным делянкам, и тут, совсем рядом, увидел свою Алену. Подавшись вперед в брезентовых лямках, она с натугой тянула соху. Ноги ее выше щиколоток вязли в сырой земле. Средний сын шел рядом, помогал ей. А сзади собирал в мешок картошку младший сын, вместе с болезненной соседкой и ее ребятишками: мал мала меньше.

Повернувшись на голос мужа, Алена застыла в короткой оторопи. А потом с радостным воплем кинулась навстречу Ивану. Таким громким и таким необычно счастливым был ее крик, что его услышали и в деревне, и на дальних полях.

Сильными руками обняла она мужа, уткнулась лицом в его грудь, дышала им, не желая больше ничего видеть и знать. В одну секунду свалился с плеч ее тяжелый груз небабьих забот, она словно бы охмелела от легкости, от

чувства освобождения, от близости мужа. Сквозь слезы торопливо говорила ему, сама не зная что, как под солнцем согреваясь от его ласки. Рядом, вцепившись в замызганную шинель и не сводя с отца восторженных глаз, вытянулись Ивановичи.

Вот так посреди российских полей, под серым осенним небом встретилась эта маленькая семья — третья семья в деревне, в которую вернулся после войны солдат-фронтовик. Так стояли они обнявшись, эти люди, пережившие такую разлуку, что теперь и на минуту не хотелось им отпустить друг друга. А вокруг них собралась большая толпа солдатских вдов и сирот. Шмыгали носами ребятишки, да тихонько, чтобы не омрачать настроение, плакали бабы.

Горькой безысходной тоской разбредила эта встреча вдовья сердца, и никому не счесть — не узнать, сколько бабьих рыданий слышали в ту ночь стены осиротевших изб, сколько горьких слез пролилось над полуголодными детьми, навсегда потерявшими кормильцев своих!

7

С первых же дней пребывания в тюрьме, Гейнц Гудериан понял, что его не столько охраняют, сколько оберегают от всяких неприятностей, которые могли бы обрушиться на бывшего гитлеровского генерала. Камера у него была просторная, с удобной койкой, умывальником и унитазом. Имелся даже небольшой стол для работы.

— Вот жизненное пространство, которое мне удалось пока отвоевать, — пошутил он, когда Маргарита первый раз пришла к нему на свидание. Жена внимательно осмотрела помещение, понюхала воздух, спросила о температуре и вздохнула:

— Нам остается только терпение, мой дорогой!

— Я не жалуюсь, — сказал он. — Я чувствую себя хорошо и надеюсь на лучшее.

Здесь, в тюрьме, заметно окрепло его здоровье. Он соблюдал строгий режим, крепко спал, два раза в день совершал продолжительные прогулки по саду. Правда, в августе его взволновало известие о том, что Советский Союз, США, Англия и Франция подписали соглашение об учреждении Международного военного трибунала для того, чтобы су-

дить фашистских преступников. Как-никак, он тоже был не последней скрипкой в том оркестре, которым дирижировал Гитлер. Конечно, Гудериан — человек военный, он выполнял приказы, и в этом его оправдание. Но с другой стороны он и сам разрабатывал директивы, составлял планы, проявлял инициативу. Все зависело от того, с какой точки зрения смотреть на его недавнюю деятельность.

Беспокойство генерала продолжалось недолго. Через несколько дней его отвезли за город в какой-то особняк, провели в большую, хорошо обставленную комнату. Появился высокий сидящий мужчина в строгом черном костюме. Он не назвал себя, да Гудериану в конце концов и не важно было знать его имя.

— Мы высоко ценим ваши довоенные труды о бронетанковых войсках, — без обиняков начал мужчина. По-немецки он говорил с легким, едва заметным акцентом. — Некоторые положения вашей книги и ваших статей не устарели и до сих пор. Но война многое изменила. Надо обобщить ее опыт, сделать из него выводы. И чем скорее, тем лучше, вы меня понимаете? — собеседник пристально посмотрел в лицо Гудериана. — О действиях немецких бронетанковых сил в этой войне никто не может рассказать лучше вас.

Генерал подумал, потом ответил сдержанно, с чувством собственного достоинства:

— Да, я собирался изложить свои впечатления в новой большой книге. Но для такой серьезной работы потребуются месяцы, может быть, годы. А я между тем не уверен даже в завтрашнем дне.

— Мы с вами деловые люди, — понимающе кивнул собеседник. — Сегодня я разговаривал с человеком, который будет вашим адвокатом. Он уже располагает вескими материалами для защиты. Самое большее, что вам грозит, это десять лет тюремного заключения.

— При моем возрасте...

— Пройдет немного времени и страсти улягутся, — перебил собеседник. — Вам, конечно, известен гуманный обычай пересматривать приговоры.

— Но мне трудно работать в камере. Нужна спокойная обстановка, потребуются материалы.

— Мы знаем, господин генерал, что у вас слабое сердце. Вам полезен свежий воздух, полезна природа. Семья, разумеется, будет рядом. При этом прошу заметить, мы не ста-

вим никаких ограничений, не выдвигаем условий. Пишите так, как было в действительности. Лично меня интересует только основная концепция вашей будущей книги.

— Откровенность за откровенность, — ответил Гудериан. — Я хочу показать превосходство германского солдата, чтобы новое поколение поверило в свои возможности и не смирилось с теми границами, которые навязаны нам сейчас.

— И это все? — многозначительно спросил собеседник.

— Нет, — усмехнулся Гудериан, отлично понявший своего партнера. — Я постараюсь доказать новому поколению, что победить большевиков можно лишь в том случае, если запад объединит против них все свои силы. Вот главный вывод, который я сделал из этой войны!

8

Эскортный корабль высадил на остров роту строителей и полтора десятка моряков, с большим трудом удалось выгрузить на скалистый берег ящики с оборудованием для наблюдательного поста и радиолокационной станции.

Корабль ушел, а люди принялись обживать на новом месте, среди камней на склоне сопки. Океан обдавал влажным теплом, в туманной сырости не просыхали одежда и парусина палаток. Неумолчный грохот прибоя глушил голоса.

В первый же день старшина Вячеслав Булгаков поднялся на вершину, где намечено было установить станцию. С берега казалось — рукой подать, а лезть пришлось часа четыре: по обрывам, по каменистым осыпям, по грязному снегу в глубоких затененных распадках, который так и не растаял за лето, дождался осени. Но особенно трудно было продираться через заросли кедрового стланика. Тугие, пружинистые ветви его, густо переплетавшиеся на уровне груди, охватывали сопку широким поясом, стояли хоть и невысокой, но неприступной стеной. Тропу сквозь заросли нужно было прокладывать топором.

На вершине сопки Славка долго прыгал под холодным ветром, кутаясь в бушлат, ожидая, пока рассеется туман, и в конце концов был награжден за свое терпение. Сквозь серую мглу блеснул кусок голубого неба, пробился узкий солнечный луч. Он становился все шире, все ярче, белые

струйки тумана, как змеи, уползали от него в расселины и на теневой склон. В какие-то пять минут расчистились небо и море, сразу стало тепло и так красиво, что Славка восторженно присвистнул, вертя головой.

Вдали вода была совсем черной, мрачной, а ближе к острову постепенно становилась синей, спокойной и нежной. Резко оттеняли границу прибоя белые кружева пены. Над крутизной скал заманчиво зеленели склоны сопки: со стороны казалось, что покрыты они ровной и сочной травой-муравой. А над всем этим многоцветным миром ослепительно блистал снежный конус, воткнувшийся прямо в центр голубого неба. Славка даже не смотрел на эту снеговую вершину — сразу слезились глаза.

Он поворачивался то в одну, то в другую сторону, и повсюду была вода. Он смотрел на восток, спину его холодил ветер, летевший через Охотское море с родных берегов. А впереди раскинулся Тихий океан, протянувшийся на многие тысячи километров. Где-то там, за волнами, за туманами, за необозримой водной пустыней лежала Америка.

«Форпост, — мысленно произнес Славка. — Нет, не зря нас сюда послали. Мы тут лицом к лицу...» — Он еще раз обвел взглядом остров и с трудом подавил вздох: — Ну, что же, будем служить как надо, без дураков! Только скучища тут будет непроходимая, это точно. Особенно зимой. И ни одной женщины на пятьсот морских миль вокруг!»

Он запел громко для бодрости, для успокоения, и начал спускаться вниз, туда, откуда неслись настойчивые удары железа по камню.

Быстро прошли несколько заполненных работой дней. Строители прокладывали дорогу, расчищали площадки для двух домов. Радисты установили связь с Большой землей. На вершине сопки и день, и ночь торчал вахтенный сигнальщик с биноклем в руках.

Океан был пустынен. Лишь изредка подходила к берегу стая касаток: хищники затевали игру, носились впереводки, рассекая воду черными спинными плавниками, блестящими, как лакированные.

А в конце недели прозвучал вдруг сигнал боевой тревоги. Схватив автомат, Славка бросился к береговому обрыву, остановился на краю черной скалы, под которой перекипала белая пена прибоя.

Вдали, у самого горизонта, медленно шел военный корабль. Командир сказал, что это крейсер типа «Чикаго», и протянул Булгакову тяжелый морской бинокль: «Погляди».

Славка увидел надстройки, чуть скошенные назад мачты. Артиллерийские башни крейсера были развернуты в сторону острова. На корабле, наверно, производились учения, но Славке казалось, что вот-вот вспыхнет на оружейных стволах желтое пламя залпа...

Крейсер ушел, словно растаял в дальней туманной дымке, а Булгаков долго еще стоял над обрывом. С той стороны, где исчез корабль, дул холодный пронизывающий ветер и все ближе наползала стена тумана. Из-под нее бесшумно выкатывались длинные валы, неслись к берегу, гулко разбиваясь о камни, взметывая каскады крупных сверкающих брызг.

Шторм усиливался, массивней и круче делались волны, превращаясь в беспорядочные водяные холмы. Стремительным и могучим был их разбег. С глубинным нарастающим ревом бросали они свою многотонную тяжесть на широкую грудь скалы, которая содрогалась под ногами Булгакова. Махнув белой гривой, волны опадали и отступали с бесильным шипением, обнажая дно, чтобы через несколько секунд, получив подкрепление, обрушить на скалу новый удар!

9

— Настя, хочешь послушать мое стихотворение?

— Да, конечно!

— Только ты не суди очень строго, — смущенно улыбнулся Альфред, протирая очки. — Это вылилось сразу, в один прием. Я еще не знаю, что это будет. Может, начало поэмы, а может...

— Ты не рассказывай, ты читай, — ласково попросила она.

Ермаков отвернулся, глядя в окно. Тихо и взволнованно прозвучал его голос:

Разобраться, мы были с тобою ребятами,
Нам бы книжки читать, целоваться с девчонкой весной.
На ступени семнадцатой стали солдатами.
Нам винтовка казалась тяжелой и слишком большой.

Мы курили махру и умели стрелять из орудий,
Не робели в разведке глухою ночью порой.
Девятнадцатилетний, с осколком ты встретился грудью,
А меня отшвырнуло взрывною волной...

Годы быстро летят, подрастают уж дети
У девчонки, с которою был ты знаком,
Поседевшая мать бережет извещение о смерти
С зажелтевшим от времени школьным твоим дневником.

Вспоминаю о «фрицах» спокойно, без ярости,
Батареи умолкли, пехота не просит огня.
Но, тебя схоронив, и к себе не оставил я жалости.
Это просто случайность, что ты там погиб, а не я!

Буду славить Победу, тобою и мною добытую!
Я тебе посвящаю работу свою,
Чтобы в книгах прожил бы ты жизнь непрожитую,
Чтобы вечно стоял направляющим в нашем строю!

— Игорь! — бросилась к нему девушка. — Это ведь об Игоре, да?

— И о нем, и о всех тех, кого я знал и любил. О старых и молодых, о прославленных и забытых. О всех солдатах! — сказал Ермаков, закрывая свою тетрадь.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

КНИГА ТРЕТЬЯ 3

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ 403

Владимир Дмитриевич
Успенский

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЛДАТЫ

Редактор Ю. С. Новиков
Художественный редактор Э. А. Розен
Технические редакторы Е. А. Ельская,
В. А. Авдеева

Сдано в набор 26/VII-67 г. Подписано к печати 24/I-68 г. Формат бум. 84X108¹/₃₂. Физ. печ. л. 18,5+1 вкл. Усл. печ. л. 31,1. Уч.-изд. л. 31,45. Изд. инд. ЛХ-150. А05115. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 06 к. в переплете, Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия», Москва,
проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров
РСФСР, г. Электросталь Московской области,
Шнольная, 25, Заказ № 650.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, Центр, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».

**Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»**

Вышла из печати книга:

Б. Полевой. В большом наступлении. 350 стр., ц. 90 к.

Новая книга Бориса Полевого, написанная в жанре документальной прозы, рассказывает о большом наступлении Советской Армии, которое началось под Курском и Белгородом, прошло по дорогам Украины и победоносно закончилось Яско-Бухарестской операцией.

Военный корреспондент Б. Полевой заносит в свои блокноты описания боев, беглые зарисовки военного быта, впечатления от многочисленных встреч с разными, подчас очень интересными людьми.

Книга продается в магазинах Книготорга.